

Моя судьба - Краснотурьинск

Художественно-исторический очерк

Предисловие.

Историю нашего края писать нелегко, но невероятно интересно. О наших северных уральских местах опубликовано немало свидетельств очевидцев, исторических очерков краеведов, научных трудов и биографических исследований. Однако все это писалось в разное время и публиковалось настолько малыми тиражами, что не дожило до сегодняшних дней. Не все дошедшие до нас публикации «стыкуются» между собой. Порой одни и те же события либо трактуются по-разному, либо датируются не совпадающими между собой числами.

История не терпит фальши и ретуши, а потому некоторые из увидевших свет краеведческих материалов сегодня, мягко говоря, не представляют исторической ценности. И, напротив, очень ценны и увлекательны публикации на страницах наших местных газет людей, подвижников и энтузиастов, выуживающих из архивов интересные факты, связанные с историей нашего края. Эти люди делают большое и нужное дело, соединяя из маленьких фрагментиков истории Летопись Северного Урала, восстанавливают потерянную нашими современниками связь времен. Этим людям: Ю.Гунгеру, В.Межбергу, Г.Вульф, М.Бессонову, Л.Дзюбинскому, Ю.Сысуеву, Б.Золотареву, А.Арцибашеву - низкий поклон и слова благодарности.

Богатейшей информацией по истории золотодобывающей отрасли поделился с автором книги бывший директор Южно-Заозерского прииска, потомственный «золотарь», Виктор Иеронович Жлудов. Помогали автору советами, делились знаниями деталей описываемых в книге событий Ю.Гунгер и В.Межберг.

Работая над книгой, автор прекрасно понимал, что, как говорил К. Прутков, «Нельзя объять необъятного». Книга и не претендует на уровень монографии. Она была задумана как сборник интересных фактов и событий, которые и дают представление о жизни наших предков-земляков.

Часть 1. Таежный поселочек на речушке Турье

Глава 1. От чистого истока – в прекрасное «далеко»

Краснотурьинск – хвоинка тайги

Если ехать из Екатеринбурга по автотрассе все прямо-прямо на север, мимо Невьянска с его знаменитой, видной издали «падающей башней», мимо деловитых, вечно задымленных и по провинциальному немодных Нижнего Тагила, а потом – Серова, то дорога рано или поздно приведет в наш город. Местность вдоль дороги живописная – типично уральская: зеленые отлогие горы с голыми, изъеденными временем скалистыми шиханами на вершинах, леса, в долинах вьются студеные речки.

От Серова дорога вьется веселой змейкой. Вот она оставляет позади поселки Ключевое и Рудничный... Вот она поднимается на взгорье правобережья Турьи... И панорама таежного городка Краснотурьинска возникает, как мираж...

Маленький уральский городок. Вот уже сорок с лишним лет хожу я по милым сердцу улочкам родного города. Здесь прошли мои юные годы. В студенческой аудитории филиала УПИ повстречал я свою любовь. Здесь родились мои дети, появились на свет внуки, которые себя по праву называют коренными краснотурьинцами.

Мой город невозможно не любить. В любое время года он по-своему красив. Радуют глаз обновленные фасады зданий, опрятность дорог и тротуаров, доброжелательные лица горожан. Здесь во всех проявлениях общественной жизни сквозит непоказной оптимизм.

Мой город не обошли стороной холодные ветры экономических потрясений. Такой монстр, как трест «Базстрой», не удержался на плаву. Да и сейчас в силу обстоятельств, от нас не зависящих, не все ладится в нашей экономике. Но город живет, трудится и верит в свое будущее. И строит это будущее, заботясь о детях, об их образовании, об их культурном и спортивном воспитании.

Мой город не похож ни на какой другой населенный пункт нашей необъятной Родины. Я много раз бывал в Ленинграде, который теперь называют Санкт-Петербургом. Исходил его пешком вдоль и поперек, разговаривал с коренными ленинградцами. Нет, что ни говорите, а сравнение Краснотурьинска с городом на Неве, мягко говоря, «притянуто за уши». Только в чем и есть сходство, так это в похожести белых ночей. А все остальное – и архитектура, и природа, и быт, и люди – не имеют даже близкого сходства. И, наверное, в таком сравнении сказалось-таки наше наивное провинциальное заискивание перед авторитетом знаменитости. Наш город своеобразен неброской рабочей деловитостью. В нем нет ничего напоказ. Может быть, и можно в чем-то упрекнуть «отцов города», но в главном – искренней заботе о благополучии Краснотурьинска – им не откажешь. Много сделали для его процветания руководители градообразующего предприятия – Богословского алюминиевого завода. Это, прежде всего, Рюмин Михаил Константинович (дядя Миша, как звали его рабочие), Устич Павел Леонтьевич и Сысоев Анатолий Васильевич. Свою энергию и неумный темперамент вложил много лет проработавший первым секретарем горкома КПСС Тишкин Николай Миронович. Немалый вклад в развитие города вложил его бывший глава Виктор Егорович Михель. Существенные изменения в экономике и градостроительстве города ждут, я надеюсь, при нынешнем главе – Александре Юрьевиче Устинове.

Наш город добросердечнее Ленинграда. Это трудно объяснить, это ощущаешь сердцем. Вы побывайте в наших педагогических, медицинских и досуговых учреждениях, загляните в муниципальный Центр социальной защиты детей и семьи. Вы поймете, что не все измеряется материальной заинтересованностью. Сколько их у нас милых, трудолюбивых женщин – работниц этих учреждений, отдающих всю теплоту своих душ, ничего не прося взамен.

В нашем городе, как нигде, наделено реальной силой ветеранское движение. Наши убеленные сединой старики не на словах, а на деле чувствуют внимание к себе со стороны общества.

Нашему городу есть чем гордиться. Наши люди, наши добрые дела известны далеко повсюду. Все у нас впереди. Наша славная летопись продолжается. Но прежде, чем загадывать планы на будущее, не грех оглянуться на пройденный путь.

Древнейшей истории след.

В Краснотурьинском геологическом музее, который в 1894 году основал человек уникальной работоспособности и энциклопедических знаний Евграф Степанович Федоров,

хранятся любопытные экспонаты. На отдельном небольшом стендике, по соседству со шкафами, набитыми до отказа образцами минералов, лежат гладкие, отшлифованные временем гигантские кости древних животных. Эти кости были найдены рабочими-землекопами, строившими в 1905 году железную дорогу от Надеждинска (старое название Серова) до Кушвы. Находку приезжали смотреть светила Российской науки. После тщательного исследования было установлено, что кости принадлежат животным, жившим на территории Северного Урала 14-15 тысяч лет назад. Ученые назвали даже самих животных, фрагменты которых сохранились в нашей земле до их обнаружения. Теперь таблички на стенде объясняют нам, что перед нами нижняя челюсть мамонтенка, бивни и часть конечности мамонта, череп сибирского носорога, лобная часть и конечность сибирского быка (бизона).

Наиболее древние остатки жизни человека на Урале, известные науке, относятся ко времени 50-75 тысяч лет назад. Это небольшое местонахождение у оврага Пещерный Лог на реке Чусовой в окрестностях Перми. Здесь найдено несколько отщепов сильно окаменевшего черного сланца и небольшое, размером 55x42 мм, орудие миндалевидной формы, обработанное двусторонней обивкой. Такие орудия – остроконечники – типичны для культуры эпохи раннего палеолита. Они употреблялись в качестве ножей. Считается, что этими ножами пользовались неандертальцы.

Во времена позднего палеолита (от 40-30 до 12 тысяч лет назад) на смену неандертальцам приходят люди современного физического типа. Территория Урала прочно осваивается этими людьми. Климатические условия, связанные с последним оледенением, были гораздо суровее нынешних. И это накладывало отпечаток на степень заселенности нашего края. Памятники этого периода открыты на Южном и Среднем Урале и даже на Северном, в его приполярной части, встречаются еще временные стоянки в пещерах, но в основном, видимо, люди жили на открытых местах, где сооружали жилища.

Лучше всего среди уральских позднепалеолитических памятников исследована стоянка на реке Чусовой вблизи Пещерного Лога. На древнем берегу реки, который сейчас перекрыт позднейшими отложениями толщиной до 18 м, при раскопках собраны кости северного оленя, дикой лошади, мамонта, носорога, песца, лемминга, зайца, косули – все это остатки животных, на которых охотились люди.

Вместе с костями животных найдено много орудий из кремня, горного хрусталя и кремнистого сланца. Часто встречались скребки для обработки шкур, ножевидные пластинки, резцы. Интересны составные орудия с основой из кости или дерева и вставными кремниевыми пластинками – вкладышами, образующими лезвие. Около стоянки найден кусок ребра мамонта, покрытый полоской орнамента.

Около 14 – 12 тысяч лет назад ледник окончательно сошел с материка, и климатические условия с тех пор с некоторыми колебаниями приблизились к современным. Эта эпоха, называемая мезолитом, характерна миграцией всего человечества. Именно поэтому поселения, открываемые сейчас археологами, чрезвычайно бедны – все это временные стойбища. Но на некоторых из них все же удается обнаружить остатки жилищ, представляющих собой полуземлянки с земляным покрытием. Стоянки эпохи мезолита открыты на реке Каме возле деревень Нижнее Адищево, Огурдино, Кама-Жулановка и других. В Зауралье исследованы остатки такого поселения у деревни Сухрино на реке Исети и у Голого Камня близ Нижнего Тагила.

Расцвет родового строя связан с эпохой неолита (5 – 3 тысячи лет назад), когда уральское население осваивает рыболовство и переходит к прочной оседлости. Поселения располагаются возле устьев рек, по берегам озер, в местах, удобных для рыболовства. Рыбу ловили при помощи запруд, различных снастей, изготовленных из прутьев, кололи гарпунами и даже вылавливали удочками с крючками.

Охота также занимает ведущее место в хозяйстве, более совершенными становятся наконечники стрел, делаются различные ловушки.

Для изготовления лодок, различных деревянных предметов, а также в строительстве понадобился инструмент. В эту эпоху появляется каменный топор, ставший одним из основных орудий труда. Кремниевые орудия изготавливались тщательно, путем систематического скалывания или отжима от пластин мелких чешуек (техника ретуши).

Поселения эпохи неолита открыты на Урале во многих местах. В 1887 году на Курьинском прииске под торфом, на глубине 3-5 метров, в слое черного ила было найдено погребение человека. Около него лежали дно полужайцевидного сосуда, покрытое орнаментом, половина сломанного весла и орудия из кости. В фондах Екатеринбургского краеведческого музея и сейчас сохранились части сосуда, кинжал из кости и обломок ножа с кремниевыми вкладышами по лезвию.

Известным антропологом М.М.Герасимовым был восстановлен физический облик человека. Это оказалась женщина 17-19 лет метисного типа, с легкой примесью монголизации. Благодаря работе М.М.Герасимова мы увидели тех людей, которые заселяли наш Урал в столь отдаленное от нас время.

Начальный этап разложения первобытного общества на Урале охватывает археологическую эпоху бронзы (от конца 3-го до начала 1-го тысячелетия до н.э.). Урал был заселен различными группами населения, отличавшимися не только в хозяйстве и культурно-бытовом укладе, но и по происхождению. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические памятники. В степях и предгорьях Южного Урала находилась область, где обитали оседлые пастухи-скотоводы, знакомые также с мотыжным земледелием. В средней полосе вдоль рек и на озерах жили люди, занимающиеся охотой и рыболовством. Северные таежные области и тундру также занимали охотничье-рыболовецкие племена, но значительно отстававшие от своих южных соседей.

Население этой эпохи разводило все основные виды домашнего скота: коров, овец, коз, лошадей. Кости этих животных встречаются как среди пищевых отходов на поселениях, так и в курганах, положенные в качестве пищи покойнику. Была приручена и собака. А вот свиней в тех поселениях еще не было.

Домашние животные давали основные пищевые продукты: мясо, молоко. Из кожи делали обувь, из шерсти – грубые ткани. Изучением этих тканей установлено, что древние люди той эпохи умели из шерсти ткать плести и даже вязать крючком.

Жители тех поселений широко пользовались бронзой для изготовления орудий труда, оружия и украшений. Часть бронзовых предметов выковывалась, другие отливались в формах. Каменные литейные формы, глиняные чаши и глиняные ложечки для разлива металла, встречающиеся в большом количестве при раскопках, указывают на то, что этим искусством владели очень многие мужчины.

К 7-6 векам до н.э. уральские племена научились добывать железо, которое стало основным сырьем для изготовления оружия и орудий труда. В эпоху раннего железного века оседлое население начинает строить укрепленные поселения-городища для защиты от внезапного нападения. Захваченных во время нападения людей обращают в рабство. Все больше начинает развиваться имущественное неравенство между сородичами. Горные районы Урала и прилегающие равнины северных склонов Зауралья в раннем железном веке были заняты племенами каменногорской культуры – предками вогул. Большинство поселений каменногорской культуры не было укреплено. На озере Вагильский туман в Гаринском районе раскопаны остатки жилища, глиняные стены которого имели толщину около метра. Вокруг стен было вырыто небольшое углубление шириной до 4-5 метров, огороженное вертикальными бревнами. Все сооружение было перекрыто общей крышей, образуя большой дом с внутренней и наружной камерами. Наружная служила, по-видимому, для хранения припасов и инвентаря, а в летнее время – для жилья.

На рубеже нашей эры из Центральной Азии на запад и на северо-запад двинулись кочевые орды гуннов. Значительная часть гуннов и увлеченных ими кочевников других племен постепенно переместились в северные районы нынешней территории Казахстана, чем оказали давление на лесостепные племена: они вынуждены были отходить на новые

территории. В лесостепных районах Западной Сибири и Зауралья издавна обитали угорские племена. К югу от них жили древнетюркские племена. Большинство угорского населения было оттеснено к северу, в леса, а смешанные тюрко-угорские племена заняли южные лесостепные районы Урала.

Необычные факты, догадки и предположения.

Об истории появления на севере народностей хантов и манси, как впрочем, и других северных народностей, существует любопытная и небесспорная версия профессора-антрополога Ф.Н.Поршнева.

Представим себе нашего далекого предка. В школе учат, что это была обезьяна, которая взяла палку и сбила банан. И стала разумной и трудолюбивой. Привязала к палке камень, научилась добывать огонь, убивать мамонта и жарить мясо. Что толкнуло ее на этот подвиг, так и неясно. Зато археологи находят «орудия труда»: отесанные камни, которые якобы доказывают разумность нашего предка...

Наука не отрицает, что высшие приматы питались падалью, трупами умерших или убитых животных. По теории Ф.Н.Поршнева, сами они хищниками не были, а ели в первую очередь мозг, как самую калорийную пищу, для чего разбивали черепа и кости у трупов, оставленных хищниками. Делали они это с помощью камней и постепенно достигли такого совершенства, что стали успешно расчленять и кожные покровы. А чтобы легче было осекать мясо от костей, они научились изготавливать рубила – те самые отесанные камни, которые археологи принимают за орудия разумного труда.

Перелом наступил 20-40 тысяч лет назад в эру верхнего палеолита, когда в природе разразился очередной экологический кризис. Тогда наш предок был очень подвижным, легко приспосабливался к новым условиям. Питался и растениями, но предпочитал по-прежнему мясо... Новый кризис привел к дефициту мясной пищи, и приматы встали перед выбором: либо вымирать, либо... Природа подсказала им немудреный выход: инстинкт не воспротивился намеренно питаться мясом себе подобных. Адельфофагия, «поедание собратьев», - известное в зоологии явление, оно практикуется и среди современных обезьян. Но только наши предки смогли превратить каннибализм в основной способ питания и сами стали хищниками по отношению к себе подобным.

Как это могло выглядеть? Просто одна часть популяции стала поедать другую, вести себя агрессивно по отношению к ней. Возможно, они держали их на подножном корму... Еще один феномен – появление человеческой речи. Считается, что она возникла, как средство коммуникации, общения. Ничего подобного. Ф.Н.Поршнева доказал, что речь (так называемая вторая сигнальная система) служит способом подавления и торможения первой сигнальной системы – инстинктов, рефлексов. То есть с помощью звуков одни приматы воздействовали на других, держали их под контролем. Речь – это приказ или запрет на какие-то действия, что наблюдается и в нынешнее время. Недаром же говорят, что слово и лечит, и может убить.

Разумеется, не все «поедаемые» желали мириться со своей участью. Страх перед волевыми сородичами гнал слабохарактерных приматов в дальние края, те в свою очередь следовали за ними – происходило глобальное расселение по всей территории Земли, начиная с Африки. Чем же еще объяснить, что людей занесло в немыслимые климатические условия – на Крайний Север или в глухую тайгу? Эти реликтовые народы – чукчи, ханты, манси – известны своей наивностью и доверчивостью. Видимо, они бежали подальше на край Земли, потому что не научились противостоять агрессии.

Дикie земли Югры.

Первые письменные упоминания о народах Северного Урала появились в арабских «географических» сочинениях в 9-10 веках. Все эти известия были довольно стандартны и отрывочны. По ним европейскими исследователями был составлен так называемый «Свод сведений о населенных», наиболее полно отражающий эти известия. Вот как выглядят сведения древних историков:

«- На север (или по направлению к полюсу) от болгар находится страна вису, за нею народ йура и «страна мрака»; путь туда от болгар – три месяца.

- Йура – народ дикий, живет в чащах, не сноится с другими людьми из-за страха перед злом, которое те могут причинить; торгует народ йура при посредстве знаков и скрытно, ввиду их дикости и страха перед людьми; вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха ведь они охотятся на этих зверей, питаются их мясом, одеваются в их шкуры.

- Булгары везут в страну вису и йура товары на санях, которые тащат собаки по сугробам снега; сами люди передвигаются на лыжах.

- За страну йура находятся береговые люди, они плавают в море без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот, мол, они достигли такого-то и такого-то места. Они – люди, находящиеся на крайней степени глупости и невежественности: вот едут они на кораблях по морю, и вот встретились два корабля, привязывают их оба моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются: кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями».

Страна йура, по мнению историков, - это и есть древняя Югра. В период зарождения феодальных отношений, относящийся на Урале примерно к 11 – 15 векам, завершилось в основном складывание уральских народностей: коми-пермяки, ханты, манси, башкиры и удмурты. Правда, процесс этот происходил неравномерно. Если у хантов и манси он был замедленным, то у башкир, коми-пермяков и удмуртов он был более быстрым.

В период перехода к феодальному строю местные народности имели связи с другими народами и особенно с русскими княжествами, что содействовало более быстрому развитию и укреплению у них феодальных отношений. Проникновение русских людей на уральские земли, начавшееся в 11 веке, подтверждается археологическими находками и летописными сказаниями: Лаврентьевской и Никоновской летописями. В числе первых на Урале появились новгородцы. О них в известном летописном источнике «Повесть временных лет» (1118 год) написано так: «Югра. Теперь же хочу рассказать, о чем слышал четыре года тому назад от Гюраты Роговича – новгородца, который поведал так: «Послал я отрока своего в Печеру, к людям, дающим дань Новгороду. И когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел он в землю Югорскую. Югра же это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с Самоядью в северных краях». Югра же сказала отроку моему: «Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, а идет этому уже третий год; есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотой как до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и если кто-то даст им нож ли, или секиру, они в обмен дают меха...»

Историки до сих пор ломают голову о странном рассказе отрока Гюраты Роговича. Особенно над тем эпизодом, где речь идет о «сечении» в горе. Ясно одно: народности Югры охотно шли на контакты с новгородцами, предлагая меха в обмен на изделия из железа.

В 1263 году в двух грамотах, данных новгородцами великому князю Ярославу Ярославлевичу, преемнику Александра Невского, вместе с первым упоминанием о стране Пермской (в грамотах она названа Пермь) говорится и о племенах зауральских, с которыми «новгородцы вошли в правильные и постоянные сношения и вывозили оттуда меха собольи и куньи, золото, серебро и узорочья». Там же сказано и о том, что «чтобы

навсегда утвердиться в завоеванной земле, новгородцы должны были занимать здесь земли, покупая у туземцев или укрепляясь силою оружия» («Памятная книга Архангельской губернии». 1884, стр.2)

Однако права на свои владения новгородцам приходилось отстаивать в борьбе с московичами. Борьба Московского княжества за новгородские волости была частью борьбы за создание Русского централизованного государства. Для Ивана III, желавшего всеми мерами увеличить свои наследственные владения, достаточно было самого малейшего предлога, чтобы уничтожить самостоятельность «Переми». По-видимому, незначительный случай – обида некоторых московских купцов «туземцами», привела к тому, что в 1472 году в пермскую страну двинулись полки московичей. Летописи сообщают, что «...в этом походе, имеющем историческое значение, весьма важно было участие епископа Филофея. Заранее знавший цель похода, посвященный в тайные планы царя Московского, архипастырь пермский заботился в пользу Иоанна. Любимый и уважаемый многочисленною паствою, Филофей внушал ей недоверие к Новгороду, а равно и к местным правителям, и, восхваляя добродетели Иоанна, привлек к нему сердца туземных жителей, так что они все усердно желали видеть его своим властителем. Московския войска, проходя по Перми, повсюду встречали дружеский прием и ласки от туземных обитателей...» Можно ли удивляться после этого тому, что выступившая навстречу Иоанну немногочисленная югорская рать была наголову повержена. А предводители ее – воеводы Кача, Бурман, Мичкин, Качаим, Изыпар и Зырян были пленены. Городок Искор, так же как и другие поселения Югры, были дотла сожжены. «Вся земля Пермская покорилаь Иоанну. Это завоевание, которым владения Московския присоединились ко хребту гор Уральских, обрадовало Государя и народ, обещая важныя торговыя выгоды», - с удовлетворением отметил в «Истории государства Российского» писатель Н.М.Карамзин.

На начальном этапе колонизации Уральских земель центрами управления и экономического освоения края стали первые русские поселения Покча, Чердынь и Усолье Камское.

Основным содержанием второго этапа русской колонизации (вторая половина 16 века) является начало массового расселения русских по обоим склонам Урала.

Русские «конкистадоры» - купцы Строгановы.

В 16 веке усилилось расселение на Уральских землях поселенцев из Центральной и Северо-восточной Руси – это было связано с падением Казанского ханства. И во всей Пермской земле (так тогда называлось все Зауралье) не было более могущественного и богатого дома, чем дом купцов Строгановых. Один из основателей знатного рода Лука Строганов в 1445 году прославил себя тем, что участвовал в выкупе из татарского плена великого князя московского Василия Васильевича Темного. Великие князья, а затем цари всегда помнили об этом. В 1558 году Иван IV Грозный пожаловал Григорию Строганову земли по реке Каме. На 20 лет Строганов и его наследники освобождались от всяких платежей и поборов с новых владений. Им разрешался беспошлинный торг с приезжими купцами солью, пушшиной и другими товарами. Для заселенья «пустопорожних мест» царь дозволял «принимать нетяглых и неписьменных людей, а для береженья от ногайских людей и иных орд ставить городки с пушками, пищалями и воинскими людьми».

10 лет спустя Яков Строганов получил вторую жалованную грамоту на земли по реке Чусовой. По двум царским грамотам Строгановы получили свыше 7,5 миллионов десятин земли.

По образному выражению историка А.А.Введенского, «Строгановы являли собою не повторяющийся тип и русских Фуггеров, и русских Пиззаро, и Кортеса одновременно».

Подобно немецким Фуггерам, они владели крупнейшими в стране соляными варницами и вели обширную торговлю. Как испанские конкистадоры, Строгановы на свой страх и риск захватывали земли, вели постоянную борьбу с местными нерусскими племенами..

В 1572 году после разрушительного набега кочевников на русские поселения на Каме разгневанный Иван IV разрешил Якову и Григорию Строгановым «посылать ратных людей на черемисов, башкир, хантов, манси и приводить их к покорности». Царь повелел Строгановым набрать «охочих казаков, выбрать из их числа голову, переписать и списки представить в Москву для сведения». В помощь русским людям разрешалось брать на воинскую службу хантов и манси, присягнувших на верность России.

В 1574 году Строгановы испросили новую привилегию на земли за Югорским Камнем. В отличие от предыдущих грамота 30 мая 1574 года не определяла точно границ пожалованных земель. И то верно: этим купцам хоть каждый год грамоты пиши – они не успокоятся. И ведь хитрюга-царь что удумал: дозволил Строгановым брать земли «на Иртыше и на Оби и на иных реках, где пригодится...», прекрасно зная что эти земли испокон веков принадлежали Сибирскому ханству.

К 1579 году в Пермской вотчине числились 4 городка, 39 деревень и починков с 359 дворами. Строгановские люди, как говорится в документе, «дворы ставили, пашни распахивали, пожни расчищали, в реках и озерах рыбы ловили». Работных и крепостных людей Строгановы получали из разных источников. В Устюге Великом и Вологде нанимали для полевых работ «казачьих работниц», в московских тюрьмах скупали пленных, которых в избытке давала многолетняя Ливонская война. Пленников покупали и у соседних ногаев, черемисов и башкир. К Строгановым в неволю попадали и местные коренные жители – манси, ханты и татары.

Могущество дома Строгановых держалось как на соляных промыслах, так и на обширной торговле мехами, рыбой, хлебом, скотом и другими товарами. Его торговые фактории находились на Кольском берегу, Северной Двине, в Печорском крае, на Волге. Строгановы вели и заграничную торговлю.

Но не все было гладко у могущественных купцов. Манси и ханты, теснимые со своих исконных территорий, нападали на строгановские поселения, жгли дворы, убивали и уводили в полон слободских людей.

Вот тут-то и решили купцы взять на службу известного «разбойника», казацкого атамана Ермака.

Необычные факты, догадки и предположения.

До сих пор остается неизвестным подлинное имя Ермака. Большинство летописей называют его волжским казаком Ермаком Тимофеевичем сыном Поволским. Некоторые из них считают Ермака донским казаком.

Разноголосица источников перешла в историческую литературу. Историки дали Ермаку 7 имен (!): Ермак, Ермолай, Герман, Ермил, Еремей, Тимофей и даже Василий. И что интереснее всего, именно имя Василий встречается наиболее часто в исследованиях историков.

Какое бы имя ни получил атаман при крещении, сподвижники называли его Ермаком, и ни на какое другое имя он не отзывался. На Волге Ермак появился где-то в середине 70-х годов 16 века. В те времена великая русская река являлась главной торговой магистралью, ведущей из Центральной Руси на юго-восток, в Среднюю Азию, Персию и на Кавказ. Вниз по Волге сплавляли на судах русские меха, английские и фландрские разноцветные сукна, оловянную посуду, кожу. Из Персии везли шелка, великолепные ковры, специи и красители.

Здесь, на волжских просторах и развернуло свою бурную деятельность Ермак. Летописи тех лет, весьма скудные при оценке личных достоинств казацких атаманов, говорят о Ермаке, как о человеке, обладавшем недюжинной физической силой, природным умом, способностями организатора, железной волей и большим даром убеждения. Они же утверждают, что «он грабил только богатых, наделяя сим богатством бедных...не умерщвлял и не ранил ни одного человека, разве что, защищая самого себя». Согласно летописям он был «роста среднего, широкоплеч, лицо узкое с темной бородой и с густыми слегка вьющимися волосами, глаза серые, весьма подвижен и скор в движениях». Во время похода в Сибирь ему было 35 – 40 лет.

Почти вся нижняя и средняя Волга от Астрахани до Казани находилась под контролем Ермака. Царь Иван IV, перечисляя в одной из грамот «вины» Ермака и его казаков, гневно указывал, что они побили на Волге ногайских послов, чем осложнили отношения с Ногайской ордой, грабили и побивали русских купцов. Да и царскую казну не гнушались «шарпать».

Чтобы покончить с казаками, царь отправил на Волгу большое войско под командованием воеводы И.Мурашкина, который получил указ повсюду, где возможно, хватать «воров», пытать их и вешать.

Ермак, имевший по всей Волге свои «глаза и уши», счел за благо укрыться от преследователей. Вот тут-то к нему в стан и прибывают послы от купцов Строгановых.

Русская удаль – казацкая вольница.

Строгановы встретили казаков «с честью и даяху им дары многи и брашны и питии изобилно их наслаждаху». Давно не гуляла так шумно и беззаботно казацкая вольница! Однако купцы свое дело знали. На казаков возложили защиту пермских вотчин от набегов враждебных соседей. При этом никакой платы, кроме хлеба, казакам не полагалось. Они должны были добывать себе на пропитание тем же способом, каким добывали его на Волге. Они могли совершать походы в «любых направлениях и добывать саблех мягкую рухлядь и продовольствие у хантов, манси, башкир и черемисов».

Казаки добросовестно исполняли службу. Осенью 1580 года казаки провели крупный поход на север Урала в область, заселенную манси. Летучие отряды Ермака на лыжах доходили до мансийских поселений на восточном склоне Уральских гор. «За Уралом вогуличей воевали и обогатели,- замечает летописец. – А хлебом все ж кормились от Максима Строганова».

Сибирский хан Кучум, уставший, по-видимому, от давления беспокойного казачества на границы своих владений, спровоцировал хантейские и мансийские племена на военное выступление против русских владений на Каме. Летом 1581 года пелымский князек Бегбелий Агтаков, собрав до 700 человек манси и хантов, неожиданно («безвестно», «украдом») появился у стен Строгановских поселений. Бегбелий брал в полон мужчин, женщин и детей, а непокорных убивал на месте. Вот где Ермак со своим войском оказался кстати. Несмотря на численное превосходство, Бегбелий был разбит, а сам раненым взят в плен. Казаки отбили награбленное добро и полон, в свою очередь забрав в плен много манси и хантов.

Вероятно, успешная кампания против Бегбелия подала мысль Ермаку о возможности сокрушить Сибирское ханство. Строгановы же его всячески в этих намерениях поддерживали: становилось все опаснее держать такую своевольную рать в своих владениях.

Сибирское ханство выделилось из состава Золотой орды в первой трети 15 века. Основателем династии сибирских ханов был Хаджи-Мухаммед-хан, потомок Шейбани, одного из братьев знаменитого Батыя. Татары вели полукочевой образ жизни, занимались

скотоводством, охотой и рыболовством. Земледелие существовало только в поймах Тобола и Иртыша. Сибирские правители жили войной, нападая на соседние народы и грабя их. Да и в самом ханстве никогда не прекращалась междоусобная борьба. Власть с переменным успехом оспаривали потомки Шейбани-хана и местного татарского княжеского рода Тайбугинов. И если правившие с 1555 по 1563 годы братья из рода Тайбугинов Едигер и Бекбулат признавали зависимость от России и платили ежегодную дань пушниной в количестве 1000 соболей, то сменивший их Кучум-хан сразу же даннические отношения порвал. По азиатски хитрый Кучум, не решаясь на открытую борьбу, долго лавировал в своих отношениях с Московским государством. Но в 1569 году он послал-таки свою первую официальную «грамоту» Москве. Она была составлена в довольно смелых выражениях, типа такого: «...И ныне похошь миру – и мы помиримся, а похошь воеватися – и мы воюемся». Иван IV был разъярен таким вызовом, но «грамоту» оставил без ответа: он ждал случая поставить на место зарвавшегося хана.

Случай предоставился в 1581 году. Но к российскому правителю он не имел никакого отношения. Начавшийся без царского благословения, как рядовая военная экспедиция, против окрестных племен, поход Ермака вылился в целеустремленный марш на Искер – столицу Сибирского ханства. Сибирские летописи дают разные сведения о численности дружины Ермака. Называют 540, 600 и даже 5000 человек. Разные цели вели людей Ермака в Сибирь. Одних соблазнили сибирские пушные богатства, других влекли авантюризм и вольная жизнь. Грабеж мирных племен, попадавшихся на пути следования дружины, не противоречил представлениям казаков о справедливости и не считался преступлением. Первый серьезный бой Ермак принял у Епанчин-городка (ныне г.Туринск). Разбив наголову мансийское войско, дружина вошла в городок, разграбила его и сожгла. Историки, обеливая Ермака, обычно обходят молчанием подобные «негуманные» факты. Но, как говорится, что было – то было... Уже к началу августа дружина Ермака подошла к городку Чимги-тура (ныне г.Тюмень) и без особого труда завладела им. Жестокость оправдала себя: Прибрежные селения сдавались без боя, казаки долго не встречали никакого сопротивления.

Получив известие о Ермаке, Кучум и его окружение потеряли покой. В ханскую столицу Искер стекались князьки, мурзы и уланы со своими ополченцами. Люди рыли глубокие рвы, кузнецы ковали сабли, копья и наконечники для стрел. Какими войсками располагал хан, историки не знают. Но в любом случае его войско имело многократный численный перевес над дружиной Ермака. Первый бой с воинами Кучума Ермак принял близ устья реки Тавды. В лице племянника хана Маметкула, который стоял во главе татарского войска, Ермак нашел достойного противника. Однако казаки оказались удачливее: татары, не выдержав их напора, побежали и были разбиты. Заняв в конце сентября 1582 года Карачинский улус, Ермак стал готовиться к решающей схватке с Кучумом. Поредевшая в боях дружина насчитывала не более 800 воинов.

Появление казачьей флотилии на Иртыше не было неожиданностью для татар. Казаков ждали с часу на час. Чувашский мыс, укрепленный снизу засеками, а сверху земляным валом с бойницами, угрюмо и грозно смотрел на плывущую дружину. Первая ночь на берегу Иртыша была тревожной. Опасаясь нападения, казаки не сомкнули глаз. С чувашского мыса ветер доносил чужую речь: воинственные возгласы татар перемежались молитвами. У казаков стали сдавать нервы: «Можно ли одному биться против 10,20 и даже против 30 воинов?». И сами себе отвечали: «Это верная смерть».

Но бой состоялся. Напрасно хан и его муллы призывали на помощь аллаха. Казаки разгромили основные силы врага и осадили Искер. А еще через несколько дней уже без боя вошли в оставленный татарами город.

По законам Востока, свергнувший хана сам становился ханом. На этом основании бывшие вассалы Кучума потянулись в Искер с изъявлением покорности новому владыке. Уже на четвертый день после занятия ханской столицы к Ермаку явился хантейский князь

Бояр со своей свитой. Слух о добром приеме распространился по всем улусам. К Ермаку с приношениями потянулись многочисленные делегации со всей Сибири.

Три года продолжался поход Ермака. Три года человек с репутацией «вора» и «разбойника» правил огромной территорией, превосходящей по размерам территории многих европейских стран. В 1585 году коварный Кучум все же подстерег Ермака и, воспользовавшись малочисленностью охраны, перебил остатки казачьей дружины. Сам Ермак утонул в Иртыше.

Поход Ермака не привел непосредственно к присоединению Западной Сибири. Оно произошло в последующие 10-15 лет силами правительственных войск. Но Ермак и его дружина совершили самое главное: результатом их дерзновенного похода был разгром Сибирского ханства – основного препятствия на пути освоения зауральских земель русским народом.

Необычные факты, догадки и предположения.

Знаменитое уральское блюдо – пельмени, по версии авторитетных ученых, были известны еще древним северным уральским племенам. У народов Югры это блюдо называлось «пельнянь» (пель – «ушко», нянь – «тесто»). Пельмени у древних уральцев имели ритуальное значение: блюдо символично воплощало принесение в жертву священных домашних животных. Потому-то традиционная уральская начинка состоит из трех видов мяса – говядины, баранины и свинины, которые соединяются в строго определенной пропорции.

Глава 2. Отцы уральского рудно-заводского дела.

Первые строители ГУЛАГа.

В 1595 году по указу царя Федора Иоанновича было велено проведывать прямую дорогу на Тобольск. От Соли-Камской до Тюмени по старой дороге было 2000 верст. Предложенная верхусольским крестьянином Артюшкой Бабиновым дорога сократилась чуть ли не наполовину. В 1597 году эта новая дорога, прозванная Бабиновской, была окончательно приспособлена для езды. С этого года главный тракт из Европейской России в Сибирь шел следующим образом: Москва, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Шуйский Ям, Тотьма, Устюг, Лальский посад, Кай-городок, Соль Камская, село Ростес, Верхотурье, Туринск, Тобольск – длиной 2388 верст.

Новая дорога сделала зауральские земли более доступными для русского купечества. Приглядывались к Уралу и русские цари. Но только Петр I приступил к серьезному освоению этих богатейших своими природными богатствами земель. Нет, пожалуй, ни одной публикации о Петре I, в которой великий преобразователь России не был бы назван отцом русской промышленности. И это вполне справедливо: чем была Россия до Петра по своему хозяйственному потенциалу? Земледельческой и аграрной страной. И такой Россия останется еще два столетия с лишним. Но именно Петр начал «раскручивать» наиболее удачливых «купчишек», на нужные Отечеству дела. Великий преобразователь страны не мог ждать. Он торопился, желая, по-видимому, еще при жизни увидеть Россию великой страной. Из двухлетней поездки за границу, из опыта крайне неудачного начала Северной войны молодой царь вынес твердое убеждение: у России нет доброжелателей и в этом

мире, и, чтобы устоять перед возвысившейся Европой, нужна регулярная армия. Артиллерия. Морской и речной флот. Огромное количество сукна (для солдатских мундиров), полотна (для парусов), чугуна, железа, меди, бронзы, пороха и много-много другого. Откуда взять все это? На мелкий кустарный промысел – никакой надежды. Полагаться на иностранный привоз? Нужно много денег. Оставался единственный вариант – заняться отечественной промышленностью. Но и тут не все было ясно. Кто и как начнет заниматься неведомыми доселе большими делами? Разумеется, купцы. Ведь богаче этих бородатых «золотонош» нет никого в любом царстве-государстве. А не пойдут «купчишки» на цареве дело, что тогда? И на это у Петра был готовый ответ: «Всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут», - читаем мы в одном из указов императора. Процесс втягивания купечества на путь фабрично-заводской деятельности шел не так стремительно, как хотелось бы Петру. И тому были серьезные препятствия. Первое: почти полное отсутствие рабочих промышленных специальностей. Второе: отсутствие рынка сбыта.

Все эти проблемы Петр I решал в присущей ему повелительно-принудительной манере, чем и вызвано «русское своеобразие» промышленного развития страны. В развитых странах Европы, которым поклонялся Петр, фабричное производство основывалось на труде наемных рабочих. А как быть крепостнической России, где «вольный труд» появится еще очень и очень нескоро? И Петр I сначала раздает «казенных» крестьян, а потом разрешает использовать на фабриках бродяг, нищих, мелких преступников, беглых крестьян. Позднее он идет еще дальше, разрешая заводчикам приобретать целые деревни «под такую кондицией, дабы те деревни всецело были при тех же заводах неотлучно». Говоря иначе, Петр I ввел систему принудительного труда на русских фабриках. Сам внешний вид петровского промышленного заведения напоминал острог – с рвами, насыпными валами и высоким частоколом по периметру. А если учесть суровый режим труда (14 – 16-часовой рабочий день, битье за провинности, казарменное проживание и т.д.), то петровские заводы являлись не чем иным, как прообразом советского ГУЛАГа, а Петра I можно считать прародителем последнего.

Что касается второй проблемы, то и она была решена с учетом российской специфики. Учитывая отсутствие внутреннего рынка, Петр восполнил этот пробел экономической процедурой, которая хорошо известна советскому человеку и называется - госзаказ.

Однако результаты развития промышленности Петра не радовали. Государственный монополизм, воровство заводчиков и взяточничество чиновников тормозили развитие производительных сил страны, увеличивая ее отставание от стран Запада. В борьбе против «мздоимства великого и краж» Петр прибегал к самым крутым мерам. Штрафовал и прилюдно дубасил палкой своего друга и любимца Меншикова, отправил в ссылку вице-канцлера Шафирова, подверг публичной пытке петербургского губернатора Корсакова, повесил тобольского губернатора Гагарина и т.д. и т.д. – и все как об стенку горох.

Подлинное развитие промышленного предпринимательства в России начинается с правления Екатерины II, которое по словам яркого критика отечественной истории П.Я. Чаадаева, имело «столь национальный характер, что, может быть, еще никогда ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед и благоденствия». Факт остается фактом: 34 года Россией правила немка, сумевшая сделать свое царствование одним из самых благополучных в русской истории.

С самого начала своего царствования молодая императрица со свойственной ей осмотрительностью, неспешно, но последовательно и целеустремленно осуществляла реформирование социальных и экономических основ российской жизни. К числу ее несомненных заслуг в плане развития российского промышленного предпринимательства следует отнести следующие:

1. уничтожение государственных монополий в промышленной сфере, легализация частной собственности на средства производства (по-современному: приватизация);

2. формирование «среднего сословия» в России, т.е. отечественной буржуазии;
3. переориентация промышленности с удовлетворения военных заказов на народное потребление (по-современному: конверсия);
4. расширение внутреннего рынка – вширь (за счет вновь завоеванных громадных территорий) и вглубь (за счет возросших потребностей народа).

Екатерина II решительно порывает с петровской системой жесткого регламентирования промышленной деятельности, убежденно полагая, что только в частных руках завод заработает с пользой для государства и с прибылью для казны. Она узаконила порядок, по которому заводы и «полезные рукоделия» могли открывать все, кому и где захочется.

Казенный интерес – он и есть казенный.

Разработка металлов на Урале была известна с незапамятных времен. В 17 веке здесь действовало несколько небольших и недолговечных железоделательных заведений, созданных главным образом радением крестьян. С конца 17 столетия увеличилось количество медных разработок, по преимуществу в старых, заброшенных многие столетия назад ямах. В связи с ростом потребности казны в меди этому делу стало придаваться государственное значение. Проявляла казна интерес и к железным рудам. В 1697 году на Урале были организованы поиски руд. В этом же году начальник Сибирского приказа дьяк А.А.Виниус доносил Петру I, что на Урале найдены хорошие руды и можно строить заводы. Верхотурскому воеводе были даны указы о начале строительства казенных заводов.

В 1700-1704 годах были построены заводы Каменский, Невьянский (через два с половиной месяца после пуска был передан в арендное владение Никите Антуфьеву-Демидову), Уктусский и Алапаевский.

Казна нуждалась и в меди. Местные власти по царским указам должны были содействовать поиску руд и основанию новых заведений. На деле же выходило по-другому. Так, получив в 1713 году указание разрабатывать медные руды, воевода Леонтий Шокуров попросил у казны денег. А получив их, выплавил только 45 пудов. Именем государства Шокуров обязывал крестьян работать на заготовке леса, дров, угля, руды, а за работу не давал никакой платы. Кроме того, он обременял местное население всевозможными поборами. В итоге многие крестьяне бежали дальше в Сибирь, а поиски руд и самостоятельное заведение новых предприятий практически прекратилось.

При преемниках Шокурова – Воронцовом и Усталкове – положение стало еще хуже, поскольку эти воеводы вообще запрещали какое-либо предпринимательство. Специальные заставы ловили крестьян, отправляющихся на поиски руды или пытающихся добывать ее. Фактически прекращена была плавка и на многих ранее действующих заводах якобы за неимением руды. Препятствия развитию рудного и заводского дела казны и казенных людей было в интересах Строгановых и Демидовых, от которых воеводы получали немалые взятки.

Каждый год со всех концов России стекались на демидовские заводы опальные стрельцы, волжская вольница, дезертиры, раскольники, пленные шведы, беглые крестьяне и каторжники – люди, дерзкие духом и крепкие телом. Всех принимали Демидовы, не спрашивая, кто и откуда. А когда зарастали бритые лбы и вытравлялись воровские клейма, определяли к горной и «огневой работе». Платили Демидовы за работу больше, чем на казенных заводах, - и оттуда переходили к ним работники. Потому и хирели казенные заводы, потухали домны, смолкал стук молотков, в то время как на демидовских заводах работа шла полным ходом.

Уральский самодержец – Никита Демидович.

В 1698 году через Тулу в Воронеж проезжал царь Петр. Наслышавшись о славе тульских ружейных мастеров, он остановился на несколько дней в Туле. С собой Петр привез алебарду иноземного образца и пожелал заказать в Туле такие же алебарды. Пригласили к царю тульского кузнеца Никиту Антуфьева.

- Сделай, кузнец, триста алебард по сему образцу. Сможешь смастерить такие?
- Наши русские алебарды получше, государь, будут!
- Ладно! Смотри только, как бы не вышла пустая хвальбишка. Самолично отхожу, коли врешь.

А кузнец сдержал свое слово. Работу исполнил вдвое быстрее, чем назначил царь, и алебарды доставил в Воронеж, где в то время находился государь. Петр Алексеевич самолично осмотрел работу и остался ею весьма доволен.

А через месяц стольник вручил Никите Демидовичу Антуфьеву царскую грамоту. В ней – на то обратил внимание тульский кузнец – вместо прежнего Антуфьева именовался он Демидовым. Жаловал царь Демидова Верхотурскими железными заводами на реке Нейве (раньше река называлась Невьей, а потому и завод был назван Невьянским) со всеми строениями, с заготовленной рудой, углем, дровами, мастеровыми и работными людьми. Разрешалось туляку искать руду и разрабатывать ее и в других местах Каменного пояса. Позволено царем было Никите ставить на Нейве, а также на других реках, новые заводы. Для заводской работы дозволялось покупать людей и свозить на Урал. Для рубки леса, возки руды и выжигания угля Демидов мог верстать за плату верхотурских крестьян. А плата была установлена заранее: четыре алтына за сажень дров. Если та плата крестьянам покажется низкой, то в грамоте строго оговаривалось: «а буде мужики начнут противиться и покажут в том свое упрямство, то их к сечке и возке дров принудить...». Чтобы людишки не ленились, Демидову разрешалось без суда, по своему усмотрению наказывать нерадивых.

Сейчас, с высоты сегодняшнего времени диву даешься, читая о вычурных решениях Петра. Ну, в самом деле, как он мог доверить организацию грандиозного дела (какое и в наше время связано с массой труднорешаемых проблем) неграмотному, не имеющему опыта организаторской работы мужику? И не просто доверить, а наделить беспрецедентными даже по тем временам полномочиями? Но, как мы видим, Петр и на этот раз оказался прав! Малограмотный тульский мужичонка развернул такую бурную деятельность, что вскоре стал одним из богатейших людей России.

Невьянский завод Демидовым был обращен в крепость. Вокруг завода с четырех сторон был возведен двоеугольный острог, рубленный из бревен и крытый тесом. Посреди острога вырос большой каменный двухэтажный дом для Демидова и его «приказа».

С момента появления на Урале Демидов сделался самодержавным правителем всего Уральского края и не считался ни с какими властями. Он завел свой суд, свои правила и порядки, свои цепи и кандалы, и свою торжественную порку.

Демидову были даны земли на десятки верст вокруг завода, и он объявил своими крепостными всех коренных жителей, проживавших на этих землях. Поехали покупать крестьян в Каширские, Алексинские и Тульские земли демидовские приказчики.

...Подводы из Тулы отправлялись к реке Оке на пристань. Здесь на струги были погружены кузнецы, литейщики, молотобойцы. На каждом судне сторожили четыре стражника с самопалами и бердышами. Антуфьев объезжал все суда, проходил по ним неторопливой походкой, все осматривал, никому не верил на слово, проверял и заглядывал в небольшую толстую тетрадь в кожаном переплете. Эту тетрадь он называл «журнал» и в ней делал какие-то одному ему ведомые заметки. В устье Камы, у левого берега Волги, весь караван остановился. Вынесли с судов несколько мертвых тел. «Очень животами

изошли», - говорили рабочие, окружив мертвых. Выкопали могилу, опустили покойников, закопали. Приказчики торопили идти в путь... На завод прибыли через две недели. Люди были измождены. Но Антуфьев не дал им отдыхать. Он хотел поскорее развернуть дело. Он собрал приказчиков и старших мастеров и стал объяснять, где и что каждому нужно делать.

В 1720 году на Урал приезжает Василий Никитич Татищев. Цель его приезда была сформулирована руководством Берг-коллегии предельно просто: проинспектировать и навести порядок (!) на казенных железоделательных и медных заводах.

В Уктус Татищев явился без пышности, в простых саях-кошечках. На дне коробка лежал его немудреный скарб: чемоданчик с бельем, перчатки и парадный мундир. Кроме белья, в чемоданчике, в особом свертке, хранилось несколько книг по географии, истории и тетрадки с записями. Рабочие издали наблюдали за новым начальником в чине капитана. Татищев проворно вылез из саней. Был он сухощавый и крепкий. На капитане был надет порыжевший от солнца мундирчик, сверху полушубок. Сам он был желтолиц, глаза калмыцкие, в походке легок.

- Быстр! – определили рабочие. – Поглядим, как с Демидовым драться станет.

Государь эвон где, а Демидов – вот он.

А Демидовское дело набирало обороты. К тому времени во главе семейного клана был старший сын Никиты Акинфий. Именно на пору его правления пришелся пик расцвета империи Демидовых. Акинфий в своих предпринимательских амбициях оказался куда жестче своего родителя.

В глаза Татищеву сразу же бросилось, что старые и новые демидовские заводы были отстроены в самых выгодных местах. Казенные же заводы хирели из-за того, что леса вокруг были вырублены, реки, на которых они стояли, были маловодными. Да и хороших работников Демидовы переманивали.

- Почему завод так опустили? – сурово спросил у рабочих Татищев.
- Да нешто мы тут при чем? – пожаловались рабочие. – Издавна на казенных заводах на Камне такие порядки. Никто по-настоящему здесь делом не интересуется. Приедет чин, нахапал – и подале отсюда.

Поднимая казенное горное дело, Татищев неизбежно должен был столкнуться с Демидовым: не ужиться двум медведям в одной берлоге. Все сходило с рук Демидовым. Стране нужен был металл, и они давали его. Давали больше, чем все хилые казенные заводы, а о качестве и говорить не приходилось. Потому и награждал царь Демидовых новыми привилегиями. Некоронованные короли Урала, они сами вершили суд на своих заводах. Даже имели своих солдат и пушки для охраны. Демидовы теснили с Урала не только казну, но и других промышленников. Еще бы немного и весь промышленный Средний Урал оказался бы в демидовских руках.

Но не успели Демидовы. Приехал капитан Татищев и стал энергично поднимать старые казенные заводы, начал на Исети новый, наметил стройки в других местах. Злоба слепила разум Акинфию. Он начал против Татищева настоящую войну. Демидовские заставы ловили рудознатцев и запрещали искать руду для казны. Демидовские люди сгоняли работников с казенных рудников и увозили добытую ими руду. Демидовская стража выгоняла с невьянских земель посланных Татищевым геодезистов.

Но расчеты хитрого промышленника не оправдались. Не срываясь на беззакония, Татищев ни одной «противности» Демидовых не оставил без внимания. По поводу каждой он организовывал розыск, снимал допросы, заводя на каждый случай свое дело.

Поддержал Татищева и прибывший для расследования конфликта генерал-следователь Геннин. Благодаря именно его докладу Петр I решил поставить на место

зарвавшегося заводчика. В его императорском присутствии высший суд при Сенате приговорил Демидовых к большому штрафу в пользу Татищева.

Пойди туда – не знаю куда...

Со смертью Петра Великого его преемники под напором эгоистичного дворянства начали сворачивать экономические начинания Петра, в том числе в промышленной сфере. Дворяне регулярно и настойчиво понуждают правительство к принятию решений, ограничивающих права фабрикантов и заводчиков на покупку крестьян с землей, и добиваются своего. Сначала императрица Елизавета Петровна своим указом определила максимальное количество крепостных рабочих на заводах и фабриках – 12 – 42 человека (!) в зависимости от профиля производства. Затем Петр III вообще лишает заводчиков права покупать крестьян (отныне они могли использовать лишь наемных рабочих). Но где же было взять наемных рабочих в стране с крепостным правом? И лишь Екатерина II, возведенная 28 июня 1762 года на трон в результате дворцового переворота, решительно порывает с существовавшей до нее системой жесткого регламентирования промышленной деятельности.

Ямщик, не гони лошадей...

Ему, наверное, повезло еще и потому, что пик его бурной предпринимательской деятельности приходится на годы правления Екатерины II. Хотя везением вряд ли можно назвать стечения обстоятельств, что помогали ему налаживать новые производства и улучшать старые. Он был в хорошем смысле авантюристом, человеком необыкновенной предприимчивости. Неугомонным и в высшей степени амбициозным. И если он постоянно рисковал, то должен же, наверное, и пить когда-нибудь шампанское. Речь идет о верхотурском купце Максиме Михайловиче Походяшине, ставшим к концу своей жизни одним из богатейших людей России, имя которого было известно его современникам не меньше, чем имена семейства Демидовых.

До 1757 года территория Урала, на которой расположены сегодня Новолялинский, Краснотурьинский, Карпинский, Североуральский, Ивдельский и Серовский районы, была глухим, необжитым краем. Река Ляля была естественной северной границей русских поселений в Верхотурском уезде, которые появились за сто лет до этого. Несколько севернее находилась только деревня Коптякова, да жили семейства ясачных вогулов. За сто лет русские не продвинулись дальше на север. Казалось, ничто не разбудит северную вековую тайгу. И лишь приход сюда в 1757 году Походяшина послужил толчком к развитию края. Буквально за два десятилетия Северный Урал преобразился: были построены заводы, разработаны рудники, шло постепенное заселение.

Биографию Походяшина можно условно разделить на два этапа: до 1757 года, когда он становился на ноги, и с 1757 года – времени прихода его в уральскую металлургию.

Необычные факты, догадки и предположения.

Любопытные свидетельства о Походяшине дошли до наших дней, достоверности которых можно верить, а можно усомниться. О том, что в юности «Максимка» был простым ямщиком – это установлено многими исследователями уральской истории. Первая

легенда о происхождении М.М.Походяшина была записана А.Т.Болотовым в 1796 году: «Отец и основатель рода был простой ямщик или извозчик, возивший, подражаясь на нескольких подводах медную руду из рудников на заводы в Сибири». Упоминания о нем оставил в своих записях заводчик М.Н.Лонгинов: «Достоверное исследование о Походяшине говорит, что он был казанский уроженец, добровольно пришедший на промысел в Верхотурье, где занимался плотничеством и извозом. С молодости он уже успешно занимался отысканием руды и золота». Встречается в исторических публикациях и объяснение неожиданного обогащения «Максимки». Дескать, вез он богатого и беспечного путешественника по лесной глухомани, а тот возьми да похвастай своими деньгами. Впрочем, те появившиеся неведь откуда золотые монеты вложил шустрый ямщик в винокуренный откуп. А дальше – пошло, поехало... Или взять ту известную всем байку о том, как заложил Походяшин за сведения о месторождения меди знакомому вогулу единственно ценную вещь в доме – кумачовый сарафан жены. Беда многих исследователей заключалась в том, что никто из них не пытался сделать попытку воспользоваться архивными документами. Так и кочевали до наших дней из одной исторической публикации в другую устные предания или опубликованные, но не проверенные материалы.

На роду написано – так тому и быть.

Наверное, единственный из дореволюционных биографов Максима Походяшина, сделавший попытку исследовать архивные документы, был И.Я.Кривошеков. Так по материалам архива Верхотурской городской управы, он впервые сделал вывод о том, что Походяшин родился в 1729 году (до этого никто из исследователей год рождения не называл) и происходил из ямщиков г.Верхотурья. Надо сказать, что и советские историки не особенно стремились уточнить биографические факты из первого этапа жизни уральского заводчика. Наиболее четкие доказательства даты рождения Максима Походяшина приводит в своих публикациях неутомимый и самый, пожалуй, эрудированный уральский краевед Михаил Сергеевич Бессонов. Именно он нашел первое упоминание в г.Верхотурье фамилии Походяшина. Он приводит запись из «Книги переписной и перемерной Верхотурского города дворам 1670 года»: «...От Крестоникольские башни...Двор Никольского церковного дьячка Митки Походяшина...». Далее, в Государственном архиве древних документов в переписи г.Верхотурья 1710 года среди верхотурских посадских он находит: «...во дворе Михайло Походяшин 44 лет, у него мать Федора 70 лет, жена Марья 30 лет, дети Петр 8 лет, Максим 2 лет, дочь Матрена 12 лет; работной человек Егор 20 лет; у Михайла ж брат Иван Меньшой 35 лет, у него жена Марья 35 лет».

Здесь впервые полностью указана семья Походяшиных. Из другого документа этого же архива М.С.Бессонов установил, что отцом Михаила Походяшина, а значит, дедом Максима и был тот дьячок Дмитрий Походяшин, о котором упоминала перепись 1670 года.

Отсюда можно, видимо, сделать вывод, что семья Походяшиных, по крайней мере, с 1670 года жила в г.Верхотурье. В 1721 году в г.Верхотурье была проведена 1-я ревизия, которая учитывала каждую мужскую душу. В ее документах среди городского населения впервые выделялась отдельная категория, которая так и называлась: «особливой стати городские жители». В нее входило всего пять дворов. Чем занимались эти люди – об этом ревизия не спрашивала. Так вот, среди этих жителей в ней указана и фамилия Походяшина: «...двор Петра Михайлова сына Походяшина 21 года, у него брат Максим 12 лет, крепостной дворовый человек Осип Иванов 19 лет, племянник Иван 1 года...». Судя по этой записи, семья Походяшиных стала одной из зажиточных верхотурских семей. Если в 1710 году она проходила в общем списке посадских людей, то сейчас она выделяется в

особую категорию. А самое главное, из этих записей вполне определенно можно назвать возраст Максима. Знаменитый уральский заводчик родился не в 1729, как утверждал уважаемый исследователь старины И.Я.Кривошеков, а в 1708 году!

Интересно, а чем же занимался Петр Походяшин? Скорее всего, торговлей. На это указывает запись в «Расходной книге Верхотурской земской конторы за 2-ю половину 1723 года»: «Того же числа по указу Его Императорского Величества из Верхотурской канцелярии за рукою воеводы Беклемишева дано из земской конторы ...Петру Походяшину ...восемь алтын две денги. Отдал счетчик Степан Коростелев. При сей статье вышеписанные денги восемь алтын две денги Максим Походяшин принял и расписался». Как видим, кроме того, что семья Походяшиных уже в 1-й четверти XVIII века была довольно состоятельной, практически все мужчины рода знали грамоту. Уже пятнадцатилетним отроком Максим участвует в торговых делах своего старшего брата.

Деятельность знаменитой Верхотурской таможни, провоз через которую был обязателен для всех товаров, превращала городок в ворота из Европы в Азию. Тут-то и было раздолье ловким верхотурцам, вроде братьев Походяшиных: и подряды на извоз (с наймом ямщиков, что победнее), и продажа сена и овса коням да продуктов людям, и перепродажа более тонкого товара. Однако историк Г.Ф.Миллер в своем «Описании торгов сибирских» отметил, что Верхотурье своим купечеством не славилось. Очень немногие там в конце 30-х - начале 40-х годов имели капитал, приближающийся к 1000 рублей. Этим, наверное, и объясняется тот факт, что Максим Походяшин, как только нажил заметный капитал, вложил его в дело вне Верхотурья.

А вложил свой капитал Максим Походяшин в винокуренные заводы, получив на них за определенную плату в государственную казну откуп, то есть право производить и торговать вином на определенной территории. В Государственном архиве Свердловской области хранится документ, озаглавленный «О наложении за земли и леса оброку», составленный в 1789 году Пермской казенной палатой. В нем идет речь о двух винокуренных заводах, один из которых находился «на большой проезжей дороге расстоянием от Верхотурья в 100 верстах», а второй - на государственной земле Фоминского погоста. В этом же документе дается подробное описание «винокурительства». Оно производилось «на 4-х кубах и 26 казанах... посредством которых выкурить вина возможно от 17 и более тысяч ведер» (Не названо - за какой срок, но, очевидно, за год). «Винокуренная поварня в длину 25, поперек 10 сажень». Имелся у Походяшина и еще один винокуренный завод – в Шадринском округе, который назывался Усть-Миасским.

Глава 3. В поисках рудных мест.

«По самой сущей справедливости и без наималейших недостатков...»

Итак, свершилось то, что определило судьбу нашего края: в августе 1757 года Максим Походяшин отправил в канцелярию главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов «Доношение», в котором просил опробовать найденные им руды и «если по пробам окажутся благонадежными... отвесь и руды добывать дозволить».

К тому времени сложился определенный порядок в деле строительства новых заводов. Еще при Петре I были опубликованы бергпривелегии, в которых говорилось: «...Бергколлегия имеет по оным доношениям не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать коим образом с тою рудою и минералами нам лутчее поступать и в доброе и неубыточное состояние произвести».

По указам Бергдиректориума требовалось привезти руду для пробы, произвести обмеры и осмотры месторождения, сделать отвод земли под рудники с обозначением границ на местности, и если при этом «спору не будет», начинать рудничные работы. А спор мог возникнуть в случае, если руда найдена, например, в частных владениях или на землях, отведенных вогулам, на что у хозяев должны были быть соответствующие документы.

«Доношение» Максима Походяшина поступило в канцелярию 1 сентября 1757 года, а уже 4 сентября (вот как работали тогдашние горные чиновники!) было решено: «...для освидетельствования и описания...означенных новообъсканных рудных и под строение заводов...послать ...ундершихтмейстера Леонтея Яковлева ...и с ним ...мастера Ивана Савостьянова». При этом Яковлев и Савостьянов обязаны были произвести осмотр на месте «по самой сущей справедливости и без наималейших недостатков», не полагаясь на свидетельства посторонних людей и самого Походяшина.

Вот и выходит, что судьба Богословского горного округа и всего Северного Урала теперь зависела от этих двух специалистов: Леонтия Яковлева и Ивана Савостьянова. И хотя сомневаться в том, что они добросовестно выполнят поручение, не было оснований (хотя бы потому, что это была первая технически грамотно выполненная заявка на построение заводов в северном округе), тем не менее в документе имелось и предостережение о том, что в случае недобросовестности они могут «понести тягчайшие штрафы».

В этот же день – 4 сентября 1757 года (без походяшинского воздействия здесь вряд ли обошлось) Л.Яковлев и И.Савостьянов получили подорожную и выехали из Екатеринбурга в указанный М.Походяшиным район.

Нехоженными тропами тайги...

Государственный архив Свердловской области хранит любопытный документ – журнал Л.Яковлева, который велся как раз во время той поездки. Попробуем же и мы вместе с ними отправиться в путь по необжитым местам северной уральской тайги.

«6 сентября. Поутру отправились в путь, ехали через Алапаевские заводы и прибыли в Верхотурье 9 числа к вечеру», – пишет в своем отчете Л.Яковлев. Два дня ушло на подготовку к дальнейшему путешествию. 12 сентября они отправились на Сосьву, куда прибыли 15 сентября в полдень.

Куда же они прибыли? «К юртам новокрещенных ясашных вогуляков Петра и Ивана Кочкиных», – отмечает автор. От них-то путешественники и узнали, что земли те государственные и «порожные», которыми никто не владеет и что «до тех мест им дела нет». А еще им стало известно, что, кроме живущих по Ваграну Данилы Алтипкова, Степана Мунтина, Петра Тихонкова и Федора Маслова «других каких русских так и ясашных жительство не имеется».

18 сентября в полдень посланцы горной канцелярии прибыли на Колонгу. На другой же день они встретились с вагранскими вогулами. И от них было получено заверение, что «ежели на означенной речке Колонге Походяшиным завод построится, то они от того никакого себе помешательства и утеснения» иметь не будут.

20 сентября путешественники приступили к осмотру рудных мест. И первые же пробы показали «немалое довольство» железной (магнитной) руды. Сосновый лес в обследуемом месте той осенью был так сильно поврежден пожаром, что «местами нашему человеку едва пройти можно».

21 сентября осмотрели второй рудник, который располагался на восток и запад отлого, а на юг к Колонге крутым скатом. Здесь уже была построена изба для житья

работников. А шурфами разработано и наломано руды «до 10000 пудов». И тут преобладала железная руда, но имелась и медная.

22 сентября через большой сосновый лес и прежние гаревые места, через болото и ельничный лес мимо впавшей в Колонгу речки Еловки вышли к третьему руднику. Рудник померяли и описали. У шурфов имелось до 5000 пудов вынутой руды.

23 сентября от второго рудника шли левым берегом вниз по Колонге сосновым лесом «до приисканного под строение завода верхнего места». Оно, как посчитали проверяющие, оказалось «под строение завода удобно», так как имелась возможность поставить плотину с размерами по высоте – 14 аршин, по поверхности – 120 сажень, по подошве – 84 сажени. При этом по берегам было достаточно глины для строительства. Промеры Колонги показали, что «за выключкою на действо водяных колес половины воды, она может поднять две домны и дляковки железа четыре боевых молота с кричными горнами.

24 сентября от этого места по левому берегу лесом через болото, по которому в Колонгу впадала речка Ланча, шли дальше вниз. Расположенное в 260 саженьях от впадения Колонги в Вагран, «оное место по довольному осмотру к построению завода явилось способно». Промеры течения показали возможность установки здесь восьми молотов с кричными горнами.

Дни с 25 по 27 сентября ушли на осмотр и описание близлежащих лесов. По левую сторону Ваграна до Сосьвы они были сосновыми и местами березовыми, по Ваграну вверх – сосновыми и ельничными. Местами встречались большие гари. Пашенных и сенокосных мест исследователи не обнаружили. Здесь они и сделали главный вывод из результатов всех осмотров: поскольку ни на Вагране, ни на других речках поблизости нет удобных мест, а лесов вокруг под заводское строение достаточно, заводы следует строить на Колонге. Однако в отчете имелась и такая оговорка: а если «под строение другого завода, где быть молотовым фабрикам, во близости отыщется другая способная речка, то на Колонге для сбережения лесов построить с домнами один завод».

Как мы теперь знаем, вскоре удобное место отыскалось на Турье, «благонадежность» Медных руд проявилась достаточно быстро, поэтому построенный на нижнем месте Петропавловский завод стал плавить в основном медь.

С 28 сентября по 2 октября посланцы горной канцелярии занимались обозначением на местности граней вокруг мест, найденных для строительства завода и трех рудников. Грани были поставлены «с вырезанием литер и при них выкопаны ямы и положены нетленные вещи – уголь и береста». Завершали описание мест и сочинение чертежей.

4 октября они отправились в обратный путь. В Екатеринбург прибыли 14 октября 1757 года.

Необычные факты, догадки и предположения.

Что же представляла собой металлургия железа и меди в те годы? Попробуем по свидетельствам современников представить хотя бы приблизительно труд металлургов в IVIII – IX веках (а кое-где и до начала XX века).

В железодельном производстве вначале в доменной печи выплавляли чугун. Доменная печь, даже небольшая по сравнению с современными гигантами, потребляла много угля, руды, известняка. Загружать все эти материалы в печь входило в обязанности каталя. Изо дня в день тащил он свою «козу» на колошник доменной печи, обливаясь потом, задыхаясь от чада, выбиваясь из сил. Писатель И.Г.Коробов так писал о работе каталя на одном из уральских заводов: «...Не каждый может в течение смены нагрузить на «козу», перевезти и разгрузить около 2000 пудов железной руды...За 12 и более часов на заводе платили 70 – 80 копеек (по копейке за «козу»). Двор был весь в рытвинах, повороты узкие, колеи разбиты».

Основным способом получения железа почти до конца XIX века был метод пудлингования. На подину пламенной печи загружались чушки чугуна, их расплавляли. По мере выгорания из металла углерода и других примесей температура плавления повышалась и из жидкого расплава начинали «вымораживаться» кристаллы довольно чистого железа. На подине печи собирался комок слипшейся тестообразной массы. Рабочие-пудлинговщики приступали к операции накатывания крицы с помощью железного лома. Перемешивая ломом массу металла, они старались собрать вокруг лома комок или крицу железа. Такой комок имел массу до 50 – 80 килограммов и более. Крицу вытаскивали из печи и подавали сразу на молот – для проковки с целью удаления частиц шлака и уплотнения металла. Обратимся к роману бельгийского писателя Лемонье «Завод» (1886 год), где описывается труд металлургов: «Хрипло дыша от напряжения и насады, ожесточенная толпа пудлинговщиков, пыльная и почерневшая от пламени печей, надрывала свои силы в тяжелой работе...Вдруг, в двадцати разных местах открывались заслонки горнил, и множество рук, вооруженных клещами, проникали в пекло, извлекая оттуда страшные шероховатые болванки, покрытые ослепительно сверкающими, белыми, как рис, крупинками; одна за другой болванки летели в железные фургоны, которые уносили их по направлению к паровым молотам...Пудлинговщики...подходили один за другим к чанам с водой, поставленным у входа, и погружали в них голову и тело до самой поясицы; в алом свете дня их лица казались мертвенно бледными и розовые пятна ожогов виднелись на их коже, покусанной палящим дыханием печей. Хрипло вздымались груди, горячими струями вырывалось дыхание из пересохших ртов».

Не менее тяжелыми средствами достигалось производство меди.

Благо все, что во благо Отечества.

Отчет дотошных исследователей в Канцелярии Главного Правления заводов был рассмотрен 5 ноября. Результатом рассмотрения стало решение обратиться в Берг-коллегию за разрешением о постройке заводов на Колонге. При этом излагается такое мнение. На нижнем месте, где потом и был построен Петропавловский завод, можно поставить две домны и при них столько молотов, сколько Колонга «водяною силою поднять может». Строить же одновременно на верхнем месте Канцелярия «признала за неудобное» ради сохранения окрестных лесов. Рассудили так: восьми молотов, которые сможет «поднять» река в этом месте, вряд ли будет достаточно для перековки металла, если обе домны начнут действовать одновременно.

Что же касается производства меди (перспектива которого по количеству руды пока была неясна), то Канцелярия посчитала возможным на первый случай на верхнем месте построить «для переплавки медных руд в медь две или три плавильных печи». Если же руды будет достаточно, тогда «оных печек по усмотрению при тех же или в других тамошних местах прибавить надлежит». Как мы теперь знаем, так и произошло: впоследствии был построен Богословский завод (ныне г.Карпинск).

Определилась Канцелярия и с кадрами для будущих заводов. Она предложила на первый случай дать Походяшину «со здешних» (видимо, екатеринбургских) казенных заводов плотинного, доменного, мехового и угольного мастеров, а для заводских черных работ приписать крестьян, как это было сделано по указу Сената для заводов Никиты Демидова. По расчетам Канцелярии потребовалось бы «на каждую домну по 100, а на молот – по 30 дворов, полагая во всяком дворе мужского полу по четыре души». Таким образом, только на первый случай (при условии работы одной домны с четырьмя молотами) для производства железа требовалось около тысячи мужчин. На производство 1000 пудов меди нужно было еще не менее 200 мужчин. А где их взять было? Поскольку

местных крестьян на Северном Урале не было, то кроме как из ближайшего Чердынского уезда пригнать их было неоткуда. На том и порешила Канцелярия Берг-коллегии.

Доношение в Государственную Берг-коллегию было подготовлено 22 ноября 1757 года и в тот же день отправлено по назначению «с означенным купцом Походяшиным». На копии протокола позже появилась приписка «на сие представление из Государственной Берг-коллегии указ получен 15 января 1758 года». Как видим, власть на частную инициативу откликнулась (нужно учесть возможности тогдашних средств передвижения) достаточно быстро. Видимо помнила наказ Петра: «благо все, что во благо Отечества».

Построить в три года.

Как и всякий указ тех времен «Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской (Елизаветы Петровны) из Государственной Берг-коллегии в канцелярию Главного заводов Правления» начинается пересказом доношения Походяшина и определения на него канцелярии. Кроме того, в нем приводится содержание письма М.Походяшина (челобитной), доставленной в Берг-коллегию его поверенным Иваном Хлепетиным прежде, чем туда пришло из Екатеринбурга определение Канцелярии. А дальше даются «высочайшие дозволения»: «И сего декабря 3-го дня по указу Ея Императорского Величества в Берг-коллегии определено: верхотурскому купцу Максиму Походяшину...на назначенном нижнем месте 2 домны в одном корпусе и при них для перековки выплавляемого чугуна в железо молотовые фабрики... построить дозволить от числа данного Походяшину Указа в 3 года».

На том же месте разрешалось ему построить 2-3 плавильные печи с горнами для переплавки медных руд. А если же он надежные руды отыщет и задумает расширять производство, то следует ему «о том в Берг-коллегию и Канцелярию рапортовать».

По всей видимости, если бы Походяшин не нашел более мест, удобных под строительство новых заводов с соответствующей рудной базой, то вполне вероятно, что в пяти верстах от нижнего места вверх по Колонге появилась бы еще одна плотина, а рядом с ней домна и плавильные печи. Однако этого не случилось. Походяшин отыскал-таки другие места, и позднее на речках Турье и Павде были построены Богословский и Николае-Павдинский заводы.

Под найденные рудники разрешалось отвести Походяшину площади 250 на 250 сажен для каждого и «именовать оные Петропавловскими».

«Для заводского строения и на угольное зжение леса отвести, смотря по густоте и величине, чтоб оных стать могло от сего времени на 60 лет». А «требуемых на первый случай мастеровых людей ...дать ему с казенных заводов», правда с оговоркой: если он своих обучит «или нужда потребуетя в них при казенных заводах, то возвратит их «с надлежащим удовольствием».

Вопрос о приписках заводам крестьян Черлынского уезда Берг-коллегия самостоятельно решить не могла, поэтому решила «вынести доношение» в Правительствующий Сенат. При этом она поддержала все расчеты по количеству требуемых людей, предоставленные канцелярией, оговорила условия их использования и оплаты труда.

Кроме того, указ требовал от Походяшина купить собственных крестьян для обучения мастерству в тех же количествах, как и требуемое число приписных, «дабы означенные крестьяне от него скорее возвращены быть могли».

Лиха беда – начало...

Указ Берг-коллегии «с прочтением» был выдан на руки Максиму Походяшину 4 декабря 1757 года. Надо полагать, Рождество и новый 1758 год он встретил в прекрасном настроении. Однако времени на раскачку у него практически не было: нужно было успевать завозить на места строительства оборудования, пока не оттаяли дороги. 3 февраля 1758 года Походяшин вновь обращается в Канцелярию с доношением, в котором впервые называет себя заводчиком. Он, не дожидаясь решения Сената, просит помочь ему в кратчайшее время с посылкой ему мельничных, меховых и доменных мастеров и подмастерьев, а по возможности – и учеников, «которые бы на первый случай потребные припасы к доменному и меховому производствам заблаговременно заготовить могли».

Он вновь просит хорошо известных ему Савостьянова и Яковлева, с Сысертского завода – доменного подмастерья Тараса Швейкина, с Екатеринбургского завода – ученика меховых дел Василия Кострыгина, с которыми, вероятно, уже договорился и способности которых хорошо знал. Новоявленный заводчик слезно умоляет, что если Канцелярия не выполнит указаний Берг-коллегии, то «последовать может в строении заводов остановка, а мне причинится разорение».

Спешит Походяшин, ибо намерен доставить все необходимое оборудование на Колонгу «пока земля не растает». И Канцелярия вняла просьбам заводчика: на другой же день приняла положительное решение. В документе, который родился в ее стенах, указаны были и запрашиваемые люди, и условия отвода лесов. В эти же дни Канцелярия направляет в алапаевскую заводскую контору указ, в котором поручает «отпустить Походяшину...разных железных и чугунных материалов».

И уже 14 февраля алапаевская контора рапортует об исполнении указа, в том, что поверенный Походяшина «мельничный мастер» Савостьянов получил все необходимое. Можно только удивляться такой быстроте решения государственными органами вопросов, связанных с помощью частному предпринимателю: и людей с казенных заводов дали, и материалы разрешили взять с ближайшего к нашим местам завода (да не по коммерческим, а по «указным» ценам).

Объемным и обстоятельным был список «железных припасов». Всего Савостьяновым было получено чугунных и стальных изделий общим весом почти 24 тонны. А кроме этого, они закупили необходимое механическое оборудование и инструмент. Как все это громадное количество металла было переправлено на Колонгу? Об этом, как говорится, история умалчивает. Скорее всего, было организовано до двух десятков обозов (и не на одну езду), в которые были наняты верхотурские ямщики.

Очередное «Покорнейшее доношение».

Желая закрепить за собой разведанные месторождения, Максим Походяшин 19 июля 1758 года в Канцелярию Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов направляет очередное «Покорнейшее прошение». Он сообщает, что, поскольку ему было ранее «позволено приискывать разные металлы и минералы», то он и вел эти приискания и «нынешнего лета 1758 года... изыскано разных металлов», о чем он и послал с нарочным в Канцелярию сообщение с приложением реестра. В реестре названо 29 приисков, открытых Григнорием Посниковым, Степаном Богомоловым, Герасимом Котельниковым, Василием Мелехиным и их товарищами. Список открывается месторождением: «Прииск медный на высокой горе в утесе». И далее перечень продолжается в том же духе. Именно эта неточность формулировок географического местоположения приисков создала разночтение исследователей в вопросе открытия медных рудников, объединенных названием Турьинские. В конце реестра сказано, что

места приисков отмечены знаками на деревьях, а «для нечаянных каких споров...положены невидимые нетленные знаки».

Хитрый заводчик предусмотрительно обеспечивал свой тыл, включив в реестр такие прииски, которые находились на значительном расстоянии от строящегося Петропавловского завода. Конечно же был расчет на то, что в будущем на Северном Урале должны быть построены и другие заводы.

История открытия Турьинских рудников.

Так откуда же взялась эта дата открытия наших Турьинских рудников – 1758 год? Впервые в официальных источниках рудники были упомянуты в книге ученого-естествопытателя Л.С.Палласа «Путешествие по разным местам Российского Государства». Посетив Турьинские Рудники в 1770 году, он пишет, что «Васильевский рудник более уже 12 лет в действии». Этот же год называют в книге «Краснотурьинск» Г.И.Воронов и Г.М.Каета: В районе нашего города первым рудником, открытым в 1758 году, был Васильевский...Специально посланный из Екатеринбурга унтер-шихтмейстер Л.Яковлев 8(19) октября этого же года освидетельствовал его. Месторождение оказалось довольно богатым. Как показало лабораторное обследование, в одном центнере руды содержалось 20 фунтов черновой меди. В 1758 же году были открыты Николаевский и Першинский рудники...»

Однако Михаил Сергеевич Бессонов, исследуя архивные документы нашел явное несоответствие найденных им фактов этой дате. Так в рапорте Леонтия Яковлева, поданном им в Канцелярию 23 ноября 1758 года говорится: «...Осматриваны приисканные посыланскими от заводчика Походяшина людьми рудные прииски:...по Турье речке, по течению на левой стороне, в утесе, в западную сторону, от воды вверх в сажене...оказалась жила медной руды». Выходит, действительно, 8 октября Яковлев освидетельствовал медный прииск на реке Турье. Только Васильевский ли это был рудник? Сомнение вызывают факты: во-первых, упомянутый прииск находился в сажени от воды (а Васильевский рудник, по архивным документам, располагался в 1,5 – 2 верстах от реки), во-вторых, освидетельствованный Яковлевым прииск показал всего четверть фунта меди (а это далеко не 20 фунтов с Васильевского). Надо заметить, что в 1758 году Яковлев освидетельствовал всего один прииск на реке Турье, и никакого упоминания нет о Николаевском и Першинском. Наконец, существует документ, с которого, судя по всему, и началась история Турьинских рудников. Это «Доношение в Канцелярию Главного Правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов от заводчика и верхотурского купца Максима Походяшина». Написанный приказчиком Федором Шестаковым этот документ содержит сведения о проведении приисковых работ на Васильевском и Михайловском рудниках. И датировано это «Доношение» 23 ноября 1760 года. В нижней части документа имеется приписка: «Объявленные при сем руды для пробы в Екатеринбургскую лабораторию унтер-шихтмейстер Иван Никонов принял. Означенные руды в екатеринбургской лаборатории пробованы, а по пробе от центра содержаны черной меди: 1)20, 2)14 фунтов...Декабря 4 числа 1760 год, унтер-шихтмейстер Иван Никонов».

Ознакомившись с этим документом, можно сделать вывод, что разработка Васильевского и Михайловского рудников начались не ранее 1761 года. Соответственно, не ранее 1761 года возникло и селение Турьинские Рудники. Других свидетельств о начале разработок этих месторождений в архивах пока не найдено.

Скромный горный офицер.

Мы уже знаем, что Леонтий Яковлев и Иван Савостьянов осенью 1757 года приехали на Северный Урал для освидетельствования места под будущий Петропавловский завод (ныне г.Североуральск). Прошло полтора года. Вроде бы срок не большой, а сколько ими было сделано: освидетельствованы места под будущие заводы – Петропавловский, Богословский (ныне г.Карпинск), Павдинский, завод А.С.Строганова на Вагране, произведен отвод лесов к Петропавловскому заводу, освидетельствованы десятки рудных приисков, непосредственно под их руководством начато строительство Петропавловского завода. И до того, видимо, приглянулся Яковлев Походяшину, что когда Берг-Коллегия разрешила построить на Турье завод, он стал просить Канцелярию Главного Правления заводов «для отводу под строение на объявленной речке Турье завода и принадлежащих к тому заводу лесов и рудников...послать одного же пробователя Яковлева...». Доношение было подано 9 марта 1759 года. А уже 11 марта Канцелярия удовлетворила просьбу заводчика. Кроме отвода лесов к заводу на Турье, по просьбе Походяшина, Яковлеву и Савостьянову приказано было освидетельствовать места под строительство заводов на речках Ляле и Мурзинке.

Думается, настало, наконец, время поговорить об этом скромном горном инженерере – Леонтии Яковлеве, с именем которого связана история открытия Турьинских рудников. Леонтий был сыном плавильного уставщика Федора Яковлева, известного специалиста своего дела, служившего на Пермских казенных заводах.

Давайте заглянем в аттестат, который выдала ему Канцелярия 30 апреля 1759 года. Оказывается, в службу он вступил с 24 октября 1740 года пробирным учеником с жалованьем от 12 до 36 рублей в год. В 1752 году определен унтершихтмейстером второго класса, а в 1754 переведен в первый класс. 12 ноября 1757 года назначен старшим пробователем с жалованьем 60 рублей в год. Бывшие при Екатеринбургском заводе бергмейстер Райзер Евстафий Евгеньевич (или Густав-Ульрих – товарищ М.В.Ломоносова по командировке в Германию) и пробирный мастер Ермолай Рюмин дали Леонтию Яковлеву такую характеристику: «...арифметику и геометрию, тригонометрию, сочинение чертежей в плане и профиле, также и пробирному искусству обучен и достаточно знает...Жития трезвого и воздержанного. При порученной ему должности обращался рачительно и добропорядочно. В штрафах, наказаньях и подозрениях, и ни в каких худых поступках не бывал».

5 октября 1770 года Леонтий Яковлев был произведен в шихтмейстеры с жалованьем «по восьмидесят по четыре рубли, да на деньщика по одиннадцати рублев по две копейки с половиною, а всего по девяносту по пяти рублев по две копейки с половиною на год...».

21 апреля 1771 года в церкви Рождества Христова при Юговских заводах Леонтий Яковлев был приведен к присяге. А далее следы его в архивах теряются...

Хозяева меняются – народ остается...

Итак, медное месторождение на реке Турье и рудник, начавший его разработку, был назван по имени старшего сына М.М.Походяшина – Васильевским. В последующие годы по соседству были основаны другие рудники – Фроловский, Суходойский (Бычковский), получившие общее название – Турьинских. При рудниках возникло селение Турьинские Рудники. Руды, добываемые на Турьинских рудниках, проплавливались на построенном в 1758 году Петропавловском железодельном заводе. Позднее М.М.Походяшин основал Богословский и Николае-Павдинский медеплавильные заводы. Богословский завод в отдельные годы давал 30% всей российской меди. Глядя на успехи Походяшина, горнозаводской деятельностью занялись и соседи его – Строгановы и Всеволожские. Возникли села: Всеволодо-Благодатское и Никито-Ивдельское (г.Ивдель).

Позже сыновья Походяшина продали свои заводы и рудники в казну, и они находились под управлением Государственного Ассигнационного банка. Почему банка? Потому что медь, выплавляемая на заводах, была нужна для чеканки монет и поступала на Екатеринбургский монетный двор.

С созданием в России горных округов бывшие Походяшинские заводы вошли в Богословский горный округ.

Православные потомки Ильи Муромца.

Сыновья Максима Походяшина (это по официальным документам, а по воспоминаниям современников более инициативным и предприимчивым был старший сын Григорий) оставили свой след в истории нашего города, построив первый храм, который задумывался сначала, как кладбищенский при Васильевском или Турьинском руднике. Храм был заложен в 1782 году, а в 1787 году его освятили во имя преподобного Максима Походяшина. Спустя восемь лет храм стараниями священников обратили в приходскую церковь. В 1829 году деревянная церковь, прослужившая 42 года верой и правдой своим прихожанам неожиданно сгорела.

И мог ли кто-нибудь тогда предположить, что у этой церкви, сгоревшей, а потом восставшей из пепла красивейшим творением человеческих рук, потом снова погибшей, а потом снова восставшей, будет такая необычайно сумбурная судьба? Судьба, впрочем, сходная с судьбами многих наших российских храмов. Вспомните хотя бы историю московского храма Христа Спасителя (был бассейн – посторили храм, потом был храм – построили бассейн, потом снова был бассейн – построили храм).

Горный начальник Богословских заводов М.И. Протасов в 1842 году обратился с прошением о строительстве каменного храма во имя Святого Максима Исповедника на месте сгоревшего к главному начальнику горных заводов Уральского хребта генерал-лейтенанту В.А. Глинке. Это раньше бытовало мнение, что все российские церкви строились на деньги богатых купцов и прихожан. Сейчас мы знаем, что немалая доля средств шла из государственной казны. Вот и рапорт горного начальника попал в конце концов на стол министра финансов, генерала от инфантерии, графа Е.Ф. Канкрин, который соизволил своим распоряжением ассигновать строительство. Но и это еще не все. Окончательное решение о сумме выделяемых денег решал лично император Николай I. Это к вопросу о значимости строительства казалось бы рядового храма в далекой уральской провинции.

К строительству приступили в 1844 году. Как и в нынешние времена, освоение государевых денег шло, как говорится, ни шатко, ни валко. В сентябре 1845 года посетивший Турьинские Рудники президент Императорской Петербургской академии художеств герцог Максимилиан Лейхтенбергский (на предмет ознакомления с условиями настенной росписи) был несказанно удручен тем, что на месте строительства лежали только заготовки для фундамента. Надо представить, какой это был скандал, коли тот герцог проделав немалый даже по нынешним временам путь, убыл назад, не солоно хлебавши.

Настоящее строительство развернулось только в мае 1847 года. Строил храм (а вернее, руководил строительством) нижегородский крестьянин, крепостной графов Блудовых, Никандр Трухин под наблюдением архитектора Богословских и Гороблагодатских заводов Павла Шилова. А июле 1852 года был освящен престол во имя преподобного Максима Исповедника.

В 1855 году настоятелем Максимовской церкви был назначен Стефан Попов, отец изобретателя радио А.С. Попова. Это был разносторонне образованный человек. Отец

Стефан в 1855-1878 годы учительствовал в Турьинской горной школе, был наставником детского приюта.

Забегая вперед, отметим, что с приходом советской власти судьба прекраснейшего храма, памятника русского зодчества и церковной живописи, была предрешена (а зачем народу духовный опий?). В 1936 году были сняты колокола и взорваны (???) на пустыре за городом. Во время войны здание церкви служило складом для «Базстой-НКВД» (не пропадать же так основательно положенным стенам?), а потом передано базе коопторга. В феврале 1956 года Свердловский облисполком (чувствуете – уровень!) принял решение о строительстве на месте церкви кинотеатра. Какое мудрое решение государевых мужей! Какая глубокая идеологическая подоплека! И какая красивая идея первым фильмом нового кинотеатра выбрать кинобылину «Илья Муромец»!

И только в 1996 году Генеральный директор БАЗа А.В. Сысоев по личной инициативе взялся за восстановление исторической справедливости. К тому времени кинотеатр потерял своего зрителя (до зрелищ ли было обескураженным дикой перестройкой экономики, нищавшим и теряющим нравственные ориентиры людям?) и становился обузой для городских властей. Основные финансовые вложения в стройку (более 95 миллионов рублей) сделал завод. На сумму 100 тысяч рублей поставил на стройку материалы ОАО «БРУ». А почти полтора миллиона рублей внесли в строительство храма жители города (после устроенного по инициативе БАЗа Благотворительного марафона).

«С возрождением Храма Максима Исповедника возродится нравственность, все доброе и светлое, что изначально есть в человеке», - так благословил краснотурьинцев на торжественном освящении архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий.

Ломать – не строить

Продолжая тему истории православия в нашем северном крае, хотелось бы рассказать и о судьбе другого памятника культуры, построенного в 60-е годы XIX века на народные деньги в честь отмены крепостного права – часовни во имя святого благоверного князя Александра Невского.

Невысокая, опрятная часовенка, аккуратно обрамленная кованной решеткой многие годы оживляла серый и однообразный интерьер центра рабочего поселка. Особо ярко на фоне белоснежных, украшенных искусной лепниной стен смотрелась редкого мастерства фреска, изображавшая в полный рост благоверного князя Александра Невского. Молча и беспристрастно взирал князь на окружающий его провинциальный пейзаж и, казалось, так и будет он стоять здесь – вечный с нетускнеющим ликом.

Но вот налетели вихри гражданской войны, потом под медь рабоче-крестьянских маршей развернулись великие стройки века. И как знать, может быть от этих потрясений потемнел и посуровел лик святого и как будто морщинами покрылись румные его щеки. Как-то незаметно исчез с часовенки крест. Кому-то и купол помешал – убрали и заменили деревянной крышей.

Долгое время городские партийные власти терпели присутствие на центральной улице города (ею тогда была нынешняя улица Октябрьская) никак не вписывающийся в символы новой жизни укоризненный лик святого. Регулярно два раза в год (перед праздничными демонстрациями) они посылали строительных рабочих замазывать фреску известью. Но после первого же дождя лик Александра снова проступал, как будто издеваясь над недоуменно скребущими затылки властями.

В 40-х годах какая-то умная начальническая голова догадалась использовать часовню в качестве (!) парикмахерской (а что: чем не реклама – фреска с бородатым святым?). Но потом понадобилось здание под трансформатор – парикмахерскую выселили и запихали в

часовенку трансформатор. Причем, одну из стен пришлось разломать (трансформатор не влезал в двери) и вместо нее вварить уродливые металлические рогатины с изоляторами.

«И вот в начале 80-х годов первый секретарь горкома Н.М. Тишкин пригласил меня (тогда заведующего городским отделом культуры) на беседу, – вспоминает на страницах городской газеты В. Пластинин, много лет проработавший заместителем министра культуры Свердловской области, – и рассказал о том, как ему, молодому когда-то руководителю городской комсомолки, горком партии поручал организацию субботников по соскабливанию с часовни изображения Александра Невского.

- И сколько бы мы его не скоблили и не забеливали, он проявлялся вновь и вновь, – с некоторым недоумением сказал Николай Миронович.
- Так мне что, идти его доскабливать? – спросил я в шутку.
- Нет. Вам пришло сегодня время часовню восстанавливать, – подвел итог разговору секретарь.

И снова пришли люди к часовне на субботник, на этот раз не крушить и не скоблить, а очистить от годами копившейся грязи... Не зря говорят: «Ломать – не строить». Еще долгих восемь лет ждала часовня, когда поднимется на ней купол с золоченым крестом... Закончились для нее годы лихолетья и забвения... Работали истово и бескорыстно, без принуждений и понуканий, удивляясь себе и удивляя горожан...

И вот наконец в небе над городом впервые за шестьдесят с лишним лет засиял золоченный православный крест, как символ покаяния и возрождения России».

Глава 4. Богословский горный округ.

Горная власть – гордая власть.

К концу XVI в. административно-территориальное деление Урала расчленило его территории на уезды. В верхнем Прикамье было три уезда: Чердынский, Соликамский и Кайгородский. На восточном склоне Северного и Среднего Урала – два уезда: Верхотурский и Пелымский, которые подчинялись Сибирскому Приказу.

К началу XVIII в. Верхотурский уезд стал подчиняться Тобольскому разряду (административная единица, включающая в себя несколько уездов). В 1687 году из Тобольского разряда выделился самостоятельно Верхотурский разряд, который включил в себя 3 уезда: Верхотурский, Туринский и Пелымский.

В 1708 году по Указу Петра I уезды были «расписаны» по губерниям. Почти весь Урал вошел в Сибирскую губернию с центром в Тобольске.

В результате реформ 1719-1724 годов Сибирскую губернию разделили на 5 провинций, в числе которых были Вятская, Соликамская и Тобольская, в которую входил и Верхотурский уезд.

С XVIII в. по начало XIX в. Урал стал разделяться и на горно-заводские округа (двойное подчинение сохранялось до 1826 г.), Горная власть не подчинялась ни военной, ни гражданской администрации. Она имела свою полицию, почту, горный суд, школы, госпитали.

Урал во второй половине XIX в. входил в 5 губерний – Вятскую, Пермскую, Тобольскую, Оренбургскую и Уфимскую. Хозяйственное же управление осуществлялось Уральским горным правлением, через казенные и частные горные округа. В крае действовало 6 казенных и 50 частных округов. Казенный Богословский горный округ в 1791 – 1795 годах по Указу от 11 апреля 1791 года управлялся «хозяйственным порядком» по примеру Кабинета Его Императорского Величества.

Перед проблемой тощих руд...

Что удивительно – с переходом управления Богословским горным округом в «казенные» руки добыча руды на Турьинских рудниках поначалу ощутимо начала расти. Государевы рудокопы выдавали ее на-гора более 790 пудов в год. Подрастал и горняцкий поселок. Пермский берг-инспектор П.Е.Томилов, сделавший в 1807 году описания Уральских заводов так писал о Турьинских рудниках: «...Главных рудников названьем три: Васильевский, Суходойский и Фроловский...При Суходойском руднике главная Першинская шахта глубиною 51 сажень, а прочие шахты от 28 до 48 сажен... При оных рудниках: ...Хлебных магазинов деревянных – 10. В них вмещается провианта до 180000 пудов. Товарных лавок с погребами – 4. Госпиталь деревянный – 1. У излечения больных находится лекарь Балановский. Церковь деревянная в одном приделе во имя Максима Исповедника. Домов казенных – 27, обывательских – 419. В них мужеска пола – 1325, женска – 1101 душа. Дома разделены на два квартала и для пожарных случаев расписаны. Смотрение имеет полицмейстер титулярный советник Попов».

Однако уже начало XIX века приносит хозяевам рудников немало забот. Варварское отношение к природным богатствам привело к тому, что самые богатые руды на Васильевском, Суходойском и Фроловском месторождениях оказались выработанными. Упало среднее содержание меди в руде. Если в конце XVIII века меди в руде содержалось более 8 процентов, то в середине XIX века – только 4 процента. Неудивительно, что выплавка металла из года в год снижалась.

С каждым годом возрастала глубина шахт и добыча руды становилась дороже. Увеличивалась себестоимость меди. Это было связано не только с истощением руд, но и с увеличением притока воды в шахтах по мере их углубления. В 1810 году на Александровском руднике из-за сильного притока воды была остановлена добыча медной руды. В летние месяцы затоплялась водой Архангельская шахта.

С истощением рудных запасов возникла необходимость обогащения подрутков, которые раньше шли в отвал, и поиска новых месторождений. В 1827 году обстоятельную разведку медных месторождений в округе начал бывший управляющий Богословским заводом П.Протасов. В двух с половиною километрах от Фроловского рудника он нашел новую залежь медной руды. На ней в 1840 году был основан Богословский рудник. Здесь руда находилась на глубине 16 метров и прослеживалась до 175 метров в глубь.

Управляющий Каменским золотым карьером Пестерев тоже обнаружил месторождение меди, которое назвала Михайло-Архангельским. Правда, разрабатывалось оно недолго. А разработка старых рудников прекратилась.

В 1807 году не стало приписных крестьян. Из их числа были выделены так называемые неперменные работники, которые отдавались заводам для выполнения заводских работ. Их питание и жилищные условия были отвратительными. Все это приводило к высокой смертности. В «Словаре Верхотурского уезда Пермской губернии» И.Я.Кривошеков отмечает, что в 1818 году для заводских работ в Богословский округ было приписано 1000 рекрутов, из них 800 умерло в первый же год.

Медь – хорошо, а золото...тоже неплохо!

На Урале золото находили еще в XVIII веке. В Богословском же горном округе золото открыли только в XIX веке. В печати об этом сообщалось так: «... в самом угрюмом, неприступном севере Уральских гор обретено существование металла, бывшего доселе

уделом благотворительных климатов знойных стран Америки! Прошедшего 1823 года открыто в Богословских заводах несколько приисков золотосодержащих песков. Поводом ему послужили глинистые пески с кварцевыми валунами, замеченные на берегу реки Турьи».

В 1823 году золото нашли даже в самом горняцком поселке Турьинские Рудники. Правда, за три года после открытия его намыли немногим более 11 фунтов.

Настоящая добыча началась только после того, как были обнаружены золотоносные пески по небольшим речкам – Каменке, Песчанке, Черной, Степановке и другим. В 1830 – 1834 годах в Богословском гоном округе уже намывали ежегодно от 50 до 57 пудов золота.

С открытием золотых приисков появилась новая отрасль хозяйства. И немалая часть населения горняцкого поселка пошла в золотодобывающую промышленность. В то же время стало падать производство меди. Если с 1771 по 1800 год меди ежегодно выплавлялось в среднем не менее 46 тысяч пудов, то с 1831 по 1840 год – немногим более 15 тысяч пудов. Добыча же золота за эти годы постоянно росла. Конечно, медное дело шло на убыль не только из-за «золотой лихорадки», охватившей местное население, но и потому, что истощились запасы меди.

Добычей золота в богословском горном округе до 1875 года ведала казна, которая за 53 года получила 1633 пуда благородного металла. После перехода округа в частные руки добыча стала производиться администрацией заводов и старательскими артелями.

Кроме золота на Северном Урале открыли в 1883 году россыпную платину. Но добыча ее долгое время широкого размаха не получала.

Хозяин новый, а беды старые.

Во второй половине XIX века медное производство на Северном Урале продолжает сокращаться. Многие шахты на Турьинских рудниках приходят в негодность. Был заброшен Михайло-Архангельский рудник, прекратилась добыча на Фроловском.

Естественно, уменьшилась выплавка меди и на Богословском медеплавильном заводе. В 1861 году он давал немногим более 20 тысяч пудов, в 1870 – около 11,3 тысячи, а в 1875 году – всего лишь 3,8 тысячи пудов. С 1875 по 1879 год завод и вообще прекратил свою деятельность.

А тут еще после отмены крепостного права горнозаводские мастерские начали покидать суровый край и уходить в другие, более южные районы. К середине 70-х годов XIX века население Турьинских Рудников сократилось наполовину.

В 1875 году рудники и другие предприятия Богословского горного округа купил статский советник С.Д.Башмаков. Положение округа как в техническом, так и в хозяйственном отношении было очень тяжелым.

Новый хозяин округа предпринимает ряд мер для развития медного дела. Через год недалеко от Михайло-Архангельского рудника было открыто Решетовское месторождение. Однако серьезная добыча медных руд началась только с 1881 года, когда управляющим округа стал А.А.Ауэрбах. Этот талантливый инженер был приглашен сначала консультантом при опекуновом совете, когда после смерти С.Д.Башмакова округ перешел во владение его наследников. А.А.Ауэрбах в какой-то мере помог поправить дела.

Вновь заработал Богословский медеплавильный завод, который довел выплавку меди до 50 тысяч пудов. Увеличилась добыча руды. Только Решетовская шахта стала давать более 626 тысяч пудов.

В 1883 году для производственных нужд была построена узкоколейная железная дорога, соединившая рудники с Богословским заводом.

Он всю жизнь старался приносить пользу людям...

Александр Андреевич Ауэрбах родился в 1844 году. В 1863 году он успешно закончил курс в Горном корпусе и в 19 лет стал поручиком корпуса горных инженеров. Его трудовая биография началась в Экспедиции заготовления Государственных бумаг (ныне Гознак), потом он бурил скважины на Самарской луке, был адъютантом на кафедре минералогии Горного института.

В 1879 году тридцатипятилетнему горному инженеру Александру Андреевичу предложили стать консультантом при опекуном совете по делам наследников С.Д.Башмакова, которые в то время владели Богословским горным округом. Дав согласие, энергичный молодой человек сразу же отправился в далекий край, чтобы на месте ознакомиться с положением дел.

Округ произвел на него удручающее впечатление. Медные шахты и золотые прииски, как сейчас принято говорить, лежали на боку. Медеплавильный завод после долгого бездействия только-только начал запускаться. Надо сказать, что до приезда на Урал А.А.Ауэрбах состоял консультантом в Петербурге в трех крупных компаниях и был вполне состоятельным человеком. И тем не менее, он остался. Остался, чтобы доказать не кому-нибудь, а в первую очередь себе - чего он стоит.

Свою деятельность он начал с улучшения производственных и бытовых условий рабочего люда. С его приходом в должность управляющего округом рабочие сразу же были переведены с поденной работы на сдельную. Его жена Софья Павловна устроила в Богословске приют для сирот, где малолетних ребятишек учили письму, чтению и счету, а также сапожному и столярному делу. В поселке стали устраиваться публичные чтения и театральные представления. В округе была создана касса взаимопомощи, в которую все работающие отчисляли 2 процента зарплаты. В начале XX века в Богословске был свой кинематограф, где демонстрировались также и учебные программы.

В поселке Турьинские Рудники стараниями А.А.Ауэрбаха было основано Турьинское горное училище. Оно было четырехклассным и готовило горных техников для всего Урала. По окончании теоретического курса учащиеся проходили практические занятия в качестве простых рабочих под руководством преподавателей училища. А ими были инженеры, которые потом работали в крупных институтах страны: Е.С.Федоров, В.В.Никитин, А.А.Ауэрбах, А.П.Кондратьев, Н.С.Успенский, Д.П.Диев и другие выдающиеся горняки.

Новый управляющий ввел немало технических усовершенствований на заводах и рудниках округа, построил новые предприятия, увеличил их производительность. После усовершенствования шахтных печей для плавки медных руд и введения алмазного бурения Богословский медеплавильный завод почти утроил выплавку меди.

В те времена Богословский горный округ из-за бездорожья был отрезан от внешнего мира. До ближайшей железнодорожной станции Кушва было более двухсот верст. Он настоял и добился постройки железнодорожной ветки, соединившей Кушву с Богословском. Кроме того, при нем были исследованы реки Сосьва и Тавда, которые оказались пригодными для судоходства. Это дало возможность вывозить продукцию водным путем и стабильнее обеспечивать население дешевым хлебом из Сибири.

В 1893 году А.А.Ауэрбах подписал контракт с Управлением Сибирской железной дороги на поставку 5 млн. пудов стальных рельс на срок до 1899 года для строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. И хотя в округе было открыто крупное железнорудное месторождение (названное впоследствии Ауэрбаховским), металлургического завода, на котором предполагалось изготовить рельсы, еще не было и в помине (?!). Его авантюризм не все поняли. Весной 1894 года на берег Каквы пришли прибыли первые артели каменщиков, плотников, кирпичников. Через год вошла в строй первая мартеновская печь. Рельсы по контракту были поставлены вовремя.

А.А.Ауэрбах был не только великолепным организатором, но и талантливым инженером-изобретателем. Он предложил оригинальную конструкцию оптического измерительного прибора-гониометра. На Богословском заводе Александр Андреевич впервые в мире успешно осуществил процесс бессемерования в конверторах собственной конструкции, построил первый в стране завод по получению ртути.

На 25-летнем юбилее горного училища он сказал: «..Я всю жизнь старался приносить пользу людям, и верьте мне, друзья, что никакое удовлетворение материальных интересов не может дать такой отрады, как чувство, что я недаром живу на свете, что я моими трудами принес пользу и другим; и вот эту великую отраду я не раз испытывал здесь – в Богословском горном округе».

В 1896 году А.А.Ауэрбах оставил пост управляющего Богословским горным округом и переселился в Бахмутский уезд Екатеринославской губернии, где занялся новым для себя и для России делом – производством ртути. Созданное им «Товарищество Ртутного производства» смогло не только удовлетворить потребность России в этом металле, но и занять лидирующее положение на мировом рынке ртути.

Неожиданная находка.

В то июньское утро 1843 года у придворного банкира, председателя Петербургского биржевого комитета Александра Людвиговича Штиглица не на шутку испортилось настроение. Причиной этого явилась неожиданная и странная находка: ранним утром одна из служанок обнаружила у парадного подъезда богатую детскую коляску, в которой тихо посапывала крохотная девочка. Поначалу он, не зная что делать с ребенком, просто растерялся. Только позднее, успокоившись, тридцатилетний бездетный барон с одобрения домашних решил удочерить малышку. Через некоторое время, не мудрствуя лукаво, придумали для девочки фамилию – Июнева: обнаружили-то ее в июне. Дали имя и отчество – Надежда Михайловна: по слухам она была внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича от фрейлины К.

Мог ли кто-нибудь тогда предположить, что через полвека в честь этого придуманного имени будет назван металлургический завод и город на Северном Урале.

...С годами этим июньским происшествием барон Штиглиц остался весьма доволен. Малышка выросла в красивую статную девушку, которая была послушной и всегда почтительной к неродному отцу. Потому, наверное, когда она решила выйти замуж за небогатого чиновника Александра Александровича Половцова, долгое время ухаживавшего за ней, барон не воспротивился неравному браку, более того, перед смертью все свое огромное состояние завещал приемной дочери. А оно было значительно: 50 миллионов рублей различными государственными бумагами, которые ежегодно приносили четыре миллиона рублей дохода.

Утонченный петербургский пройдоха.

Кто же был такой Александр Александрович Половцов? Родился в 1832 году. В 19 лет окончил Училище правоведения и начал службу в Первом департаменте Сената. Скромный рядовой чиновник. Особых иллюзий по поводу карьеры питать не было повода. Однако честолюбивый юноша настойчиво ухаживал за приемной дочерью Штиглица, упорно домогался ее руки и сердца и в конце концов добился женитьбы на ней.

Иван Сергеевич Тургенев в 1871 году писал Полине Виардо: «Вчера я обедал у г.Половцова, своего рода петербургского пройдохи, который женившись на дочери банкира, страшно разбогател, живет во дворце, дает утонченные обеды...»

Родство с придворным банкиром распахнуло Александру Александровичу двери в высшие сферы. С 1873 года он сенатор, с 1883 года – государственный секретарь с пожалованием в статс-секретари Его Величества, с 1892 года – член Государственного совета – таковы ступени его стремительного восхождения. Он и дружил с братом Александра III – великим князем Владимиром Александровичем и сыном Николая I – великим князем Михаилом Николаевичем. Был знаком и с другими членами императорской фамилии.

Многие высокопоставленные чиновники питали антипатию к умному, образованному, но надменному А.А.Половцову. Они отмечали его напыщенность и непомерное честолюбие.

Однако все это не мешало Александру Александровичу быть еще и меценатом. Правда, заботы его ограничивались лишь Рисовальным училищем. В него он вкладывал немалые средства, особенно в музей училища. Даже собирался открыть его филиалы, в частности, в Екатеринбурге.

А.А.Половцов был избран почетным членом Императорской Академии художеств и Императорской Академии наук, а также членом-корреспондентом Французской академии. Как преемник Штиглица, являлся председателем финансового комитета при совете Центрального училища технического рисования.

Половцовы были наиболее крупными акционерами Невской бумагопрядильной и Невской ниточной мануфактур в Петербурге. Они на паях владели Кренгольмской мануфактурой бумажных изделий в Нарве. Им принадлежали и мукомольные предприятия в Тамбовской и Воронежской губерниях.

В 1884 году умер А.Л.Штиглиц, оставив приемной дочери все состояние. Формально наследство досталось Надежде Михайловне. Однако Александр Александрович бесконтрольно распорядился им, став одним из самых богатых людей России.

В одном из залов Государственного Русского музея в Петербурге выставлена картина И.Е.Репина «Заседание Государственного совета». Шестым изображен надменный старик с холодными глазами на холеном деспотичном лице. Это и есть А.А.Половцов, запечатленный художником на память потомкам.

Балы...приемы...обеда...

Половцовы жили в роскошном дворце на Большой Морской. Уклад их жизни и повседневный быт легко можно представить даже по эпизодическим выдержкам из дневника Александра Александровича.

Год 1888. «17 января. Завтрак у Гагариных с Влангали. Вечером бенефис танцовщицы Цукки, которой подносится множество подарков». «20 января. Продолжаю визиты...Вечером у Левашовых». «24 января. Еду на бал в концертном зале, где играю в вист со своими обычными партнерами и ужинаю между Е.А.Нарышкиной и Голицыной». «6 февраля. Мирский приходит завтракать...Вечером еженедельный у меня вист».

С интервалом в три-пять дней день за днем А.А.Половцов, видимо, для своих потомков описывает свою «светскую жизнь». Много места в этих записях отводится охоте, поездкам за границу и даже перечню кушаний, которые стояли на столах. Очень любил господин Половцов отдыхать от трудов праведных. Отпуск его обычно длился четыре месяца. А потому и кажется странным факт приобретения Половцовым далекого, северного Богословского горного округа.

Необычные факты, догадки, предположения.

Интересную запись сделал А.А.Половцев в дневнике от 27 марта 1902 года: «В 8 часов большой обед у нас. Быть может, через десятки лет изменится и это, а потому для любопытства того, кто прочтет эти строки, помещаю здесь реестр угощения.

Супы: бульон Кембридж. Крем с салатом-латуком. Пирожки. Вина: Херес 1830г. и шампанское. Палтус. Соусы «Муслин» и «Берси». Вино: Шато Шинуа 1857г. Баранина из Нивернэ. Вино: Пишон Лонгвиль 1874г. Холодная пулярка Ламберти. Вино: Иоганесберг 1857г. Гусиная печенка по-императорски. Вино: Шато Лафитт 1870г. Пунш по-римски. Жаркое. Фазаны. Салат. Вино: Мюзиньи 1893г. Зеленый горошек в масле из Кламара. Горячее суфле с яблоками. Мороженое «Маркиза». Плавленный честерский сыр. Вино: Порто 1854г. Десерт: вина венгерские и Педро Хименес.

Для увеселения обедавших вечером поет цыганский хор».

Северное Эльдorado.

Как это случилось – история об этом умалчивает. Но в 1884 году, незадолго до смерти барона, Половцовы за 5,5 миллиона рублей купили у наследников статского советника С.Д.Башмакова Богословский горный округ.

...Утром 21 июня 1885 года 53-летний А.А.Половцов с двумя спутниками – личным врачом и бельгийским инженером выехал из Кушвы, где кончалась железная дорога, на север. Переночевав в Верхотурье, они пустились в путь по Богословскому тракту. После 12-часовой езды на перевозе через Какву их встретил главноуправляющий Богословским горным округом Александр Андреевич Ауэрбах. Вскоре они достигли Богословска.

Полумесячное пребывание Половцова в округе началась с обедни в храме Иоанна Богослова, построенном в XVIII веке. По имени церкви завод и округ и назывались Богословскими. Вместе с Ауэрбахом новый хозяин детально осмотрел Богословский медеплавильный завод. Потом побывал на Турьинских медных рудниках., на Волчанском золотом прииске, в Петропавловске, на строившейся плотине в верховьях реки Турьи, на вновь открытых месторождениях железной руды у Ольховки. По Какве он спустился до Филькино. Приезжал в Еловку осматривать минеральный ключ, где позже, в XIX веке будет открыт курорт.

Александр Александрович колесил по таежному бездорожью, дотошно знакомясь с природными богатствами края. В коробках, запряженных тройками, и в вагоне узкоколейки. На лодках и верхом на лошадях. В погоду, ветренную и дождливую, при нестерпимой жаре и тучах комаров. Спускался в шахты и рудники, интересовался процентом руды в горных породах. Встречался с инженерами и служащими.

Башмаковский медный рудник он осматривал со свитой служащих и студентами Горного института, проходившими практику. По случаю высокого посещения рудник был внутри освещен и представлял какое-то фантазмагорическое, причудливо-волшебное зрелище. В воображении петербургского вельможи округ рисовался сказочно богатым «Северным Эльдorado», сулившим колоссальные прибыли.

XX век господин Половцов встретил 69-летним стариком. Его мучила подагра. Правда, частые и длительные поездки на дачу в Монте-Карло помогали поддерживать здоровье. 14 мая 1902 года отмечался 50-летний юбилей его государственной службы. В 11 часов утра у дворцового крыльца на Большой Морской остановилась вереница экипажей. Важные сановники, вышедшие из них, привлекли внимание многочисленных прохожих. Приехал министр В.К.Плеве со свитой статс-секретарей. Приехали другие известные люди.

Александра Алексеевича посетили все члены Государственного совета во главе с великим князем Михаилом Николаевичем. Николай II прислал на его имя рескрипт. Через день Половцов поехал в Петергоф благодарить царя. Николай II принял его в кабинете стоя...

...Между тем состояние здоровья Надежды Михайловны Половцовой ухудшилось. В 1907 году в возрасте 65 лет она скончалась. Ее похоронили в родовом склепе баронов Штиглиц в пригороде Нарвы. Через два года в 1909 году в своем имении Рапти под Петербургом умер 77-летний Александр Александрович Половцов. Его погребли рядом с женой. Их богатства перешли к наследникам: сыновьям А.А.Половцову и П.А.Половцову, дочерям А.А.Оболенской и Н.А.Бобринской.

С корабля на ...Урал.

Из всех, кто занимал когда-либо пост управляющего Богословским горным округом, яркий след в истории нашего края оставили лишь А.А.Ауэрбах и Н.Н.Шелгунов.

Известно, что в юные годы Николай Николаевич, окончив морской кадетский корпус, служил на боевых кораблях. Занимался литературным творчеством: в 1887 году написал и издал книгу «От зеленых островов до Рио-де-Жанейро. Отрывок из путевых заметок моряка». Однако служба его продолжалась недолго. За организацию на корабле революционного кружка народнического толка он был арестован и препровожден в Петербург. По суду его разжаловали в рядовые и отправили в пехоту под Ереван с правом выслуги в офицеры. Николай Николаевич воспользовался этим правом, и через три года ему был возвращен офицерский чин. Вскоре он женился на богатой гречанке, но жена его на девятый день после рождения дочери умерла от скоротечной чахотки...

Мог ли Н.Шелгунов предполагать, что через несколько лет к его смерти будет причастна эта роковая девочка?

Прослужив еще два года, он выходит в отставку, отвозит дочь в Петербург, где жили его обе бабушки, а сам поступает в горный институт. После окончания института в 1898 году в звании горного инженера Николай Николаевич был направлен на Богословский завод и вскоре становится управляющим горным округом.

Плоды воспитания.

В деловых кругах Пермской губернии горный инженер Николай Николаевич Шелгунов слыл знатоком дела, умелым организатором производства, волевым начальником, способным наладить дисциплину в самой неблагонадежной среде. Потому и пал на него выбор, когда потребовалось заменить слабовольного Владыкина на посту главноуправляющего Богословским горным округом. За короткий период ему удалось наладить рушившиеся дела на Богословских горных заводах, восстановить общественный порядок в округе.

Только по приезде в Богословск Н.Шелгунов смог вызвать к себе дочь. Александре исполнилось к тому времени двенадцать лет. Оставленная все эти годы на попечении бабушки, женщины сердобольной и мягкой, Шурочка росла избалованной и капризной барышней. Не по годам физически развитая, она рано стала интересоваться литературой, сомнительного содержания, например, фривольными романами Золя и Арцыбашева. С нездоровым любопытством вникала в сексуальные сюжеты и в разговорах с прислугой на кухне, куда заглядывала не по разу в день, рассуждала о любви и обо всем с ней связанном, со знанием дела, удивляя подчас кухарок тонкой осведомленностью. Одаренная природой и незаурядной внешностью, Александра на катке и в клубе находила многочисленных

поклонников. Постоянно искал близости с ней горный инженер Иванов. Затем особой симпатией ее овладел молодой студент лесотехнического института, сын начальника Богословско-Сосьвинской железной дороги Ауэрбах. Приставленная к Александре гувернантка со строгим наказом Николая Николаевича не позволять ей ничего недозволенного, не могла перечить своевольной барышне, потворствовала всем ее капризам. Отведав однажды марочного вина, Шурочка так пристрастилась к нему, что в четырнадцать лет напивалась до такой степени, что гувернантка с прислугой вынуждены были прятать ее от посторонних глаз. Как-то молодой поклонник угостил ее папиросой, она тут же пристрастилась и к этому зелью.

Все эти пороки, конечно, не могли остаться незамеченными отцом. Привыкший к дисциплине в любом деле, отец сурово наказывал Шурочку, иногда опускаясь до рукоприкладства.

Кровавая развязка.

Тот злополучный день 29 января 1909 года в семье Шелгуновых начался как обычно. Николай Николаевич только накануне вернулся из длительной командировки в Санкт-Петербург и проснулся позднее, чем всегда. Дочь уже занималась с учительницей. Отец дождался короткого перерыва в занятиях и вручил Шурочке богатый подарок, привезенный из столицы. Благодарная дочь поцеловала отца и предупредила его о том, что немногим более, чем через неделю у нее день рождения и что надо бы прислать настройщика пианино, ведь гости непременно попросят ее что-нибудь сыграть.

После утреннего чая Николай Николаевич ушел в контору исполнять многочисленные и неотложные дела. В первом часу дня, после окончания занятий Александра пришла на кухню. Заметив, что прислуга чем-то встревожена, она учинила настоящий допрос.

- Беда, барышня,- призналась, наконец, прислуга. Наш господин Николай Николаевич утром обнаружил в вашей спальне окурки, а под подушкой три пачки папирос. Он предупредил, что как только дознается, кто снабжает вас папиросами, выгонит немедленно. Вы уж заступитесь, мы ведь не по своей, а по вашей воле.

- Ничего, не бойся, я все устрою,- заверила ее Александра.

Предстоящее объяснение с отцом сильно встревожило Александру. Она долго ходила из комнаты в комнату, не глядя ни на кого. На нее вдруг напал панический страх перед колоссальным скандалом, а может быть, даже перед жестоким наказанием отца. И это в канун пятнадцатилетия! О, как она ненавидела в эти минуты отца. Зачем-то припомнились жалобы рабочих на притеснения управляющего. И вообще все плохое, что было связано в ее жизни с отцом.

Более часа провела Александра возле окна, прячась за массивной шторой, в ожидании отца. Вот он вышел из здания главной конторы. Направляется к дому. Браунинг, взятый в письменном столе отца, словно жжет ладонь, но выбросить его уже нет сил.. Только бы никто не помешал! Стараясь не попасться никому на глаза, спустилась вниз, встала возле входной двери...

...Продолжительная отлучка управляющего, конечно же, сказала на деле. Только перед обеденным перерывом, когда Николай Николаевич убедился, что дела на заводе не так уж и плохи, он, вдруг вспомнив злосчастные папиросы, найденные утром в комнате дочери, заторопился домой. Едва Шелгунов распахнул входную дверь, как навстречу в упор полыхнуло два пламени. Что-то больно обожгло грудь. «Шура, это я, твой отец, что ты делаешь?» - закричал он. Но, видя, что она продолжает целиться, повернул назад. Вслед прозвучало еще несколько выстрелов.

Расследование дела об убийстве главноуправляющего Богословским горным округом Николая Николаевича Шелгунова было поручено высокопоставленным чинам. На месте

выяснением обстоятельств убийства занялись помощники исправника Гомолицкий и Гальдер, помощник губернатора Европеус.

Первой и почти бессомнительной версией для всех был политический акт. Основанием этому были слова Александры, сказанные стражнику Самойлову в момент задержания: «Не бойся, товарищ. Я убила вашего кровопийцу, теперь вам будет свободнее...». Однако следствие не нашло никаких других улик, подтверждающих эту версию. Помощник исправника Гомолицкий в феврале 1909 года рапортовал «его превосходительству господину Пермскому губернатору»: «Убийство Николая Николаевича Шелгунова, как выяснилось следствием, совершено дочерью Александрой Николаевной Шелгуновой исключительно на почве личного разлада с отцом, без всякого постороннего воздействия».

До 4 февраля Александра Шелгунова содержалась под стражей в отдельной комнате своего жома. Затем ее отправили в Верхотурский тюремный замок. Дальнейшая ее судьба историкам не известна.

А Н.Н.Шелгунова похоронили в Санкт-Петербурге, на кладбище, где покоились его родители.

Инженер. Геолог. Ученый.

В декабре 2003 года исполняется 150 лет со дня рождения одного из основоположников современной кристаллографии и кристаллохимии, основателя знаменитого геологического музея в поселке Турьинские Рудники – Евграфа Степановича Федорова.

На улице Октябрьской напротив заново отстроенной, блестящей на солнце своими золотыми куполами Максимовской церкви стоит кирпичное двухэтажное здание. Правое крыло первого этажа здания занимает минералогический музей. В десятках массивных шкафов хранятся тысячи образцов горных пород, штуфов и шлифов. А в двух тесноватых залах демонстрируются экспонаты, характеризующие месторождения железа, меди, золота, платины, алюминиевых руд, огнеупорных глин, бурых углей Северного Урала.

Это и есть знаменитый музей Федорова.

Краткая биографическая справка, данная в одном из перечней его трудов, гласит:

«Федоров Евграф Степанович, родился 10 декабря (23 декабря по н.с.) 1853г., происходит из дворян Санкт-Петербургской губернии; образование получил во 2-ой С.Петербургской Военной гимназии, а затем поступил юнкером в Николаевское Инженерное Училище, в 1872 году произведен в подпоручики в 6-й Саперный батальон, но уже в мае следующего года вышел из него, а 6 апреля 1874г. уволен был вовсе от службы.

Поступив затем вольнослушателем на химическое отделение С.Петербургского Технологического Института, он в 1880 г. перешел в Горный Институт сразу на третий курс, и в июне 1883 г. окончил в нем курс по горному разряду с званием горного инженера и с занесением его имени на мраморную доску. 6 августа того же года Федоров был прикомандирован к Горному Институту для практических занятий при Музеуме Института; в мае 1884 года был командирован в Северный Урал для геологических исследований, на полгода; назначенный затем на должность делопроизводителя и консерватора Геологического Комитета, Федоров в 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г.г. был командирован (каждый раз на 5 месяцев) на Северный Урал для геологических исследований и разведочных работ; в июне 1891 г. он ездил в Архангельскую губернию для исследования месторождений серебро-свинцовых руд на побережье и на островах Кандалакской губы Белого моря, а в мае 1894 г. – командирован в Богословский горный округ. 5 июля 1895 г. Федоров назначен был профессором минералогии в Московский

Сельскохозяйственный Институт и с 12 октября по 6 июня 1900 г. состоял, кроме того, адъюнктом по кафедре минералогии в Горном Институте Императрицы Екатерины II...

Научно-литературное наследие Е.С.Федорова поражает своим богатством и многогранностью. Список его работ содержит свыше 400 названий. На первом месте по количеству трудов стоит кристаллография (180), далее следует геометрия (130), сравнительно меньше работ по минералогии, геологии и петрографии.

Среди основных трудов Федорова первостепенное значение имеет разработанная им теория строения кристаллов. Еще в 1890 г. он окончательно установил 230 так называемых пространственных групп симметрии кристаллов – единственно возможные геометрические законы, по которым могут располагаться в виде правильных систем материальные частицы, составляющие кристаллы...

В 1911 году Е.С.Федоров закончил составление таблиц по кристаллохимическому анализу, а в 1912 году немецкий физик Лауэ провел знаменитый опыт по дифракции рентгеновских лучей в кристалле, явившийся окончательным доказательством правильности федоровской теории кристаллов...»

Велики заслуги ученого в развитии некоторых отделов «новой геометрии», в которой, в отличие от элементарной, могут быть системы четырех, пяти и т.д. измерений. Отмечая заслуги Е.С.Федорова в этой области, известный ученый математик Б.П.Делоне ставил его вместе с Лобачевским в число геометров мирового значения.

Усердие, доведенное до самоотвержения.

Основание на Северном Урале богатейшей геологической коллекции – подвиг ученого и одна из его важнейших заслуг.

Он и приехал в северный горняцкий поселок с целью геологических исследований. А требовалось выявить для дальнейшего развития черной металлургии в здешних местах месторождения марганца, доломита, огнеупоров.

Работа предстояла большая и трудная. Исследования в суровых таежных условиях требовали огромных затрат труда и, как говорил сам Федоров, «усердия, доведенного почти до самоотвержения». Детальная топографическая и геологическая съемки огромной территории округа продолжалась пять лет.

Организация и методика тех работ была уже сама по себе оригинальной. Обычно для составления геологической карты осматривалось несколько природных обнажений и затем предполагаемые районы залегания руды наносились на план. Е.С.Федоров поступил иначе. Площадь в четыре тысячи квадратных километров он покрыл густой сетью шурфов, расположенных друг от друга примерно на расстоянии 50 сажен.

Взятые из шурфов образцы горных пород (их насчитывалось до 80 тысяч) отмечались на геологической карте, вычерченной в масштабе 1:84000. Она состояла из 297 планшетных листов, каждый из которых равнялся половине квадратного метра.

Уже одно появление такой карты стало выдающимся событием в истории геологического изучения Урала. Эта карта позволила геологам, владеющим навыками системного мышления, открыть новые месторождения. Открыть, не выходя из тиши музейного кабинета! Так были открыты Марсятское, Воронцовское и Алексеевское железнорудные месторождения, новые залежи Никитинского рудника. А много позже Н.А.Каржавиным - Северо-Уральские бокситовые рудники.

Забота о планомерном изучении геологии Северного Урала и привела ученого к необходимости создания музея. И в 1894 году он был создан – первое и единственное в то время в России учреждение, в котором так близко соприкасались теория и практика горного дела. Музей стал своего рода штабом геологической службы Богословского горного округа.

В нем сосредоточились все материалы о геологическом строении района. Здесь же сохранились итоги разведочных работ – отчеты, керны, шлифы.

К 1918 году в музее насчитывалось 220 тысяч образцов. Кроме того, имелось около 51 тысячи шлифов, 1200 наименований рукописного материала (около десяти тысяч страниц), 2500 различных чертежей, ценная научная библиотека. Это ли не памятник подвижническому труду во благо грядущим поколениям?

Виртуальное путешествие.

Хотите, уважаемый читатель, отправиться в виртуальное путешествие по родному краю, переместившись во времени лет этак на восемьдесят-девяносто назад? Благо, для этого и необходимо-то только ваше воображение да содержание архивного документа под названием «Справка о Богословском Горном Округе с окрестностями в интересах туризма и бальнеографии», составленного учеником Е.С.Федорова, известным ученым Е.Д.Стратановичем.

Если хотите, то вперед! От Екатеринбурга поезд повезет нас на север. Из окна вагона вместе полюбуемся природой нового для нас края. Севернее горы Благодать близкие и родные русскому сердцу ландшафты с их зелеными сопками, полями, редкими болотами и обязательной синеватой дымкой горизонта сменяются сплошными сосновыми или смешанными борами, а чаще болотистой тайгой. Перед самым Надеждинском тайга внезапно отходит в сторону, появляются широкие вырубki и даже пашни. Поезд проходит железнодорожный мост через Какву, и открываются десятки труб, кауперов и домен, а на правом берегу реки ряды углевыжигательных печей в облаках серного дыма.

Поезд медленно подходит к станции. И вот поток прибывших из самых различных и далеких уголков страны людей с котомками, сундуками и хозяйственным скарбом выливается из вагона и, обтекая станцию, с разноголосым шумом выходит на пристанционную площадь. Итак, конечным пунктом железной дороги был в то время Надеждинский завод. Это был самый малонаселенный город в округе. На его широких улицах, называемых линиями, еще видны пни могучих лиственниц. Дома и надворные постройки – добротны и по-уральски основательны. Поезд прибывает в Надеждинск на новый вокзал, а дальше, чтобы добраться до следующего ближайшего населенного пункта – Турьинские Рудники, нужно перейти на старый, существовавший с момента постройки узкоколейной железной дороги Богословск – Сосьвинский завод. Вокзальчик ветхий, бревенчатый, деревянный, почерневший от времени и копоты. Непрерывные заводские свистки и шумы заполняют вокзал, постоянно набитый людьми. Следующая станция по пути следования рабочего поезда – Турьинские Рудники. Здесь уже проживало 15 тысяч жителей. Далее, в 12 верстах располагался Богословск с 4 тысячами жителей. Ну а дальше был Петропавловский завод, где число жителей было чуть менее тысячи.

Населенные пункты Богословского горного округа представляли собой в основном небольшие поселки, состоящие из нескольких рабочих семейств, рассеянные по округу на больших расстояниях друг от друга. Они образовывались, в основном, около мест горных разработок (с 1813 года – возле золотых приисков), а также там, где возникала нужда в заготовке древесины.

Приехав в Надеждинский завод, в поисках места для ночлега можем выбрать либо «номер» в одной из трех частных гостиниц (правда, оставляющий желать много лучшего в отношении удобств и опрятности) либо в заводском доме для приезжающих либо «номер» при местном Общественном Собрании, но в этом случае надо выхлопотать у Заводуправления особое разрешение, ибо комнаты предназначены исключительно для командированных.

Окрестности Надеждинского завода лишены каких-либо красот природы. Он расположен в местности, довольно низменной, где долина реки Каквы подходит к долине другой реки – Сосьвы. В дни ненастий тяжелый влажный воздух иногда не дает рассеиваться дыму от многочисленных углеобжигательных печей, и среди горьковатого чада слышны сетования: «...завод ведь новый – строен недавно, а не могли выбрать лучшего места!». Конечно, не утешает эти сетования объяснение, что выбор пал на то место, куда путем сплава па рекам могут быть доставлены лесные материалы буквально со всех концов обширной территории округа. К тому же, поблизости от Надеждинского завода река Сосьва становится судоходной: там грузятся баржи стальными и чугунными изделиями, которые Богословский горный округ отправляет собственным пароходством по сибирским рекам в Семипалатинск, Ново-Николаевск, Томск.

Главный предмет производства Надеждинского завода – прокатная сталь (основной сортament – рельсы), кованное и листовое железо. Чугунная выплавка осуществляется в домнах новой конструкции. Избыток доменных газов не выпускается на воздух, а утилизируется для динамо-машин, от которых электроток высокого напряжения передается по проводам на рудники. Там он используется для подъема руды, выкачивания воды и освещения. При Надеждинском заводе действует большой лесопильный завод, устроенный по последнему тогдашнему слову техники. Особенно интересно было бы для туриста видеть работу элеваторов, выгружающих с большой производительностью из воды бревна и дрова.

Еловская минераловодная «Мацеста».

В 15 верстах пути от Надеждинска по лесной дороге находится целебный источник – Еловка. Это сейчас здесь нет ничего, кроме нескольких скособоченных деревянных избушек. А тогда в этом месте располагался хотя и неофициальный, но известный далеко окрест небольшой курорт, где каждое лето лечились от ревматизма несколько сот больных.

Источник – сернистый. Сильно пахнувшей сероводородом водой заполнялись ванны, за которыми присматривал один из жителей деревни. Селились отдыхающие в деревенских домах, где их брали на постой. Медицинского обслуживания, как такового, не было. После того, как с 1905 года прошла Богословская железная дорога через Верхотурский край, странным выглядело то, что земская медицина не обращала внимания на Еловский минеральный ключ. Издавна он привлекал к себе людей среднего сословия, даже в те времена, когда путь приходилось совершать на лошадях.

А впрочем, и сегодня о существовании этого источника знают, видимо, только местные жители.

Богословская сторонка – благодатный горный край.

Богословск – старое местопребывание Управления Богословского горного округа. Здесь действуют предприятия: медеплавильный, хромпиковый и серноокислотный заводы, углеобжигательные печи и разработка в расстоянии двух верст ископаемого угля.

Угли здесь бурые, хотя по внешности неотличимы от каменных. Грандиозные залежи их представляют собою остатки пресноводных бассейнов того времени, которое в геологии называют юрским периодом. Разработка ведется открытым способом.

Из двух химических заводов в Богословске один хромпиковый – вырабатывает вещество, которое служит основой для многих хромовых красок (применяемых ситценабивными фабриками). Другой химический завод готовит серную кислоту.

Предметом внимания туристов, направляющихся в Богословский горный округ, едва ли будут служить заводы, рудники и прочие технические сооружения. Скорее всего они будут любоваться природой Северного Урала: горными пейзажами и таежным лесом.

Для этого надо дать себе труд подняться на одну из двух возвышенностей, между которыми раскинулись завод и селение. Обе возвышенности сами по себе ничего красивого не представляют. Они скорее производят угнетающее впечатление своею вечно мрачною серо-коричневою, кокою-то тусклою окраской. Ни веточки зеленой по склонам – вся растительность погублена сернистыми газами заводских труб. Но вид вдаль, на гонимые цепи, их таинственной синевой на фоне бесконечной зелени лесов, отсюда открывается великолепный. Даже зимою, когда белизна снегов на вершинах и по склонам способствует большому однообразию тонов, хороши эти дальние цепи, особенно по контрасту с темною зеленью хвойных лесов на предгорьях, гривах и отдельных сопках, волнисто расстилающихся везде, куда хватает взора.

В панораме этой возвышаются, начиная с юга: Лялинский Камень (2800), Павдинский (3080), Конжаковский (5235), Сухогорский (3030), Семичеловечный (...), Косьвинский (2375), уходящие далеко на север Поясового Камня, несколько восточнее от него характерная по форме плоского хлебного каравая – Кривинская сопка (...), а за нею – Кумба (...), Золотой Камень (...), Денежкин Камень (5027), Журавлев (...) и другие.

В юго-восточном направлении можно рассмотреть около Богословского завода отдельно стоящую небольшую каменную гряду, по названию – Холмы (...). Кстати сказать, около нее проходила южная граница Богословского округа – по Какве, а северная граница – за Кривинской сопкой, по течению Южной Косьвы.

Если хотите, давайте поднимемся на вершину Холмов, благо они находятся совсем рядом с Богословском. Выедем (на гужевом, разумеется, транспорте) по Верхотурскому тракту и на 12 версте свернем на лесную дорогу, которая ведет через речку Талицу на Какву, к подножию Холмов. Дорогу должен знать нанимаемый в Богословске извозчик или же о ней надо расспросить на лесном Кордоне, который стоит на тракте недалеко от своротки. А чтобы лучше переправиться через Какву, можно, не сворачивая на 12 версте, проехать все 16 верст до так называемого зимовья Каквинского. Здесь жили в то время два, три семейства обособленных селян. Можно нанять лодку с проводником, который спустит вас почти до речки Холмовки – до того места, откуда ведет тропа на вершину Холмов.

И ваши труды возблагодарятся красивым видом панорамы на Уральский хребет с горными грядками и вершинами и безбрежной сибирской равнины, ровной, как море-океан в тихую погоду. Красив этот контраст между горною страной и равниной, когда обе они перед вами, как на ладони, с высоты птичьего полета.

Следует, однако, иметь в виду, что уральский обыватель, особенно житель, в котором лежит Богословский горный округ, совершенно не знает, кто это такие туристы. Ему и в голову не придет, что могут отправляться в путь-дорогу люди с единственной целью посмотреть природу и красивые виды. Как всякий здравомыслящий человек, коренной уралец считает «веселым местом» всякий более или менее свободный от леса участок, где бывает хорошо и приветливо в солнечный день. А потому местные жители совсем не умеют обслуживать интересы туристов. И об этом нельзя не пожалеть, ибо удивительными по красоте местами Урал Богом не обижен.

Глава 5. Турьинские Рудники. Начало большого пути.

Зажиточный таежный поселочек.

Река Турья разрезала таежный поселочек Турьинские Рудники на две живописные части: правобережную – Фроловскую и левобережную – Васильевскую. Большая часть его жителей занималась рудничными работами. Кроме пяти рудников здесь работали механический и кричный заводики, действовали до сорока золотых приисков. Земледелие являлось подсобным промыслом. Занимались местные жители и кустарными работами. Были в то время в Турьинских Рудниках 12 столярно-плотницких мастерских, 5 слесарных мастерских, 2 кузницы, 1 шорное заведение, 1 кирпичеделательное и 1 мельница.

В поселке насчитывалось 48 торговых лавок, 4 пивные лавки, 3 казенные винные лавки (кабаки). Свою лавку имело «Общество потребителей» (да, да, дорогой читатель, и в то далекое время было такое общество).

Застройка селения была деревянной, каменных домов насчитывалось лишь два десятка. Но и это число давало некоторым исследователям делать выводы о зажиточности населения Турьинских Рудников по сравнению с соседними селениями. Над хаосом деревянных домов, лепившихся на склонах речной долины, разбросанных вокруг шахт, устремлялись ввысь колокольни церквей. Максим Походяшин одновременно с сооружением предприятий закладывал церкви. Причем, возведению храмов придавалось даже более серьезное значение, чем строительству жилья.

Богословская церковь была первым храмовым сооружением в нашем крае. К ее приходу были причислены и рудничные поселки – Суходойский, Васильевский, Фроловский. С увеличением населения сын Походяшина – Григорий построил в 1787 году на Суходойском руднике первую деревянную церковь, которая в 1795 году была обращена в приходскую. В 1834 году был построен второй деревянный храм на Фроловском руднике, а на месте первой церкви (она в 1829 году по неизвестной причине выгорела дотла) в 1844 году был заложен каменный храм, на постройку которого 20 тысяч рублей пожертвовал сам император всея Руси. А в 1889 году и на Фроловском руднике был построен каменный храм взамен деревянного. Его сооружение велось на средства жителей путем вычитания (естественно, на добровольных началах) из рудничных заработков 2 копейки с заработанного рубля. Помимо этих храмов и Максимовской церкви в Турьинских Рудниках были построены в разные годы 2 часовни: одна – в память освобождения крестьян от крепостной зависимости (1861г.), вторая – в память прекращения эпидемии (1814г.).

«Ломоносов в геологии...»

Интересно бы было задать сейчас вопрос: почему, в конце концов, наш город назван нейтральным названием «Краснотурьинск», а не каким-либо другим, связанным с прославленным именем того или иного земляка (как это было тогда модно)? Скорее всего, у мужей города просто не было вариантов. Ну не Поповском же или Милославском называть. Или – Федоровском. Ауэрбах уже в то время существовал (кстати, по непонятной причине уже в 60-ые годы он был переименован в пос.Рудничный).

А вот Карпинском он мог быть вполне назван, ибо крупнейший советский ученый-геолог, первый президент Академии наук СССР Александр Петрович Карпинский родился в Турьинских Рудниках, а не в Богословске, как это принято было считать до недавнего времени. В метрической книге Максимовской церкви была обнаружена запись о рождении сына Александра в семье майора горного корпуса Петра Михайловича и его жены Марии Фердинандовны Карпинских.

Петр Михайлович, окончив горный корпус, в 1829 году был направлен на Урал в Богословский горный округ, начальником которого являлся в то время Фердинанд Богданович Гросгаф. На одной из его дочерей и женился молодой инженер.

У супругов Карпинских в этом горняцком поселке родилось 4 ребенка: Мария, Михаил, Алексей, а 7 января 1847 года – Александр. Жили Карпинские в старом доме,

построенном еще в 1791 году. Сохранилось описание его: «Построен из бревен с мезонином, снаружи обшит тесом, крыт листовым железом на два ската, в нем комнат – 12, из коих штукатурных – 4, кладовая – 1, сени – 2...»

Когда Саше исполнилось полгода, родители его переехали в Екатеринбург. Отец поступил здесь на службу в Управление горного начальника. После смерти отца, в 1857 году Сашу отправляют в Петербургский горный корпус, который он через 8 лет заканчивает с золотой медалью. Дальнейшую его судьбу решил выбор. Вспоминая то время, он впоследствии напишет: «Когда...при окончании горного института я получил право определиться на службу в один из горнозаводских районов по своему усмотрению, я выбрал Урал, где я родился и провел детство. Урал привлекал меня своей природой, золотыми россыпями, минеральными копиями, металлургическими и химическими производствами и разнообразием геологического состава».

Проработав два года на Южном Урале смотрителем золотых приисков, он блестяще защищает диссертацию и приглашается на работу в Петербургский горный институт.

В дальнейшем на протяжении всей своей жизни А.П.Карпинский не терял связи со своим родным краем. Работал на Северном Урале в районах Ляли, Лобвы, Туры, занимался вопросами расположения залежей каменного угля, железных и медных руд, хромитов и благородных металлов. По его научным прогнозам были открыты Тургайский, Буланаш-Елкинский, Богословско-Волчанский угольные районы, найдены никелевые месторождения.

Семьдесят лет продолжалась научная деятельность А.П.Карпинского. Заслуги его в науке огромны. Недаром его называли Ломоносовым в геологии. Он тридцать лет проработал в горном институте, двадцать лет возглавлял Геологический комитет, с 1889 года он – член Академии наук, а с 1916 по 1936 годы (целых 20 лет бессменно!) возглавлял ее.

Многие научные проблемы интересовали А.П.Карпинского, и в каждую он внес значительный вклад. Его считали лучшим знатоком минералогии, им разработан метод историко-геологического анализа, который сегодня является фундаментом геологической науки. Геологическая карта Европейской России, выполненная Александром Петровичем в 1893 году совместно с С.Никитиным и Ф.Чернышевым, не имела себе равных по масштабам исследований и методике составления.

Именем А.П.Карпинского названа одна из улиц города. Жаль только, что не сохранен дом, где он родился. Сейчас на этом месте находится городская библиотека. Да и до памятника выдающемуся ученому до сих пор не доходят руки (хотя в 1975 году во время юбилея Академии наук решение о строительстве в Краснотурьинске такого памятника было принято).

Изобретатель радио.

Жителям Краснотурьинска хорошо известен деревянный домик на пересечении улиц Попова и Карпинского, вблизи которого, как бы соревнуясь красотой, стоят две современные церкви: новая Максимовская и немецкая Апостольская. На фасаде дома – мемориальная доска с надписью: «В этом доме провел детские годы (1859 – 1867) уроженец нашего города, великий русский ученый – изобретатель радио Александр Степанович Попов».

И снова, мягко говоря, нас мужи города ввели и вводят в заблуждение, ибо дом, где родился и провел детские годы будущий ученый, находился на другой стороне улицы и до нашего времени не сохранился. А в доме, на котором висит табличка, жил Василий Петрович Словоцков, муж старшей сестры А.С.Попова Екатерины. Правда, справедливости ради можно отметить, что к родственникам худенький и любознательный Саша навещался довольно часто.

Отец мальчика, Степан Петрович, был в Турьинских Рудниках с 1865 года священником Максимовской церкви. Одновременно он учительствовал в Турьинской горной школе и в своем доме, где им была устроена школа для девочек.

Семья у Степана Петровича и Анны Степановны была большая: четырнадцать детей. Правда, семеро умерли в раннем возрасте. Остались старший сын Рафаил, дочери Екатерина и Мария, Саша и самые младшие – Анна, Августина и Капитолина.

На узких, заросших травой, улицах горняцкого поселка в то время нередко можно было видеть хрупкую фигурку мальчика, который заходил в механическую мастерскую, где, не отрываясь, подолгу смотрел на работу станков.

За привязанность к машинам Сашу Попова полюбил управляющий Рурьинским рудниками Николай Осипович Куксинский, увлекательные рассказы которого об устройстве станков и механизмов рожали в мальчике стремление самому творить новые, еще невиданные машины.

«Нами сооружались на ручьях мельницы с двигающимися колесами – «толчеи», ряд прыгающих столбиков, подземные машинки, ведерками вытаскивающие землю из «шахт»... К такого рода сооружениям у него была большая склонность, а велико было у нас удовольствие, если дело удавалось и «машина» хорошо работала. И во всем этом «машиностроительстве» он был большой искусник», - вспоминает друг детства А.С.Попова доктор Дерябин.

Увидев однажды в доме Куксинского электрический звонок, мальчик изготовил гальваническую батарейку из бутылок с отбитым горлышком и сделал свой электрический звонок. А затем, исправив старые «ходики», соорудил из них и этого звонка самодельный будильник.

С 1867 по 1877 годы Александр Попов учился в Далматовском и Екатеринбургском духовных училищах, а затем – в Пермской духовной семинарии. В годы учебы был «упорен в труде и достижении намеченной цели», увлекался математическими науками.

После окончания курса общеобразовательных наук А.С.Попов поступает на математический факультет Петербургского университета.

На Северном Урале, в родных местах, Александр Попов в дальнейшем бывал трижды – в 1882, 1894, 1897 годах. Правда, уже не в Турьинских Рудниках, а в Богословске, куда переехали его родители.

Осенью 1882 года А.С.Попов окончил университет и получил степень кандидата естественных наук. Долгое время он работал над проблемой практического применения электромагнитных волн для связи. В середине 90-х годов он сделал открытие, которое обессмертило его имя.

...7 мая 1895 года. Идет очередное заседание физического отделения Русского физико-химического общества. На нем, как обычно, немногочленно. На повестке дня три вопроса.

Третьим вопросом было сообщение преподавателя Кронштадского минного класса А.С.Попова «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям». Безвестный в то время тридцатилетний преподаватель, волнуясь, поднялся на кафедру. Рядом с ней, на столике, стоял прибор – приемник, на другом конце зала – вибратор. Сообщение было немногословным. Оно заканчивалось словами: «В заключение могу выразить надежду, что мой прибор, при дальнейшем усовершенствовании его, может быть применен к передаче сигналов на расстояние при помощи быстрых электрических колебаний, как только будет найден источник таких колебаний, обладающий достаточной энергией».

Когда докладчик закончил выступление, ближайший его помощник П.Н.Рыбкин включил катушку передатчика, раздалась трель звонка. Присутствующие стали аплодировать. Но многие, видимо, не поняли истинного смысла того, что им показали. А был продемонстрирован совершенно новый вид связи – беспроводный телеграф.

Особым признанием заслуг ученого явилось Постановление Совета Министров СССР, принятое в 1945 году, которым был установлен День радио (7 мая) и учреждена Золотая медаль имени А.С.Попова, присуждаемая Академией наук России за выдающиеся работы и изобретения в области радио.

На родине Александра Степановича ему сооружен памятник, открыт мемориальный музей, его имя носит улица, где он родился.

Отец и сын Миславские.

10 сентября 1851 года в Турьинские Рудники прибыл молодой врач Александр Андреевич Миславский. Выходец из небогатой семьи, он в 1846 году был принят на полное казенное содержание в Казанский университет. А на третьем курсе стал стипендиатом горных уральских заводов, что обязывало его после окончания учебного заведения работать в Богословском горном округе.

В местном госпитале Александра Андреевича назначили младшим врачом. В его обязанности вменялось не только лечение жителей поселка, но и судебно-медицинские вскрытия, полицейские осмотры. Трудно приходилось молодому врачу. Не хватало не только лекарств, не было даже простого термометра. Чтобы оказать помощь больному, иногда приходилось ехать на лошади по несколько верст.

Но Александр Андреевич, как это и присуще было всем российским врачам, с энтузиазмом выполнял свой врачебный долг. Кроме рутинной лечебной работы, он выполнял иногда и уникальные операции, которые в подобных условиях делать никто не отваживался. Впервые на Урале А.Миславский успешно провел операцию зоба. Она длилась 3 дня. После 3 – 4 часов работы, когда хирург и больной уставали, ее прерывали и продолжали на следующий день. Причем, больной вместо наркотических обезболивающих средств получал перед операцией большие дозы разведенного спирта. Здесь же, в горняцком поселке, молодой врач впервые на Урале начал операции по удалению катаракты глаз.

В Турьинских Рудниках А.Миславский проработал до 1856 года. За 5 лет работы он принял более 300 тысяч больных, сделал около 10 тысяч операций. Одних только случаев удаления катаракты в его уральской практике было 3264. не случайно имя этого врача-практика было широко известно в медицинских кругах далеко за пределами нашего края. Екатеринбург присвоил ему звание почетного гражданина города, Казанский университет присудил почетную степень доктора медицины без защиты диссертации.

В Турьинских Рудниках у Миславских в 1864 году родился сын Николай – будущий отечественный физиолог, будущий член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки России.

После окончания Екатеринбургской гимназии Николай Александрович поступил на медицинский факультет Казанского университета. Еще, будучи студентом, он начал заниматься научно-исследовательской работой. И первое его научное исследование «Об изменении кровообращения в легких при различных фазах дыхания» было удостоено золотой медали. Успех определил дальнейшую судьбу юноши.

Н.А.Миславского после окончания университета оставили при кафедре физиологии в должности сверхштатного ассистента. А через несколько лет, в 1885 году декан медицинского факультета профессор К.А.Арнштейн сообщил ректору университета: «20 сего октября, в воскресенье, в час дня, в актовом зале университета имеет быть публичное заседание медицинского факультета, на котором лекарь Миславский будет защищать диссертацию на степень доктора медицины под заглавием «О дыхательном центре». Защита прошла успешно. Совет университета присвоил диссертанту степень доктора медицины.

В 1891 году Н.А.Миславский стал заведующим лабораторией. Здесь он создал Казанскую физиологическую школу.

Научные заслуги Н.А.Миславского были высоко оценены научной общественностью. Его избрали почетным членом ряда научных обществ, одновременно он являлся членом международной комиссии по контролю графических методов исследования. Н.А.Миславский принимал деятельное участие в создании Уральского государственного университета. Он входил в состав специального комитета по его организации. А когда университет был открыт, читал в нем курс лекций по физиологии.

Спасая других, себя не жалел...

Капризная дама – История. В архивах по истории Богословского горного округа хранится немало документов, рассказывающих о замечательных людях нашего края. Но не все имена в равной степени сохранены бесстрастными бумажками. И жаль, что, кроме упоминания фамилии и славных дел этих людей, о них больше сказать нечего. Или почти нечего...

Мало, до обидного мало знаем мы сегодня о врачах Богословского горного округа, трудившихся здесь в разное время. Таких, как Герасим Сергеевич Носов, Макар Григорьевич Балановский, Григорий Максимович Громницкий, Петр Иванович Вагнер, Константин Дмитриевич Михайлов, Иван Иванович Белавин. Каждый из них достоин отдельного рассказа, потому что все они были яркими личностями, истинными русским врачами – не только по профессии, но и по призванию.

Именно таким и был старший врач Богословского горного округа, доктор медицины Иван Иванович Белавин (1851 – 1930).

Иван Иванович окончил курс и получил звание врача в Медико-хирургической академии в 1877 году и тотчас по окончании был мобилизован в качестве военного врача на места боевых действий Русско-Турецкой кампании.

После демобилизации Белавин занял место штатного ординатора хирургического отделения Обуховской больницы в Петербурге.

В 1886 году в Богословском заводе умер врач Константин Дмитриевич Михайлов и Иван Иванович был приглашен на его место в Богословский округ. Так уж получилось, что и он прослужил здесь до самой своей смерти, отдав нелегкому делу врача-практика 44 года. Только великой силой служебного долга помогать людям в заброшенном, отдаленном от больших городов северном уральском краю можно объяснить то, что Иван Иванович променял карьеру столичного хирурга на скромную должность заводского врача.

Именно по его чертежам и под его личным наблюдением была построена в Богословском заводе, по своему оборудованию, по санитарно-технической продуманности одна из лучших больниц дореволюционного Урала. Из глухой, заброшенной участковой больнички Иван Иванович сумел создать образцовую больницу, которая на протяжении многих десятков лет обслуживала высококвалифицированной помощью почти весь северный край.

Сухие архивные записи гласят, что за время своей работы в Богословском округе Иван Иванович провел одних только хирургических операций несколько тысяч(!), им ежедневно проводилось от 2-х до 4-х операций.

Во время Гражданской войны, когда из-за голода и эпидемий многие врачи оставляли службу, он остался верен своему врачебному долгу, остался со своими пациентами – рабочими, с которыми долгие годы переживал и светлые, и тяжелые минуты.

В свои 78 лет он был, как сейчас говорят, легок на подъем. Иван Иванович жил любимым делом, жил созданной им больницей, дня не пропуская, чтобы не сделать вечернего обхода больных. Он находил время съездить к больным по вызову, охотно выступал с санитарно-просветительскими лекциями. 24 октября 1930 года Иван Иванович скончался. И те теплые, простые слова, что были сказаны на могиле покойного

представителями огромного количества собравшихся людей, были данью благодарности за его многолетний подвижнический труд.

Взлет и падение акций.

К концу XIX века на территории Богословского горного округа проживала уже более 50 тысяч человек, а в поселке Турьинские Рудники – около 9 тысяч. Здесь с разной степенью удачливости работали промышленные предприятия: Надеждинский сталерельсовый, Сосьвинский чугуноплавильный и железодельный, Богословский медеплавильный и хромпиковый заводы, Каквинская фабрика для промывки и очистки золота, рудники, прииски.

В конце 1895 года округ был превращен в акционерное общество. Уставный капитал его составлял 8 миллионов рублей золотом, он был поделен на 32 тысячи акций по 250 рублей каждая. Причем, все акции, кроме 450, принадлежали первоначально Надежде Половцовой. Однако, испытывая нехватку оборотных средств и не имея возможности погасить возникшие долги перед казной, Н.М.Половцова в начале 1896 года обращается в Министерство финансов с ходатайством разрешить облигационный заем на сумму 5,5 миллиона рублей золотом и выпуск дополнительных акций. Ходатайство было удовлетворено.

Положение округа понемногу выправлялось, но в самом начале XX столетия вследствие снижения спроса на продукцию, долги опять начали расти. В 1905 году предприятия округа были должны казне 5 миллионов рублей, а частным лицам – более 14 миллионов рублей. Как и следовало ожидать, в первую очередь кризисная ситуация отразилась на положении трудящихся. Начались массовые сокращения, отменялись надбавки и льготы, понижались расценки во вспомогательных цехах. Одно время акционеры активно обсуждали вопрос о продаже акций иностранным компаниям (представитель общества для переговоров выезжал за границу).

22 августа 1912 года администрация округа сообщила, что Азовско-Донской банк пожелал взять весь долг на себя, при условии, что он станет собственником большинства акций. Так Богословское акционерное общество оказалось под контролем Азовско-Донского банка, который в свою очередь был связан с французским и германским капиталами.

В годы империалистической войны заводы округа перешли главным образом на выпуск изделий военного назначения (как сейчас принято говорить, перешли на госзаказ), а потому и дела на них начали поправляться. Возросла добыча платины, медных и железных руд. В конце войны капитал акционерного общества увеличился до 24 миллионов рублей.

Труд тяжелый, нужда безысходная...

После рабочих волнений 1905 – 1907 годов так же, как и на многих предприятиях Урала, на заводах Богословского округа были пересмотрены расценки труда, введены дополнительные выплаты. Однако уже к 1910 году все эти изменения были упразднены. Так в своем отчете за прошедший год пермский губернатор докладывал царю, что установленные «во многих заводах и промыслах по требованию рабочих условия труда отменены, и в отчетном году чуть не все горнозаводские предприятия Урала вернулись к прежним расценкам работ». Более того, в ряде случаев заработная плата стала ниже, а продолжительность рабочего дня – больше, чем в предыдущие годы. Но даже и ту зарплату рабочие зачастую не могли получить полностью. В моду вошла практика выдачи вместо

денег продуктов питания, предметов ширпотреба и даже чугунных или железных изделий. Широко применялись так называемые работные штрафы.

Никуда не годными были питание и жилищные условия рабочего люда. Хлеб и другой провиант, а также фураж завозились из южных районов Урала и Западной Сибири сразу почти на год. Цены были высокими, а качество оставляло желать лучшего. Хлеб, например, стоил около полтора рубля за пуд. Заработок же рабочего составлял за двенадцатичасовую смену менее 70 копеек. Женщины и подростки получали и того меньше. На Богословском руднике женщинам за каждый ящик пустой породы, выбранной вручную из руды, платили по одной копейке (?). За двенадцать рабочих часов женщина могла заработать 40 копеек. Да и заработанные деньги рабочим на руки выдавались не полностью. Вместо них выдавались талоны, по которым отпускались из хозяйской лавки продукты по завышенной цене.

Первые ростки неповиновения.

В период первой русской революции рабочее движение на Северном Урале особо не проявлялось. Однако в ноябре-декабре 1905 года в Турьинских Рудниках была создана боевая дружина, состоящая из 30 человек. В апреле 1907 года прокурор Екатеринбургского окружного суда получил донесение, в котором сообщалось: «В ночь на 10 октября в селе Турьинские Рудники в помещениях рабочих шахт Фроловской, Никитинской и Башмаковской были разбросаны гектографированные прокламации, начинающиеся словами: «Рабочие и работницы», издания Турьинской организации РСДРП, таковой же «Манифест ко всему российскому крестьянству», изданный организацией РСДРП Богословского горного округа...».

Полиция узнала о группе так: по халатной рассеянности машинист электростанции на Богословской шахте А.М.Шульгин потерял записную книжку, в которой открытым текстом говорилось о его принадлежности к партийной группе РСДРП поселка и даже о том, что он в качестве делегата ездил в Екатеринбург на окружную конференцию. Книжка попала в руки станового пристава. За Шульгиным и его друзьями был установлен негласный надзор. Затем провели обыски. У Шульгина нашли прокламации, а у его друга М.Я.Трухманова – шифрованные записки. При расшифровке выяснилось, что записки представляли денежные отчеты Турьинской организации РСДРП, а также сведения об уплате денег за желатин и глицерин, необходимые для гектографа.

Удивительно, но арестовали только Шульгина, так как Трухманов отрицал свою причастность к партии (?), а других методов допроса, которые позже применяли следователи ВЧК, тогда еще, вероятно, не знали. Естественно, были с миром отпущены и другие подозреваемые рабочие по причине своего дружного и категоричного отрицания какой-либо связи с партийной организацией.

Первым значительным политическим выступлением рабочих в Турьинских Рудниках стала первомайская демонстрация 1907 года. Организовали ее члены группы РСДРП – все тот же А.М.Шульгин, только что вернувшийся из Николаевской тюрьмы, смотритель Никитинского рудника С.А.Семенов и смотритель Фроловского рудника Н.В.Доронин.

1 мая 1907 года в 10 часов 300 рабочих с красными флагами и пением революционных песен направились из Фроловской части поселка на противоположный берег Турьи. У моста через реку демонстрантов встретили полицейские. Пристав потребовал от рабочих разойтись, а полицейским приказал отобрать знамя и не пропускать демонстрантов в поселок. В ходе столкновения полицией было применено оружие, одна из пуль сразила слесаря Богословской шахты Петра Ивановича Абоимова.

Революционные брожения среди рабочих выливались порой в террористические акты, не имеющие ничего общего с защитой народных интересов. Так скрывающийся от

полицейского преследования бывший рабочий Мотовилихинского завода Александр Лбов, организовав боевую дружину, совершал убийства, похищал (и, вероятно, использовал) взрывчатку, совершал разбойные нападения на рабочие кассы. В эти годы был убит директор Надеждинского завода К.Н.Прахов, взорвана бомба в казарме ингушей. После казни А.Лбова один из дружинников его отряда Алексей Давыдов снова прибег к террору, организовав группу «Лесные братья».

Глава 6. Советская власть на Северном Урале.

Кто был никем, тот станет всем.

Весть о свержении царского самодержавия в феврале 1917 года до Урала дошла с некоторым запозданием. Официальная публикация телеграмм о событиях в Петрограде в уральских газетах началась только с 3 марта 1917 года.

В Турьинских Рудниках создаются органы власти рабочих, делаются попытки установления на предприятиях поселка народного контроля. 9 марта 1917 года был создан Совет рабочих депутатов, в который вошли Н.Сушков, М.Миков, М.Якушев, И.Москалев, А.Анашкин (большевики), а большинство в Совете было меньшевиков и эсеров. Одновременно был образован комитет общественной безопасности и милиция. Все они работали по директивам Временного правительства.

В июле 1917 года Советом рабочих депутатов Турьинских Рудников была наложена контрибуция на купцов Шадрин – 10 тысяч рублей золотом, Пинягина – 300 рублей, Петухова – 200 рублей, Бессонова – 250 рублей. Была избрана комиссия по изъятию имущества. Шадрин отказался платить контрибуцию, был арестован и отправлен в Надеждинск, остальные контрибуцию уплатили.

О том, что в Петрограде совершилась социалистическая революция, в Турьинских рудниках узнали 27 октября, и уже 28 октября (10 ноября) на многочисленном митинге у Максимовской церкви была провозглашена Советская власть. В поселке избирается новый состав Совета народных депутатов (в соответствии с требованиями новой власти), в который на сей раз вошли только большевики: И.Мызников, А.Починигин, М.Якушев, В.Сильных, Д.Гребенкин и А.Анашкин.

7 (20) декабря 1917 года В.И.Ленин подписал Декрет о национализации Богословского горного округа, и на следующий день этот документ, положивший начало национализации крупной промышленности в нашей стране, появился в газете «Известия», а также был сообщен телеграммой на имя Надеждинского и Богословского Советов.

В этом Декрете говорилось: «...Ввиду отказа заводу управления акционерного общества Богословского горного округа подчиниться Декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил: конфисковать все имущество акционерного общества Богословского горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики.

Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности и саботаж виновные будут преданы революционному суду.

Порядок управления делами общества в Петрограде и условия передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подсобных учреждений будут определены особыми постановлениями народного комиссара торговли и промышленности».

Бывшие хозяева – члены Богословского акционерного общества – Половцов, Сельдер (американец, проживающий в Америке), барон Таубе, Поносков (начальник доменного цеха Надеждинского завода) и Воробьев (начальник мартеновского цеха), естественно, встретили национализацию округа враждебно. А так, как руководство предприятий округа фактически осталось прежним, то все эти предприятия начали приходить к банкротству. Вскоре остановлены были Воронцовский, Самский, Покровский и Баяновский железные рудники. Не работали медные рудники. Практически стояли и заводы.

Для руководства рудниками в январе 1918 года образуется коллегиальное управление, состоящее из исполняющего обязанности директора горного дела, директоров железнорудного и золотого дела, представителей Совета рабочих и солдатских депутатов и общезаводского комитета. В каждом цехе избираются комитеты, которые совместно с администрацией предприятия разрешали конфликты, наблюдали за общим порядком на предприятии.

Округ переживал большие хозяйственные трудности. Число рабочих сократилось вдвое. Не хватало продовольствия, промышленных товаров. Нечем было платить зарплату.

Летом 1918 года вспыхнул контрреволюционный мятеж в Ивделе. Белогвардейцы арестовали коммунистов и начали сколачивать отряд, чтобы задушить Советскую власть на Северном Урале. Для ликвидации неожиданно возникшей опасности из состава 29-й стрелковой дивизии была выделена группа бойцов под командованием А.Л.Анашкина и К.Г.Назарова. В Турьинских Рудниках отряд из сорока человек пополнился учащимися горного училища. В сентябре мятежники были разгромлены.

Тем временем вернувшиеся с фронта офицеры царской армии, объединившись, ушли в Сибирь под знамена организуемого 216-го Ишимского полка, которым командовал капитан Казагранди. 20 октября отряд этого полка вступил в Турьинские Рудники. На заборах появились листки с приказами Казагранди, которые жестко предписывали «...все выступления против установленной законным порядком верховной власти, откуда бы они ни исходили, будут пресекаться мною в корне и самым беспощадным образом». И слова карателей не расходились с делами. Только в Тагильском и Надеждинском районах белогвардейцы расстреляли около 10 тысяч человек. В Турьинских Рудниках массовых расстрелов не было, но по доносам были арестованы более 200 человек, многие из которых были наказаны шомполами и нагайками. Активистов Советской власти А.Л.Анашкина и Д.И.Пушкарева увезли в Верхотурье и там порубили шашками. В поселке из добровольцев была организована белогвардейская полиция, в которую вошли Ф.Носов, А.Платонов, Н.Постников, Н.Ивашов, А.Коноплев и другие, всего 24 человека. Комендантом Турьинских Рудников был назначен Н.Постников.

Даже после отъезда из поселка отряда Казагранди белогвардейская власть хозяйничала в нем, проводя обыски и арестовывая коммунистов и им сочувствующих. Так, 7 ноября 1918 года были арестованы и отправлены в Надеждинск М.Е.Якушев (он при большевиках ведал вопросами продовольствия), М.Г.Миков (военный комиссар и начальник милиции), Р.П.Жуков, Д.Я.Гребенкин (член комиссии по изъятию имущества купца Шадрина), А.И.Богашов, А.П.Ракульцев, А.Ф.Починигин. Арестовали белогвардейцы и Кузьму Григорьевича Назарова, оставшегося в родном поселке после ранения, полученного под Ивделем. После прибытия в поселок карательного отряда во главе с князем Вяземским 14 ноября 1918 года всех арестованных привезли из Надеждинска в Турьинские Рудники. А 19 ноября их на берегу реки Турьи (за Песчанским мостом) заставили вырыть могилу, раздели и расстреляли.

Рудники на грани ликвидации.

Для управления народным хозяйством на Урале в 1920 году образуется пять районных управлений, а в горнорудной промышленности – три управления. Турьинские рудники вошли в Богословско-Кутимское районное управление.

Именно в то время, когда решался вопрос об административной подчиненности рудников, их руководители вышли с предложением о ликвидации предприятий, поскольку, по мнению многих специалистов, запасы медной руды к тому времени не представляли практической ценности. Кроме того, в тяжелейшем состоянии находилось водоотливное и энергетическое хозяйство. Каратели (по непонятным причинам) разрушили медеплавильный завод в Богословске. В 1920 году вода затопила Богословский, а в 1921-1923 годах и остальные Турьинские рудники.

Горняки оказались без работы. Строительство небольшого кожевенного и маломощного кирпичного заводиков вопроса о трудоустройстве жителей поселка не решало. Некоторые шахтеры устроились на Богословских угольных коях, другие стали заготавливать дрова для углежжения. Начался массовый отъезд жителей. Если в 1917 году здесь проживало 12 тысяч человек, 1923 – 7089, то в 1926 году осталось всего лишь 5600.

Жители поселка испытывали большие затруднения с продовольствием. Рабочие получали не более полфунта ржаной муки и полфунта овсяной. Наблюдались вспышки сыпного тифа и других эпидемических заболеваний. И тем не менее, жизнь в поселке продолжалась. Всю полноту власти взяли на себя избранные еще осенью 1919 года Советы рабочих депутатов. В те трудные годы создаются специальные комиссии по оказанию помощи голодающим, устраиваются сборы, платные спектакли, субботники. Особая забота проявлялась о детях. Для детей-сирот в апреле 1921 года открылся Турьинский детский дом, в котором сразу же было устроено 44 человека, а через год там уже воспитывалось 190 детей. В поселке начал работать детский сад, который посещало до 40 малышей. В 1925 году открыли Дом беспризорного ребенка.

В 1920 году был открыт горный техникум на 60 человек. В четырех поселковых школах обучалось в то время 450 детей.

Комсомольцы 20-го года...

Вскоре после ухода белогвардейского карательного отряда в Турьинских Рудниках была создана комсомольская организация. 24 августа 1919 года в поселок прибыл представитель Надеждинской уездной комсомольской организации. В поселковом клубе собралась молодежь. Представитель рассказал, что 29 октября 1918 года в Москве состоялся Первый съезд РКСМ, который принял решение об образовании Российского Коммунистического Союза Молодежи. Проинформировал он и о том, что в Надеждинске такая комсомольская организация уже создана, призвал собравшуюся молодежь создать комсомольскую ячейку в поселке Турьинские Рудники.

В этот же день вечеров состоялось собрание молодежи , на которое пришли около тридцати молодых рабочих, служащих и учащихся горного техникума. Перед собравшимися выступил председатель Временного военно-революционного комитета Ф.Н.Сафронов. Он рассказал о задачах комсомола, о борьбе молодежи за Советскую власть.

На этом же собрании состоялся прием в комсомол. Было принято более десятка молодых парней. Надо отметить, что у большинства поселковой молодежи была еще определенная боязнь за свою жизнь. Еще не выветрились из памяти бесчинства карательной экспедиции белых. А потому активистами становились лишь те немногие ребята, азарт и энергия которых перевешивали на весах выбора расчетливость и рассудочность. На собрании было избрано оргбюро, в состав которого вошли Георгий Сафронов, Николай Смолин, Феодосий Уфимцев, Тимофей Безденежных и Сергей Викулов. Председателем стал Г.Сафронов, а секретарем Н.Смолин.

Комсомольцы участвовали во всех политических мероприятиях, трудились на субботниках, служили в частях особого назначения (ЧОН). Они были и запевалами культурной работы в горняцком поселке. Для организации молодежного клуба военревком передал комсомольцам одно из лучших зданий. Клуб назвали именем Розы Люксембург и Карла Либкнехта. В нем всегда было весело и многолюдно. Среди комсомольцев оказалось множество талантов. Нашелся и режиссер. Им стал преподаватель горного техникума Константин Николаевич Шаньгин. И через некоторое время местные жители увидели первые спектакли.

Неизменным успехом у населения пользовались «клубные среды», на которых выступали с лекцией или беседой коммунисты, читалась устная сатирическая газета на злобу дня и в заключение ставилась одноактная пьеса.

По инициативе комсомольцев в Турьинских рудниках появились первые пионерские отряды. В 1923 году комсомольское собрание поручило работнику детского дома комсомолке Галине Николаевой начать работу по созданию пионерского отряда. Она сразу же приступила к делу. Ходила по улицам, собирала ребятшек, рассказывала им о пионерской организации, желающих записывала в отряд.

...В один из январских вечеров 1924 года в рабочем клубе поселка было многолюдно. Собрались коммунисты, комсомольцы, беспартийные. Группу ребятшек принимали в пионеры. На небольшую сцену вышли двенадцатилетние и тринадцатилетние мальчишки и девчонки и чинно выстроились в две шеренги. В зале стихло. И вдруг громко и торжественно раздалось: « Я, юный пионер Союза Советских Социалистических республик, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира, буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича, законы и обычаи юных пионеров».

Ребятам повязали красные галстуки, и они под дружные аплодисменты сошли со сцены. В тот вечер пионерами стали А.Мелехин, О.Шмакова, Г.Сюткина, И.Быкова, Г.Обухова и многие другие.

Знаете, каким он парнем был...

Комсомольцем 20-х годов был и наш прославленный земляк Анатолий Константинович Серов. Он родился 20 марта (2 апреля) 1910 годам в семье штейгера Константина терентьевича и домохозяйки Любви Фроловны на Воронцовском руднике. Горный техник часто переводился с одного места работы на другое. Когда младшему сыну Толе исполнилось четыре года, отца перевели на Покровский рудник, затем в Богословск. Окончив 4 класса, он в 1923 году поступил в школу второй ступени, находящуюся в Турьинских рудниках, где поселился у бабушки Пелагеи Денисовны Платоновой.

В 1925 году Серовы переехали в Надеждинск. Здесь Анатолий поступил в школу ФЗУ при Надеждинском металлургическом заводе, после окончания которой стал сталеваром. В школе ФЗУ он и стал комсомольцем.

Тот день, то собрание он помнил всю свою жизнь.

...Небольшой зал. Одинокая электрическая лампочка на потолке освещала стол президиума, покрытый кумачом, молодые лица за столом и в зале. Словно впервые Толя увидел давно знакомых товарищей по работе, по лыжам, по ФЗУ. Его вызвали к столу. Рассказал биографию, стал отвечать на вопросы. Спрашивали об индустриализации, о том, что он знает по истории партии и комсомола, о дисциплине.

- Расскажи, как принес в цех картошку, чтобы испечь ее в мартене.

Грохнул смех.

- Как в газогенераторной коробке отсыпался!

- Почему в газетах читаешь только про физкультуру и спорт?

- А что такого? Он же собирается в авиацию.
- В авиацию принимают развитых не только физически, а и умственно, идейно. Вот расскажи, Серов, как ты спорт понимаешь.

Толя, краснея от смущения, откровенно говорил все о себе, о своих недостатках. Потом стал слушать. Ребята разбирали его ошибки, но каждый заканчивал выступление тем, что рекомендовал Серова в комсомол. За него выступила и девушка-библиотекарь, с которой он так часто общался. Она сказала, что он очень думающий парень, в последнее время читает газеты и книги, интересно говорит о прочитанном и у него хорошая душа.

Когда дали слово Анатолию, он с подкупающей искренностью сказал:

- Досталось мне сегодня. Я понимаю, конечно. Это все верно. Очень трудно стать дисциплинированным. Но все-таки я своего добьюсь и обещаю, что одолею все это

Проголосовали за него единогласно.

Через тринадцать лет, выступая однажды перед молодежью, Анатолий говорил:

- С любовью вспоминаю о годах, проведенных в комсомоле. Я горжусь тем, что вырос в комсомоле, что комсомол воспитал меня. Для меня особенно дорого воспоминание о том, что комсомол дал мне путевку в жизнь, что благодаря комсомолу, я стал летчиком.

В детстве я был отчаянным мальчиком. В рабочем поселке на Урале мне казалось тесно и скучно. Хотелось поехать путешествовать, посмотреть другие страны. Однажды я вышел из дому и отправился... в Америку! Конечно, путешествие мое не состоялось. Затем, будучи учеником ФЗУ, я частенько увлекался улицей. Учеба и работа не поглощали всей моей энергии, и я тратил ее без пользы. Но вот в 1926 году в фабзавуче я вступил в комсомол. Коллектив начал направлять мои мысли в сторону учебы и общественной работы. Комсомольская работа целиком поглощала время, свободное от учебы...А спортом я так увлекся, что одно время держал по лыжам второе место по Уралу.

С помощью партийного бюро завода библиотека, где собиралась заводская молодежь, была укрупнена, появились новые книги. Стали устраивать коллективные чтения. Очень полюбились молодежи беседы о прочитанном.

Много мыслей родило прочтение «Мартина Идена» Джека Лондона. Толиному другу Виктору нравились настойчивость и упорство Идена в достижении поставленной цели. Анатолий был возмущен стремлением героя войти в «высшее общество». Девчата восхищались Иденем, жалели, что он так бессмысленно покончил с жизнью. Лучше бы погиб в борьбе с капитализмом. А такая смерть все равно, что сдать врагу.

- Верно, Нюсечка, - подхватывал Толя. – Да и погиб он от своего одиночества. От одного берега, от своего класса, оторвался, отчалил, а к другому не мог пристать – он выше этой публики был по уму и таланту. А корни, которые связывали его с народом, пересохли.

Мысли у молодых людей оживлялись, возникали сомнения, высказывались мечты. Шумели, волновались, прямо и требовательно смотрели друг другу в глаза, полные доверия и подлинной дружбы.

Вскоре заветная мечта юноши сбылась. По путевке Надеждинского горкома комсомола А.К.Серов в 1930 году поступил в Вольскую школу военных летчиков, а после ее окончания учился в известном Оренбургском летном училище, которое окончил с отличием через полтора года. Еже тогда один из его наставников отмечал: «Серов произвел на меня впечатление незаурядного врожденного летчика. У него сконцентрировались все качества: дерзость, отвага, беззаветная смелость».

Вся дальнейшая жизнь А.К.Серова связана с авиацией. Он служил в ленинградском военном округе, на Дальнем Востоке, летчиком-испытателем.

Обучался в прославленной Военно-Воздушной академии имени Жуковского. Окончил Академию Генерального штаба РККА. Участвовал в боевых действиях в Испании. За проявленный героизм при выполнении одной из поставленных задач получил высокое звание Героя Советского Союза. Трагический случай оборвал его жизнь на 29-м году.

А жизнь продолжается.

В марте 1925 года в Богословске местными Советами была создана комиссия, которая должна была решить вопрос о целесообразности восстановления рудников. В ее состав вошли известные активисты-горняки: А.Н.Собенин – токарь механического цеха, Г.Д.Кокшаров-бывший заведующий Фроловским рудником, директор техникума Я.К.Чулочников и другие.

Неизвестно из каких соображений исходили активисты, среди которых не было ни одного специалиста-геолога, но решение было принято такое: запасов медных руд хватит надолго.

А рудники в то время являли собой печальную картину. Шахты были не только затоплены, но и разрушены. Чтобы рудники восстановить, нужно было откачать миллионы кубометров воды, возвести все подземные и надземные сооружения, заново оснастить их оборудованием, произвести разведочные работы, углубить старые шахты.

И это при нехватке людей, остром дефиците материалов и оборудования. Только неиссякаемый энтузиазм, вера в конечный результат не позволяли расслабиться и опустить руки. В 1932 году было создано 5 ударных и 7 хозрасчетных бригад, а немного позднее 84 ударные бригады, в которые входило 549 рабочих.

Первой начали восстанавливать шахту «Журавлинка» на Фроловском руднике. К концу 1931 года большинство промышленных зданий шахта было построено. Правда, из-за отсутствия оборудования первые тонны руды Фроловский рудник дал только в 1934 году. Позднее вступили в строй Башмаковский, Богословский, Никитинский и Васильевский рудники. Рядом со старыми шахтами стали расти копры новых.

Богословский завод еще не работал, но уже набирал мощь Красноуральский медеплавильный завод, который требовал значительного количества руды. По практикующимся в те годы «партийным призывам» в Турьинские Рудники были направлены люди из разных районов страны. Население поселка стремительно начало расти. К 1935 году численность населения выросла почти на 2000 человек. С 1932 года после обнаружения геологами новых месторождений начали интенсивно разрабатываться железные рудники и золото-платиновые прииски. Разрастались и соседние горняцкие поселки. Так в поселке Ауэрбах в 1926 году жило 800 человек, а в 1935 году их стало 4600.

В 30-е годы росли и темпы золотодобычи Южного Заозерья – так назывались Турьинские прииски.

Есть глина!

В конце 20-х годов вблизи Турьинских Рудников было открыто еще одно специфическое месторождение, которое тоже сыграло свою роль в экономике Северного Урала. Замечательный геолог Николай Акимович Каржавин открыл Белкинское месторождение глины.

Сейчас, называя фамилию этого геолога, практически все мы, уральцы, связываем ее с открытием судьбоносного бокситового месторождения «Красная шапочка», руды которого определили выбор площадки строительства Богословского алюминиевого завода. Но мало, кто сейчас знает о том, что Н.А.Каржавин начинал свои поиски в нашем крае с промышленных глин. Восстановление и рост уральской промышленности выдвинули задачу создания собственной сырьевой базы нерудных ископаемых. И прежде всего встал вопрос о глинах. Ведь без огнеупорного кирпича нельзя было построить ни доменной печи, ни мартена, ни вагранки. Профессор Уральского политехнического института М.О.Клер, прекрасный знаток Урала, ученый и инженер, уже имел к 30-м годам полную сводку по огнеупорным глинам Урала. У него не хватало данных лишь по некоторым северным регионам...

Вот так и стал Николай Акимович первым поисковиком уральских глин. Вскоре его назначают начальником североуральской геологической партии и ставят перед ним задачу отыскать огнеупорные глины для Надеждинского завода. Естественно, поиски начинаются в районе самого завода. А точнее, с системы рек: Каменки и ее правых притоков – Песчанки и Царской.

И геологи двинулись прочесывать весь район. Из маршрутов возвращались со сплошными кровоподтеками на лице и шее. Казалось, все комариное царство, весь лесной гнус набрасывались на поисковиков, нарушивших вековую тишину и покой тайги. Но зато в весьма короткий срок были получены изумительные результаты.

В одну из белых ночей, когда едва заметные звезды слабо мерцают, а над долинами колышется белесоватый туман, Каржавин был разбужен сильным стуком в парадную дверь. В окно он увидел приехавшего верхом на лошади старшего бурового мастера М.И.Кутюхина. Быстро открыл дверь. Не здороваясь, взволнованный мастер молча разворачивает сверток:

- Смотрите, вот она десятая скважина!

А в свертке глина – белая, пластичная, слюдистая. После получения лабораторией Уральского геологического управления в Свердловске высокой оценки найденной глине месторождение было внесено в реестр для промышленных разработок и получило название Белкинское – по названию старой шахты Белкинского увала.

Интересно отметить, что рождение нового на Северном Урале рудника происходило в то время, когда Богословское рудоуправление, стремясь избавиться от лишних забот, старалось любыми средствами представить месторождение не промышленным. Уже к 1934 году, рудоуправление заложило ряд глубоких шурфов, якобы для контроля. Пройдены они были не в глинах, а в подстилающих песках.

На совещание, где решалась судьба месторождения Н.А.Каржавин опоздал. Проводивший совещание управляющий Востоксталью Иванченко спросил его не без иронии:

- Ну, что, Каржавин, оказывается, глин-то нет! Где они?

Тот деловито развесил геологическую карту, таблицы химических анализов. Достал образцы. Коротко изложив историю открытия месторождения, дал предварительную промышленную оценку. Иванченко не стал задавать вопросов ни Каржавину, ни работникам Богословского рудоуправления.

- Вопрос ясен. А вас, - он обратился к одному из работников завода, - я назначаю директором Белкинского рудника. И только после этого он повернулся к Николаю Акимовичу:

- Товарищ Каржавин! Благодарю вас за сообщение. Когда будете защищать запасы месторождения в Свердловске, заходите ко мне. Желаю дальнейшей творческой работы...

Так решилась промышленная судьба Белкинского месторождения огнеупорных глин. Быстро. Без волокиты.

Необычные факты, догадки и предположения.

Что мы знаем о глинах? Мы о них судим по той красной глине, что встречается практически повсеместно. А ведь геологам известно такое огромное количество разновидностей глин, что только перечисление их займет несколько страниц.

Есть глины красильные, иначе их называют цветные. Это землистые массы, ярко окрашенные окислами некоторых металлов, в первую очередь железа и марганца. На Востоке их издавна применяли как основу при производстве красок. Для этого глины отмучивали, фильтровали, высушивали, измельчали и отсеивали. В продажу обычно поступают порошки красок. Из них можно изготовить как клеевые, так и масляные краски. Широко известна белая краска – каолин, красная и желтая – различного вида охры, зеленая и коричневая – умбра. Эти краски отличаются тем, что могут проходить серьезную термообработку, не теряя своего цвета. Поэтому они применяются для окраски стекол, фарфора, глиняных изделий и посуды.

Есть глины, которые состоят главным образом из тончайших частиц минерала каолинита. Это из них изготовлены фарфоровые статуэтки и другие художественные изделия. Из такой глины производится фарфоровая и фаянсовая посуда. Фарфоровые изоляторы различных форм, видов и назначений тоже изготавливаются из каолиновой белой глины. Потребляет ее и бумажная промышленность – там она ценнейший наполнитель при изготовлении особых сортов бумаги. Применяет ее и резиновая промышленность. Как прекрасные сорбенты, используются глины в химической, нефтеперерабатывающей, маслодельной и мыловаренной отраслях промышленности. Да и городской водопровод нередко не может обойтись без помощи глины: именно она осуществляет в случае необходимости смягчение воды.

Глава 7. Золото и платина северного края.

В рабстве «желтого дьявола».

Как-то уж так повелось, что в рассказах о горнопромышленном Урале преобладает тема металлургии. Вот ведь даже и в названии поселка, с которого берет свое начало наш Краснотурьинск, присутствует слово «рудники». Мы и в исторических исследованиях находим более или менее полное описание этапов становления горно-металлургических производств. А вот о приисковых работах в нашем северном крае, связанных с добычей золота (район поселка Турьинские Рудники) и платины (район поселка Кытлым), почему-то знаем мало. Очень скудны сведения о добытках ценных металлов и книгах местных краеведов и в книге-монографии Е.С.Федорова и В.В.Никитина «Богословский горный округ». А ведь на протяжении всех лет существования округа велась на его землях, не прерываясь ни на год, добыча золота и платины.

Россыпное золото на территории Богословского горного округа впервые было открыто в 1823 году по речкам Турье, Каменке и Какве, а россыпная платина – в 1833 году. Всплеск добычи и связанная с ним «золотая лихорадка» приходится на 1829 год. В этом году открывается богатая россыпь на речке Песчанка, где за период с 1829 по 1838 годы было добыто более 3 тонн (!) золота.

Промысел золота и платины на Северном Урале бурно развивается в 20 – 80 годы XIX столетия. Разворачиваются во множестве приисковые работы на реках Большая Волчанка, Макарьевка, Заболотная, Ларьковка, Черная, на землях Лобвинской и Кытлымской долин.

Количество добытого золота на территории Богословского горного округа с начала добычи по 1910 год составило 33 тонны.

Добывались ценные металлы, в основном, простым – старательским способом. В 1904 году на речке Григорьевке появилась первая паровая драга, а в 1914 году в Кытлыме – первая электрическая драга.

Добровольная каторга.

Тяжел и опасен был труд старателей, немало гибло их от рук грабителей и разбойников. Но из-за желания разбогатеть, а то и просто ради любопытства, врожденной любознательности шли они в лес, на отдаленные лога и речки Урала.

В разведку чаще всего собирались вдвоем-троем с ружьями, топорами, лопатами, ковшом для промывки породы и котомкой сухарей за спиной. На привалах, боясь разбойников, не разводили огня, ели сухари, размоченные в воде, запивая холодной водой. Тайга-заступница укрывала и кормила, красотой своей радовала и успокаивала тишиной.

Люди в глухомань уходили ранней весной, когда едва начинали оседать сугробы. На обжитых или только разведанных прошлым летом местах мастерили временное жилье, чинили помятые снегом и ветром шалаши. Артели старателей налаживали свою жизнь в лесу, когда начинались глухаринные тока.

С утра до вечера тюкали топоры – готовились промывальные приборы, ремонтировались инвентарь и инструменты. Вечерами зажигались десятки костров, тут и там раздавались голоса, звучали песни и рассказы стариков о богатых намывках и разбойниках.

По прибытии на место под руководством опытного старателя начинали копать шахту («дудку»). На ней ставили деревянный вороток, которым «выхаживали» деревянную или железную бадью с песком или пустой породой. Двое или один человек «вертел». Породу везли к речке или ручью, где стоял деревянный вашгерд («мутилка») – лоток для промывки породы и улавливания тяжелого драгоценного металла.

Часто применялся и такой оригинальный промысел по добыче и промывке золота и платины со дна реки: летом – с плотов, зимой – со льда. Суть этого способа в том, что сколачивался плот из шести-восьми бревен, в хвостовой части которого устраивался рычаг с прикрепленным ковшом (или по-народному – «пахарем»). Углубление «пахаря» в ил и извлечение его из воды производилось при помощи колеса с воротом. Извлеченные песок и галька промывались тут же на носовой части плота на маленьком вашгерде. Вода для промывки подавалась на вашгерд примитивным самодельным насосом. Работали на плоту по 3-4 человека.

Мужики работали в забое шахты, у воротка или на откатке, а девки и бабы перемывали песок.

Каталями в шахтах работали обычно подростки. Длина забоя была до 30 метров, катать приходилось из рассечек, крепленных подхватами, низко наклоняясь. Бадьи с породой весили 5-6 пудов (пуд – 16,38 кг). Под ногами вода. В шахте было несколько забоев, каждый забойщик стремился, как можно больше, выдать песка на-гора. За нерасторопность каталя ругали и забойщики, и воротовщики.

Поработает парень 2-3 часа, руки и ноги дрожать начинают, пот льется ручьями, садины горят на спине, голова кружится, о подхваты на ней набиты шишки.

Вот где каторга-то! Иногда каталей называли «ползунками» - это были подростки (мальчик, а то и девочка), которые в штольне шахты тянули на лямке корыто с породой. На руки им обычно надевали налокотники.

В дудку хозяин наемных рабочих не пускал, а лез сам или посылал близких родственников, так как боялся, что чужой украдет самородок, если тот попадется. Иногда целыми днями и неделями работали впустую, металла не было, а иногда благородный металл сидел «медуницами».

- Точно плюнул золотом-то! – говорили старатели.

А вот как рассказывают об условиях труда старателей тех лет авторы «Путеводителя по Уралу», изданного в 1899 году в Екатеринбурге газетой «Урал», В.А.Весновский и Н.А.Зеленский:

«Обычным типом помещений для рабочих на зорлотых промыслах являются казармы, землянки и полуземлянки, хотя последние едва ли возможно относить к жилым помещениям. Казармы строятся на скорую руку и представляют собой бревенчатые срубы с одной простой дверью из плах...Они сыры, грязны, тесны, низки, темны и холодны, часто с земляными полами...Вентиляции никакой. Часто в казармах вместе с мужчинами помещаются и женщины. Зимой стены промерзают, из двери несет, окна однорамные и всегда покрыты толстым слоем льда.

...Тяжелый мускульный труд в течение двенадцатичасовой смены – обычная картина любого прииска, где добывались золото и платина. А в дни полочки прииск неужеримо гудел и стонал. Люди, изнуренные непрерывным физическим трудом, заливали свои страдания спиртом и водкой, пропивая в кабаках последние гроши».

На приисках с раннего утра копошились люди, перебивая пески. Возле балаганов и шалашей гомонились малые дети, покинутые на целый день родителями. Девушки катали тяжелые тачки с песком на промывку, а с промывки везли пустую породу в отвалы. Всюду крики, перебранки, но нередко слышались смех и звонкие песни.

В поисках фарта.

На освоенных и обжитых приисках жизнь из года в год текла равномерно, а вот новое месторождение бывало получить нелегко. Нужно было разработать его, застолбить участок и не дай бог, если об этом месторождении узнают другие. Тогда вновь открытая, богатая россыпь бралась порой приступом – «стоном стон стоял». Партий набиралось много. Заявочные столбы можно было ставить в точно назначенный день, после двенадцати часов ночи. Все сидели около своих намеченных мест и ждали этого часа. А когда он наступал, то «свои не узнавали своих», местная тишь оглашалась криками, руганью и ревом, а порой все это заканчивалось яростными драками.

Застолбив участок, надо было получить разрешение в Верхотурье, в конторе у столоначальника, для чего нужно было на лошади гнать туда.

Устраивались настоящие гонки. Лошадей не жалели, некоторые имели на дорогах сменных коней. Счастлив был тот заявитель, кто успевал первым и никто заранее не перекупил столоначальника.

Случаи дикого счастья время от времени перепадали старателям. Когда кто-нибудь из них находил хороший пропласток драгоценного металла или «гнездо» золота, это непременно отмечалось покупкой новой лошади или хорошей одежды,

новыми крышами на избах, а то и всей избы. Ну и, как правило, это заканчивалось беспробудным пьянством.

Самым торжественным, волнующим моментом в жизни старателя был сполоск и доводка металла. Каждого интересовало, что там намыли за день? Каков улов?

Вечером приходил штейгер или баночник, вскрывал опечатанный грохот. Сполоск делал сам бригадир артели, он старался ссыпать «интерес» - платину - в банку столько, сколько хочется ему, остальное отдавал бригаде. Штейгера пытались всячески задобрить, вплоть до того, что подставляли «свободную» женщину, которая заманивала его к себе, а старатели в это время крали платину, после чего по более высокой цене перепродавали ее частному скупщику.

Некоторые старатели ухитрились воровать металл прямо с вешгарда, для этого стлали вторую рогожу, а потом снимали и прятали ее; бывало подделывали пломбиры, при сполоске платину пускали под «хвост» и так далее.

Прииск при хорошей работе иногда гудел бешеными кутежами. Их порой устраивал сам хозяин: «Угостить надо рабочих, а то вяло робить стали!»

Один журналист прошлого века писал так: «В хорошие солнечные дни работа на прииске кипит, то здесь, то там шутки, присказки, девчата готовы петь целый день. Но в дождливые, пасмурные дни, когда сверху моросит дождик, а под ногами грязь и слякоть, люди медленно ворочаются у станков и в забое, понуро ходят по узким дорожкам кони, запряженные в тарантайки, глухо звякают бадьи. В сером тумане ненастья прииск кажется оторванным куском земли, брошенным в мутную, сырую яму. Люди работают лениво, крутят сигарки, подолгу курят и, доработав остаток дня, уходят по домам или в казармы. Там, в дыму, в запахе сушившихся овчин и портянок, усталые засыпают, чтобы с утра снова копать, полоскать, врезаться в землю.

...Рабочий, выходя с работы, в ближайших поселениях, встречался с широко открытыми дверями кабаков, с тайными спиртоносами и со всякого рода людом. И многие, даже из числа семейных, совершенно пропивались и проигрывались в карты: нередко совершались кражи, грабежи и убийства».

Котел страстей и вождлений.

Освоение обводненных россыпей и стремление к увеличению добычи драгоценных металлов настоятельно требовало расширения механизации ручного труда. Коренной перелом в этом наступил с внедрением дражной добычи металлов.

К началу XX столетия за рубежом работало уже сотни драг. Появляются первые драги и на Урале.

...Древним беспробудным сном дремал Кытлым. Кытлым по-вотяцки значит котел. Он и есть котел, большая чаша, поставленная в вечные снега. Облака перелезают через его зубчатые стены, оставляя на них клочья своих пенистых, пышно взбитых подолов. Поселился в этом таежном краю невесть откуда взявшийся помещик. Некто Воробьев. Кто-то говорил, что он будто из Тульских мест, а кто-то говорил, что он – коренной курянин. Был тот помещик добрым охотником и свою амуницию лил в собственном дому из беловатого металла, в изобилии находившегося на пустырях, а также во мшистом болоте, составлявшем большую часть его бесполезных угодий. Конечно же, не сам дворянин бегал по дебрям, собирая свое серебро не серебром, но раздавал мальчишкам по копейке, за что и наносили они его в помещичий дом кульками, из которых барыня большую часть на помойку приказывала выбрасывать. Не терпела сей домодельной дробы в супружеских карманах: будучи небогроден, этот металл отличался чрезмерной тяжестью, и самые прочные карманы в полдня продырявливал.

Но прознал как-то от пришлого охотника Воробьев о том, что металл, коим бил он искони рябчиков, не что иное, как чистая платина. И что во всех соседних ложках, на Северном и на Сосновке, где ни плюнь, везде лежат ее богатейшие россыпи. Со всех соседних гор пенистые речки сбегают в кытлымский котел, и каждая из них несет с собой платину, чтобы небрежно ее спрятать и забыть, кое-как прикрыв тонкой настилкой мха, забросав камнями или просто опустив на дно светлого ручья. И стал продавать свои голые камни этот Воробьев англичанам и французам. Весь мир потряс наш лесистый, отгороженный от мира подоблачными горами, болотный, труппобный Кытлым славой своих платиновых месторождений. Всесильный английско-французский капитал взялся за создание платинового королевства на Урале. Вошел в компанию и русский капитал, но в незначительном количестве. Ему милостиво было разрешено присоединиться к триумфальному шествию акционеров. Пять электрических драг перевалили кытлымский перевал. Каждая из них стоила более трехсот тысяч золотом. Их везли медвежьими тропами, и железные фургоны то и дело проваливались в трясину под неимоверной тяжестью двигателей, колес, ящиков и ковшей.

В 1904 и 1905 годах компания начала высасывать из уральской земли сказочные дивиденды. Чуть ли не в первый год окупилась все машины, все расходы по доставке их в Россию. В то время, как страна переживала свою первую революцию, - в год неслыханного финансового краха и полного развала всего хозяйства, - раз в неделю бешеная тройка неслась через тайгу, унося из Кытлыма его семидневную добычу – около миллиона рублей. Не этими ли легкими деньгами ссужала затем Европа наше императорское правительство, побиравшееся у ее дверей? Апогея своего хищническое хозяйство достигло в годы, предшествующие войне: 1912, 1913 и 1914. Буквально на кытлымские миллионы и миллиарды подготавливалась война, за которую нам теперь предлагают заплатить еще раз. Добыча достигла фантастической цифры – двадцати – двадцати одного пуда в год. Россия завоевала мировой рынок, доставляя 90% всей добываемой на земном шаре платины. Платиновый ливень становился все гуще, все тяжелей, все обильней. Опытные геологи произвели разведку соседних гор. И хотя результаты этих экскурсий хранились в величайшей тайне, слух о том, что все вокруг Кытлыма – и глина, и леса, и болота, и камень – все чистая платина, распространился очень скоро. Безумие овладело кругом. Открытия Тылая, Косьвы, Сосновки, Ободранного Ложка быстро следуют друг за другом. Вокруг равномерно работающих драг садится армия старателей, варварски ковыряющих землю. Половина из них разоряется вдребезги, попадает в лапы скупщиков и полиции, пьет, режет, находит и, не имея средств, чтобы вести более тщательные работы, ревниво прячет свои находки, заваливая мхом и листвой.

...До сих пор иностранцы забыть не могут 1917 года. Такие прибыли! Такие перспективы! Благожелательное правительство, присущая колониальной России дешевизна рабочих рук, тайга и 500 рабочих, оторванных от мира, находящихся в полной власти предпринимателя.

Флотилия северных болот.

Процесс добывания что золота, что платины – внешне некрасив и неромантичен. Подумайте, тайгой, непроходимыми болотами и перевалами, в труппобы волокут великолепные машины. Водворяют их в болото, где десятки верст болотной грязи замешаны миллионами пудов камня. Посередине роют яму с грязной желтой водой, на которую спускается плавучая платформа. На этом плоту двухэтажная землечерпалка, приводимая в движение электричеством, со скрежетом и визгом

пережевывает камни, грязь, мох, песок и воду, чтобы, в конце концов, оставить на влажном войлоке шлюзового отделения горсточку металла. Драги скребут и глотают день и ночь, пожирают горы земли, обломки камня, деревья и рощи; вся долина превращается в кладбище ради нескольких крупиц металла, которые человечество почему-то решило считать драгоценными.

Серые широкоскулые черпаки непрерывно спускаются к воде. У самой воды они приседают и, перекувырнувшись, ныряют с небольшим плеском. Неутомимые, упрямые, они выплывают на поверхность с полным ртом, набитым грязью и камнями. Собственно, вся драга состоит именно из этих черпаков и огромной металлической кишки, которую они набивают землей. Потоки воды с яростью хлещут навстречу каждому новому ковшу. Они обливают цилиндр, который медленно подставляет под душ свои дырявые бока. Песок, как сквозь сито, просеивается сквозь них на особые лотки и под водой оседает на войлочных тюфяках. Пищевод драги, не торопясь, подталкивает камни к выходу, пока резиновый ремень не выносит их наружу. Горы земли перевариваются в брюхе драги, целая река выполаскивает из них несколько граммов ценного металла.

Южно-Заозерский прииск.

За годы Советской власти мало, что менялось в организации труда золотодобытчиков. Лишь в 1930-1931 годах начали строиться драги паровые 210-литровые «Новозеландского» типа – на реке Каменка драга №49, на реке Замарайка драга №51.

В связи с развитием золотодобычи в январе 1934 года был организован Южно-Заозерский прииск, который выделился из Северо-Заозерского прииска. Ранее этот участок назывался Каквинской группой. К началу организации Южно-Заозерского приискового управления, как самостоятельной единицы в системе треста «Уралзолото», в его распоряжении находились уже упомянутые две старенькие драги. С 1936 по 1940 год были построены еще две драги – 150-литровые (одна драга была перевезена с речки Сольва, другая – с Исовских приисков).

К началу 1935 года на прииске трудились около 3000 старателей. В эти годы золото отоваривалось продуктами питания и качественными промтоварами. Наверное, поэтому и был такой наплыв работников. Южно-Заозерский прииск состоял из ряда старательских групп, которые распределялись территориально и именовались:

Туринская старательская группа,
Воронцовская старательская группа,
Волчанская старательская группа,
Даньшинская старательская группа,
Мысовский старательский участок,
Тулайский старательский участок,
Мостовской старательский участок.

В приисковом управлении был создан старательский отдел, который руководил всеми старательскими работами. С 1935-1936 года начали организовываться более крупные артели. Стала внедряться малая механизация: гидровашгерд на Воронцовском участке, более крупные промывальные устройства и другие.

В 1938 году начал внедряться гидравлический способ разработки россыпей. Были построены гидравлики с оборудованием: насос, гидромонитор, землесос, шлюзовая установка, а в качестве двигателей использовались газогенераторные трактора. Такие гидравлики появились сначала на Воронцовском старательском участке, затем на Волчанском, на Турьинском. Кроме того, такие же гидравлики были построены

госспособом на реке Каменка и на реке Сосьва, но в силу горногеологических условий эти гидравлики вскоре были прикрыты.

Сказка для взрослых – «Красная шапочка».

XIX столетие связано с открытием нового металла. В 1825 году датский ученый К.Х.Эрстед открыл металлический алюминий. В 1866 году одновременно французский ученый П.Эру и американец Ч.Холл разработали электролиз криолито-глиноземных расплавов. В России в 1887 году Карл Байер (ученый австрийского происхождения) наладил производство чистого гидроксида алюминия (глинозема) для крашения тканей, а в 1892 году открыл получение алюминия выщелачиванием гидроксидом натрия из боксита под давлением (в автоклаве). Им же было впервые в 1893 году предпринято строительство глиноземного цеха на химическом заводе в Елабуге.

Позднее, в 1894-99 годах, Евграф Степанович Федоров и Василий Васильевич Никитин производили геологические исследования на территории Богословского горного округа. Исследованиям были подвергнуты Покровское, Баяновское и Благовещенское месторождения железных руд, в том числе на содержание двуокиси алюминия.

По результатам этой большой научной работы в своем капитальном труде «Богословский горный округ» Е.С.Федоров и В.В.Никитин о Благовещенском месторождении с горечью написали: «Эти исследования являются недоразумением и пустой тратой времени...»

И кто бы мог подумать, что их работа спустя четыре десятилетия вдруг окажется востребованной? Подтвердила выводы уральских ученых и проведенная в 1929 году Богословским рудоуправлением ревизия Благовещенского железнорудного месторождения в районе села Петропавловского. Работы, проведенные под руководством геолога из Центрального научно-исследовательского института К.Пожарицкого, вновь показали низкое качество исследованного материала. Собранный коллекция так же, как и предыдущая, была сдана на хранение в Федоровский музей.

В 1931 году работающий техническим руководителем Турьинской базы Уральского геологоразведочного управления Николай Акимович Каржавин обратил внимание на высокое содержание глинозема в одной из проб огнеупорных глин Белкинского месторождения. Именно это обстоятельство, как он в этом признается позже, и подтолкнуло его к поискам бокситов в бывшем Богословском горном округе.

В сентябре 1931 года геолог Богословского рудоуправления А.К.Бруштейн обратил внимание на химанализ, приведенный в старых журналах Покровского рудника руды из отвалов Петропавловского завода. Н.А.Каржавин, решив перепроверить его, обратился к коллекциям Федоровского музея, отобрал образцы Благовещенского железнорудного месторождения и отправил их в центральную лабораторию Уральского геологоразведочного управления.

Химические анализы шести образцов из коллекции К.Пожарицкого и одного образца из коллекции Е.С.Федорова по всем параметрам отвечали бокситам – главному сырью алюминиевой промышленности. Так труды замечательного ученого-горняка нашли свое воплощение в открытии другого талантливого ученого. Новое месторождение бокситов назвали «Красная шапочка».

Химические анализы двух образцов из коллекции Е.С.Федорова показали на существование еще двух месторождений бокситов: Кальинского и Черемуховского. В 1,5 километров от Богословского завода в верховьях реки Ольховка также было

открыто Богословское месторождение бокситов. Открытые в стенах Федоровского музея месторождения Н.А.Каржавин назвал Богословско-Петропавловской провинцией.

13 апреля 1932 года Петропавловской геологоразведочной партией Турьинской базы УралГРУ были начаты геологоразведочные работы на месторождении «Красная шапочка», а 3 декабря 1932 года Совет Труда и Оборона предложил приступить к строительству Уральского алюминиевого комбината, с которым были связаны первые шаги Северо-Уральских бокситовых рудников.

В середине 1933 года проектно-исследовательский отдел Свердловского горного института под руководством крупного горного ученого А.Д.Шевякова начал разрабатывать проект отработки Северо-Уральских бокситовых месторождений с годовой производительностью 300-350 тонн, а в 1934 году Надеждинским Бокситстроем был заложен первый карьер, который 16 октября выдал первые тонны боксита. Этот день и стал днем рождения СУБРа.

Глава 8. В мерзлый грунт встал корнями подрастающий завод...

Время набатом – БАЗ!

11 октября 1940 года стал поворотным днем в истории таежного поселка Турьинские Рудники. Именно этой датой помечено Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР о строительстве алюминиевого завода на Севере Урала на базе Северо-Уральских бокситовых рудников месторождения «Красная шапочка».

В развитие этого Постановления в октябре 1940 года Главалюминием была назначена комиссия по выбору площадки на Северном Урале для строительства завода. Обследовав район, прилегающий к рудной базе, изучив гидрологические, климатические и другие данные, комиссия представила на рассмотрение и утверждение следующие три площадки для строительства завода и ТЭЦ:

- в районе города Серова, у поселка Чеклецово;
- на реке Турья, у поселка Турьинские Рудники;
- на реке Вагран, вблизи поселка Даньша.

Из предложенных вариантов наиболее целесообразным был признан вариант площадки на реке Вагран, вблизи поселка Даньша.

Площадка у города Серова была отклонена сразу: как значительно удаленная от сырьевой и топливной баз. Площадка у поселка Турьинские Рудники, имевшая все необходимые технико-экономические данные для размещения завода и ТЭЦ, отклонялась из-за необеспеченности водой. Однако впоследствии, благодаря работнику института Гипроалюминий Т.А.Савранскому и инженеру П.К.Шергину, выполнившим дополнительные расчеты водопотребления и предложившим применить на заводе и ТЭЦ замкнутый цикл водооборота, решение о месте строительства было пересмотрено.

Протоколом №210 от 27 ноября 1940 года Главалюминием была утверждена площадка для строительства завода на реке Турья, вблизи поселка Турьинские Рудники и дано ему название – Богословский алюминиевый завод.

Строительство объектов завода было поручено Наркомату Внутренних дел. В апреле 1941 года на площадке будущего завода обосновалась первая строительная организация, которая получила название Базстрой НКВД. Возглавлял стройку первые

месяцы майор Государственной безопасности Тарасюк С.А., которого в ноябре 1941 года сменил бригадный инженер Б.К.Кронов.

Объект за колючей проволокой.

Наверное, не трудно предположить, что за люди должны были строить объект, находящийся под контролем НКВД. Жаль, что эту тему так неохотно изучают современные исследователи истории нашей Родины. А потому о тех временах достоверно можно судить только по свидетельствам оставшихся в живых очевидцев.

Их осталось среди нас совсем немного, тех, кто начинал строительство Богословского алюминиевого завода. На сегодняшний день умерли и те, кто успел рассказать правду о «героике рабочих буден» того времени. О двоих из них – наш рассказ. Интервью с нашим земляком Иоганном Гинтером было опубликовано в августе 1997 года в информационном выпуске Общества немцев Российской Федерации «Wiedergeburt» (г.Москва).

Доска снизу, доска сбоку, доска сверху.

Иоганн Гинтер: Это было под Смоленском, у Вязьмы. Я ранен был в левое плечо, ключевую кость. Меня отправили в Тамбов, в госпиталь. Там я лежал два месяца, потом мне дали отпуск на месяц. Поехал домой – я ведь не знал про этот приказ (Указ Президиума ВС СССР №21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». - Б.У.), а там уже никого не было... Я в военкомат....

Корреспондент: А домой – это куда?

И.Г.: В Поволжье – село Франк, Франкского кантона АССР НП (центр этого кантона находился в Гуссенбахе). Там в военкомате мне дали 21 рубль. А потом куда? Они ведь не знали, где наша семья. Я пошел в МВД. Там тоже точно не знали, но сказали: «Этот эшелон ушел в Тюмень». Я в Тюмень, опять в МВД. Они написали: село Успенка, около 50 километров от Тюмени. Я туда. Нашел семью, но пока я все это объехал, у меня отпуск уже заканчивался. Надо в госпиталь. В госпитале мне записали «негоден к строевой службе», и с этими документами я пошел в штаб. В штабе сказали: «В военкомат». Я – в военкомат. В военкомате сказали: «Иди домой, мы тебя вызовем». И через пару дней они забрали меня в трудармию.

Вот так я и попал сюда, в Краснотурьинск. Всех построили, выбрали помоложе. Я тоже был не старый. Так с тех пор и работал все время в лесу.

Кор.: А Вы не были на плотине в Краснотурьинске?

И.Г.: Плотину тоже строил. Я тогда первый год работал, возил туда камень, песок.

Кор.: Говорят, плотина-то на костях.

И.Г.: Там (усмехается) сколько камней, столько и людей. Там брат мой умер... Все было вручную. Камень и песок, что я туда доставлял, нужно было перевалить через кузов, а потом выбросить из кузова.

Кор.: Камни, наверное, дробили тоже вручную?

И.Г.: Вручную. Ни кранов не было, ни бульдозеров, ни экскаваторов – ничего. Там не только трудармейцы работали, но и заключенные. В карьере заключенные загружали машины, а трудармейцы разгружали их тут, на плотине...

Кор.: А умирали больше от голода?

И.Г.: Конечно, ведь давали одну баланду и 400 грамм хлеба. А тут такая тяжелая работа... Весь котлован под фундамент завода (Богословский алюминиевый завод –

Б.У.) – там глубина страшная – выкопан вручную, с лопатами и тачками... И зимой, и летом.

А если бригада норму не выполнила, тебя не пускали в зону. Правда, я-то по пропуску ходил. А те, что в бригадах, - они лежали по 2-3 часа на улице, пока мастер не попросит, чтобы их пропустили...

Кор.: В начале, пока еще были силы, работа, наверное, не казалась такой тяжелой?

И.Г.: Я сначала работал на заводе: ямы делал для столбов, ставил эти столбы. А потом меня взяли на ширококолейную линию, которая шла на 20 участок. Я работал там месяца два. 11 – это я еще помню – шпал надо было поменять за смену: это норма на одного человека. Вытащить, поставить, утрамбовать, костыли забить. Если ты норму не выполняешь, то получаешь 400 грамм хлеба, если даешь 100% - 800 грамм, а если больше 100% - кило двести. Очень тяжелая работа была. По 12 часов работали, а иной раз и больше... Если ты заболел, тебя все равно вытащат из зоны. Вроде как на работу, потому что у бригадира в плане столько-то человек, и нужно было, чтобы эта цифра была в наличии.

Кор.: Прямо-таки выносили из зоны?

И.Г.: Да. Скажем, в бригаде 20 человек, из них 5 заболело, но норму она должна была давать все равно за 20. Я в бригаде не работал, шоферил, мне было полегче. В целом я где-то 25 лет отработал на газогенераторной машине. Сейчас в этих машинах природный газ, а тогда их топили чурками... Я ведь еще дома работал шофером, перед армией.

Кор. Везде немцы погибали, но про эту плотину особенно много говорят.

И.Г.: Там и гибло больше... Здесь многое зависело от начальства зоны. Где-то считались с людьми, а вот на плотине - нет. Они очень плохо кормили людей... В 4-м отряде, где работал я, кормежка была получше. Хоть и баланда, но немножко густая, а им ведь совсем жидкую давали. Это очень большая разница. Если голод, то каждый кусочек чувствуешь.

Кор.: А как вообще смерть воспринималась, как хоронили?

И.Г.: Хоронили?!.. Одна доска снизу, одна сбоку и одна сверху! Я один раз видел, мимо проезжал: их целая машина была навалена, доверху... Одни ноги торчали... Голые, не одетые ни во что! Как куры!

Хоронили их на сорок втором. Это поселок так назывался около Краснотурьинска, где сейчас коттеджи новые. Прямо на захоронениях и стоят. Рассказывают, однажды тамошние пацаны выставили скелет на дорогу... Кладбища, как такового, не было. Там ни крестов, ничего не ставили. Ямы рыли – и всех туда, в общую могилу... Это то, что я видел. А где-то, может быть, и вовсе без досок, безо всего...

Кор.: За время трудармии через Базстрой прошла 21 тысяча российских немцев. Из них 9 с лишним тысяч погибли. Почти каждый второй...

И.Г.: Когда я приехал, здесь работали украинские немцы. Они уже были сильно ослаблены. Над ними очень издевались, они первые тут были... Потом им дали по небольшому пайку и погрузили в вагоны – они уже не могли работать, были слабосильные. Холодно, они голодные. Все съели, и пока до Свердловска доехали, в вагонах почти не было людей, все поумирили...

Заклученных лучше кормили. Я ведь ездил в те зоны, где они находились... 10 лет – это самое большее, что тогда давали. Я видел, как они лежали, - койки и все такое, что положено человеку. И в столовой они по три раза питались. Бывало продукты привозишь кому-то (это называлось «калым»), и они тебя кормят. У них было гораздо лучше, чем у трудармейцев.

А нам ничего не давали. Вместо кроватей – доски. Дед жены, он был в Омске, еще худшее рассказывал. У них даже досок не было: просто круглые бревнышки положат – на этом и лежали. Ни матраса, ничего...

У нас был один трудармеец, которого уже отнесли туда, где мертвецы лежали. Похоронить хотели, а там было очень холодно, и он очнулся. Он потом еще тут жил, в Сосновке.

Кор.: Лютеранский пастор из Челябинска рассказывал, что вначале умирали самые здоровые мужики, те, кто был выше ростом...

И.Г.: Первыми умирали люди, которые раньше физически много не работали, и те, что сильно курили... Если человек курил, он свой хлеб – 200 грамм – на папиросы менял. Значит, вечером, если ему давали 600, оставалось 400. Это курение многих унесло... Когда сильно хочешь есть, то кажется, что курево помогает. Но это не поможет...

Кор.: Откуда табак-то был?

И.Г.: Некоторые получали посылки с табаком. Вот они и продавали.

Кор.: Немцы получали посылки?

И.Г.: Да, кое-кто получал, а другие нет... Тут некоторые, даже получая посылки, все равно умерли... Специально отправляли людей собирать посылки к тем, кто мог хоть что-то своим передать, и везли сюда... Я только один раз получил.

Кор.: Я однажды слышал о таком. Правда, рассказчица ничего не получила: ее родители уже погибли, оставалась одна тетка с малолетними детьми, собранными со всей родни, и ей нечего было дать...

И.Г.: Это вообще все очень страшно было... Сперва выселили, потом меня и жену взяли в трудармию. Дети без родителей остались. У нас два мальчика с голоду померли... Только старший, Витя выжил. Ему было лет пять, и он попал в детдом. А эти умерли... Они маленькие были, у жены не было еды и... Молока нет, одежды нет, ничего нет, вот они и умерли.

Кор.: Еще до того, как ее забрали в трудармию?

И.Г.: Перед трудармией... Один был грудной, другой немного моложе Вити, на год. Э-э-х...

Кор.: А жену в каком году забрали?

И.Г.: Меня взяли в феврале 42-го, ее в 43-м, а в 46 отпустили. Она была в Кемеровской области, город Прокопьевск. На глубине 200 метров в шахте работала...

Некоторые писали, что женщины у нас не были в трудармии. Все это обман!..

Она хлопотала за старшего, но ее долго не хотели отпускать. Потом с большим трудом отпустили. Она приехала сюда, а затем поехала за сыном. У меня сестра была слепая, ее тоже привезли к нам...

Кор.: А сын где в детдоме находился?

И.Г.: Я уже не помню названия этого села... Там польские дети были. Он по-польски разговаривал, когда вернулся.

Кор.: А по-немецки?

И.Г.: По-немецки не знал. Он по-польски и по-русски. Потом он уже у нас учился – мы дома разговаривали только по-немецки... Когда она поехала за ним, возникла проблема с деньгами. Трудармейцы ведь должны были платить за квартиру, за свет, за одежду, если ты ее брал... И на руки почти ничего не оставалось.

Кор.: В 46-м вы уже могли снимать квартиры?

И.Г.: Здесь были бараки. Если ты в бараке живешь, то должен платить за это. За одежду, за баланду, за свет – все высчитывали, а тебе только 50% платили. Если ты 5 рублей заработал, значит получал всего два пятьдесят...

Кор.: А когда начали платить? Уже после войны?

И.Г.: Да... И, конечно, никаких отпусков у нас не было. А потом – вычеты за Красный крест, за Фонд обороны, за облигации... Это все надо было заработать. А денег ты сам почти и не получал.

Кор.: Имеется телеграмма Сталина, в которой он благодарил немцев-трудармейцев Баззроя за то, что они сдавали деньги в помощь фронту...

И.Г.: Да, там все люди сдавали.

Кор.: А как это происходило?

И.Г.: Приходят и говорят: «Подпиши вот за облигации, или за Фонд обороны, или за Красный крест». Ты подписываешься – и все... Мы даже не видели этих денег, их высчитывал из зарплаты бухгалтер.

Кор.: А если не...

И.Г.: Тебя заставят. Тут один на облигации не хотел подписывать. Цеслер, он со мной работал на трелевочном тракторе. А позднее трудился один – ночью, в две смены – и зарабатывал по 6 тысяч рублей. К нему пришли и говорят: «Подпишись!». Он не стал. Его забрали туда, в трест Базстрой... Вернулся и говорит: «Если придут, скажут: подпишись – подпиши сразу». Его так обзывали там, страшное дело! Что он против Советской власти и всякое такое, как тогда делали. Он говорит: «Это неправильно, я же в две смены работал!». Все забрали. Но это уже было привычно. Когда нас выгоняли из дома, там все оставалось – хозяйство, огороды... Их надо было выкопать, - а тут люди потом с голоду умирали... Да и сейчас так же. 10 тысяч в сберкассе лежали – пропало. 10 тысяч старыми деньгами – это как 100 миллионов по этим нынешним. Мне не надо было бы и этой пенсии. Все – никогда их не получишь! Вот так... Сколько живу – все только обман и обман!

Кор.: Скажите, а какое там настроение было – всегда мрачное или шутили хоть иногда?

И.Г.: В трудармии? Веселыми мы были только тут, в 20-м поселке. Клуб был, танцевали... Женщин не было, только мужчины с мужчинами...

Кор.: Это после войны. А когда плотину строили?

И.Г.: На плотине клуба не было...

Кор.: Всегда в подавленном состоянии были?

И.Г. Конечно!

Кор.: И никто не шутил?

И.Г.: Нет... Даже не разговаривали.

Кор.: Не разговаривали друг с другом?!

И.Г.: Нет. Одни команды были – вот и все. А ты не имеешь никаких прав... Чего там разговаривать? Если не пойдешь работать – в изолятор! Я один раз там был, когда мой брат в изоляторе находился. Там... там... плохо было... В изоляторе людей всегда обманывали. Им даже тот хлеб, который положен был, туда не носили. Те, кто в изолятор попадал, в большинстве своем не выдерживали. А кто оттуда выходил, потом все равно умирал... Лежали на досках, холод... Железные стены, железные двери...

Кор.: А навещать можно было?

И.Г.: Да, если у тебя пропуск есть... А если он в одной зоне, а ты в другой, то тебя просто в ту зону не пустят. Я в 14-й зоне был, а брат в 3-й... Выключай, я устал...

Что было, то было.

А какой яркой и горькой исповедью звучат оставленные на память своим землякам-краснотурьинцам воспоминания известного в городе специалиста-электронщика (он был основателем городского радиоклуба, руководил строительством первого централизованного приемника телепередач, сконструировал оригинальную систему новогодней иллюминации на центральной площади города, был многие годы руководителем цеха связи БАЗа) Анатолия Павловича Анфалова.

Ему было 80 лет, когда он признался, что пишет воспоминания. Он сетовал на то, что не хватает времени, что мешает болезнь. Он умер... Но его мемуары (хотя он их

назвал просто “записями”, потому что считал, что он не “великий человек” и с “великими в жизни не встречался”, а значит, “мемуары писать нет смысла”) каким-то образом попали в Интернет и неизменно будоражат сознание всех тех, кто на них натывается.

“Однажды нас привели в баню. Баня была довольно просторная. Шайки. Холодная и горячая вода, но ни кусочка мыла. Тут начали по одному вызывать в какую-то соседнюю комнату. Дошла очередь до меня. Мужчина в форме НКВД. “Анфалов?”. “Да”. “Вы осуждены особым совещанием НКВД по статье 58-б на срок 10 лет. Распишитесь!”.

Вот так! Не в суде, не в каком-либо другом юридическом учреждении, а в бане я выслушал свой приговор. И с тех пор при всяких проверках, переключках тысячи раз стал повторять один и тот же стандартный диалог: “Анфалов!”. “Я”. “Имя?”. “Анатолий”. “Отчество?”. “Павлович”. “Год рождения?”. “Восемнадцатый”. “Статья?”. “58-б”. “Срок?”. “10 лет”. “Проходи!”.

Главное, что запомнилось из того времени – это постоянное чувство голода. Из последних сил сделать на повале “кубики”, чтобы получить 900 г. Несколько становилось легче весной, когда начинали распускаться деревья. Я не знаю, сколько я поелт молоденьких березовых листочков, каких-то кислых стеблей трав, сосновых почек. Хоть чем-то набивался живот. Сколько нас умерло от расстройств пищеварения и отравлений. Меня спасло, я думаю, одно. Я, как химик, знал о свойствах угля поглощать вредные вещества. И я на повале всегда грыз угольки из костра. Хотя стул после этого был страшный, но я упорно грыз угли. Считаю, что это меня и спасло.

В промежутках между страшными годами работы на лесоповале в Ивдельской тайге пришлось мне поработать и на лесосплаве. Нашу бригаду с конвоирами отправили на реку Талицу (приток реки Лозьва). Однажды на нашем участке начал создаваться затор. Чтобы его устранить, надо было по плывущим бревнам пройти на середину сплава и выдернуть застрявшее. И вдруг поток двинулся. Все успели спрыгнуть на берег, а я не успел. Я пал на живот и меня понесло на бревнах вниз по течению. Под животом у меня ходуном ходили бревна и я боялся только одного, чтобы ноги или руки не попали между бревнами. Когда бревна приблизились к берегу, я умудрился соскочить в ледяную воду и выбраться на берег. Слава Богу, уцелел.

18 мая 1941 года я оказался в Богословлаге. Позже я узнал, что к тому времени как меня туда привезли, вновь недавно организованный Богословлаг уже состоял из четырех ОЛПов (ОЛП – отдельный лагерный пункт) Зоны уже были обустроены: бараки, столовая и т.д. Так что, видимо, лагерь был основан где-то в 39-40 годы. В каждом ОЛП было не менее 1000 человек.

...Недалеко от ОЛПов в широкой долине внизу протекала небольшая речушка Турья. А вокруг расстилался сосновый лес. Мы вырубали этот лес. Как потом оказалось, это была очистка дна будущего пруда.

...Меня сейчас удивляет то, что я ничего не знал о вольнонаемных начальниках лагеря. Кто был начальником Сельхоза, куда я попал в конце сентября 41 года? Слышал, что это был какой-то высокий чин, разжалованный из ГУЛАГа.

А между тем Сельхоз все разрастался. Шел сплошной лесоповал под будущие поля. Были построены в зоне четвертый и пятый бараки, большая столовая с кухней., баня с прачечной. Этапы все прибывали и прибывали. Особенно мне запомнился этап из Сегежского лагеря (Карело-финская АССР). Там были люди, посаженные еще до 37 года, даже отбывавшие сроки в Соловках (агрономы Эюе, Унковский).

...С прибытием трудармейцев совершенно изменился режим в лагере. Они поселились в тех же бараках, где жили раньше заключенные. Они были разбиты, как и мы, на бригады, появились свои бригадиры, нарядчики и т.д. В основном

трудармейцы были из республики немцев Поволжья и из Сибири (некоторые из Поволжья были вначале выселены в Сибирь).

Среди превых трудармейцев на Сельхозе мне запомнились: Вайлерт – бывший председатель СНК республики немцев Поволжья, высокий, красивый детина, который стал хлеборезом в каптерке; Майер – бывший министр финансов РНП, который стал нарядчиком; Кормбахер – бывший 3-й секретарь компартии РНП (он стал бригадиром 3-й бригады). Все они вскоре исчезли из лагеря и судьба мне их неизвестна.

...Со временем на Сельхозе засеивались на полях десятки, а потом и сотни гектаров картофеля, капусты, моркови, брюквы, репы, редьки и других клътур. Возрастала потребность в рабочей силе. И тогда на Сельхоз направляли этапы с других ОЛПов лагер. Но что это были за люди?

На других ОЛПах устраивались медицинские “комиссовки” и отбирали самых слабых и больных. Они не то что могли выполнить норму, а иной раз ппросто еле ползали по грядкам. На полях во время работы они поедали прореженную морковь, листья капусты, репру, турнепс...Многие ели просто ботву – для них все заканчивалось печально: расстройство пищеварения и конец...

К этому времени сложилось руководство Сельхоза, которое потом долго не менялось. Старшим агрономом был Барковский Алесандр Авксентьевич (з/к. – ст.58), агрономы Шамнэ, Брезе Виктор, Муль, Бахман (старший), Штрейс, Петренко Вася (з/к –ст.58), старший зоотехник Бахман (младший), зоотехник Беккер, старший механик Финк Федя, ветеринарный врач Утякаев Мисбах (з/к – ст.58), старший бухгалтер Гельмут Александр Яковлевич, бухгалтера Юрк, Герлейн Давид Иванович, Гофман Андрей”.

Исправление? Трудом?

В начале 1942 года, то есть в тот момент, когда Верховный Главнокомандующий «Всея Руси» начал потихоньку приходить в себя от психоза, граничащего с безумием, Наркомат Внутренних Дел СССР принял решение о создании в областях, куда эвакуировались крупные предприятия оборонных отраслей, Управлений исправительно-трудовых лагерей. Было создано такое Управление и на базе Отдела исправительно-трудовых колоний в Свердловской области.

Исправительно-трудовые лагеря...С каким вызывающе нескрываемым цинизмом назвали свое изобретение люди с «чистыми руками, горячим сердцем, холодной головой»? И первыми субъектами, коих они тут же принялись «исправлять» были, конечно же, политзаключенные.

Первым начальником Управления ИТЛК стал лейтенант госбезопасности Федосеев С.П.. Штатное расписание личного состава Управления было утверждено начальником УНКВД Свердловской области майором госбезопасности Борщовым. По состоянию на 1 мая 1942 года в его структуру были включены 7 отделов, 3 группы, 3 отделения. Всего в штат было введено 78 единиц личного состава. С 1 сентября этого же года приказом НКВД СССР был утвержден штат политотдела УИТДЛК УНКВД Свердловской области в количестве 7 человек. Начальником политотдела был назначен старший лейтенант Сажин И.Н.. В состав Управления ИТЛК первоначально входили следующие подразделения:

- Промколония №1 (г.Свердловск),
- Промколония №2 (г.Нижняя Тура),
- Лагерное отделение №1 в г.Свердловске с шестью лагпунктами,
- Лагерное отделение №2 в г.Тавде,
- Лагерное отделение №3 в г.Ирбите,

- Лагерное отделение №4 в п.Лобва,
- Северо-Уральское лагерное отделение.

Кроме них, в состав УИТЛК входили Тагиллаг, Богословлаг, более 16 исправительно-трудовых колоний массовых работ, Детприемник №1 (г.Свердловск-Сортировочный), Верхотурская и Камышловская колонии для несовершеннолетних, Дом младенца при промколонии №1 (г.Свердловск). Позднее в Управление вошли Баженовский ИТЛ, Ивдельлаг, Тавдалаг, Ураллаг (Уралзолото), Восточно-Уральское отделение, Следственные изоляторы №1,2,3,4.

По состоянию на 1 января 1941 года в нашей области числились в списках заключенных 29402 человека. К 1 июля 1946 года их уже было 54422 человека. Из них в Тагиллаге отбывали наказание 16327 человек, в Богословлаге – 8641 человек.

В г.Нижнем Тагиле осужденные работали на строительстве Нижнетагильского металлургического комбината, в г.Североуральске – на бокситовых рудниках, в г.Асбесте – на строительстве обогатительных фабрик, в г. Свердловске – на строительстве завода РТИ и других объектах. В нашем городе заключенные строили объекты БАЗа.

Судьба Богословлага в дальнейшем сложилась так: в августе 1946г. лагерь отошел от треста «Базстрой» и стал называться «Богословский лагерь НКВД». В июне 1953г. на месте пос.М.Лимка была образована зона, которую назвали «Красный Лаг, отделение №3». В 1958г. эта зона была расформирована на три колонии: Колония №3 (общего режима), колония №4 (строгого режима), колония №11 (женская колония). В 1965г. колония №3 стала колонией строгого режима.

Сороковые – пороховые...

Внезапное нападение фашисткой Германии и ее союзников на нашу страну прервало мирный труд советского народа. Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война внесла в жизнь Советского государства коренные изменения. Это сказалось на сроках, методах и технологии строительства Богословского алюминиевого завода

Неблагоприятно сложившаяся для нашей страны обстановка на фронтах в первые месяцы войны создала угрозу захвата промышленных районов Северо-Запада и Юга страны.

Под угрозой захвата противником оказались Тихвинский глиноземный, Волховский и Днепропетровский алюминиевые заводы. Правительство принимает решение об эвакуации этих заводов на Урал и использовании эвакуированного оборудования на строительстве Богословского алюминиевого завода.

В крайне сложной обстановке проводился демонтаж оборудования этих заводов. В условиях близости фронта, непрекращающихся налетов и частых бомбардировок вражеской авиации, в сжатые сроки рабочие и ИТР выполнили свой патриотический долг. Основное оборудование Волховского, Тихвинского и Днепропетровского заводов было демонтировано, погружено в железнодорожные вагоны и в сопровождении специалистов этих заводов направлено на Урал.

Военная обстановка требовала внесения изменений в проект завода и сроки его строительства. Учитывая, что оборудование на площадку БАЗа поступало с эвакуированных заводов, работавших по способу спекания, приказом Наркома цветной металлургии от 27 сентября 1941 года была пересмотрена мощность завода в сторону увеличения и изменена аппаратурно-технологическая схема производства глинозема – вместо способа Байера был принят способ спекания. Сокращены были и сроки проектирования, и сроки строительства.

Строительство завода по новому проекту практически началось уже в декабре 1941 года – январе 1942 года. К этому времени были сформированы строительные участки и управления. Организовывались карьеры местных строительных материалов, создавались предприятия по производству кирпича, шлакоблоков, извести. Был открыт участок по заготовке леса. Парообеспечение строительной площадки и подсобных предприятий решалось простейшими доступными техническими средствами, вплоть до использования паровозных котлов. Электроэнергией строительную площадку обеспечивала Серовская электростанция. Ее только-только хватало строителям, а поселок жил без электричества.

Строительство завода началось с объектов глиноземного цеха. Одновременно закладывались склад бокситов (с дроблением), отделений подготовки шихты, спекания, выщелачивания, карбонизации и кальцинации. Были начаты работы по строительству железнодорожных путей, ремонтно-механических мастерских и временной электростанции. Причем строительство вспомогательных цехов велось с опережением темпов основного строительства, так как их ввод улучшал положение дел на старейке со снабжением электроэнергией, ремонтом техники, изготовлением нестандартного оборудования. Новые железнодорожные пути повышали маневренность в обеспечении стройки материалами. И только на строительство жилья не было ни времени, ни материалов. Все прибывшие на стройку люди были размещены в частных домах (как тогда говорили – в порядке уплотнения), в бараках и палаточном городке (это в нашем-то северном городе!).

Из специалистов, прибывших в 1941 году с эвакуированных алюминиевых заводов долгое время работали на БАЗе В.С.Мийченко, Е.М.Вахтин, П.И.Швачко, С.Н.Левандо, М.Д.Степаненко, Р.Р.Кролик, Р.К.Бруг, О.Н.Захаржевский, М.С.Попов и другие. В августе 1942 года, после окончания Северо-Кавказского горно-металлургического института (г.Орджоникидзе) на строительство завода прибыли молодые специалисты, впоследствии составившие костяк специалистов глиноземного и электролизного цехов и в целом завода. Среди этих специалистов были В.С.Киселев, Л.А.Щербань, А.И.Шилкина, Б.Б.Ливер, Б.С.Сухомлинов, И.Д.Тур, М.А.Орехов, М.Т.Сухомлинова, В.А.Пашкова, М.Н.Ковтун, Н.Г.Леонидова, Т.М.Кирпичникова, Л.И.Агасиев, Р.А.Давидянц, М.К.Дзабаев.

Со строительством завода потихоньку начал расти и поселок. Появились жилые дома, детские сады и ясли, больницы. Правда, это были пока временные сооружения барачного типа. Но уже на ватмане вырисовывались контуры будущего города.

В апреле 1943 года, в основном, было закончено строительство временной электростанции с установкой в ней двух котлов и одного турбогенератора. Она начала давать пар и электроэнергию. Готовился к пуску глиноземный цех. Его возглавлял опытный инженер Георгий Иванович Бехтев. Хотя большинство отделений не имело ни стен, ни крыш, в апреле была приготовлена пульпа (шихта) в отделении приготовления шихты. 8 мая 1943 года была подана первая шихта в печь спекания, начали запускаться и последующие технологические переделы цеха. В июне 1943 года были получены первые десятки тонн гидрата окиси алюминия. В мае 1943 года был достроен и сдан в эксплуатацию ремонтно-механический цех, которым руководил в то время Борис Федорович Ступак. В этом же 1943 году началось строительство электролизного цеха.

Стройка велась высокими темпами. Даже хроническая нехватка заложенных проектом материалов не останавливала работ. Проектировщики, жившие здесь же, рядом со строительной площадкой, смело шли на замену фондируемых материалов на местные, уравнивая определенную степень риска глубоко выверенными расчетами. Большинство сооружений (даже несущие конструкции) были выполнены из дерева.

Однако трудностей хватало с избытком. Постоянно выходили из строя временная электростанция и только-только сданная в эксплуатацию первая очередь ТЭЦ. А главное, чувствовалась нехватка подготовленных кадров рабочих и ИТР. Обучение шло по ходу работы, на месте строительства объектов завода. Первыми преподавателями специальных курсов были Р.А.Давидянц, Р.К.Бруг, М.Н.Ковтун и другие. Учащиеся (а ими были местная молодежь и молодые трудармейцы) половину смены работали на строительстве, а потом, после обеда, садились за парты и изучали новую для себя науку – технологию производства глинозема и алюминия.

После изучения теоретической части будущие рабочие глиноземного и электролизного цехов выезжали на практику на Уральский алюминиевый завод. После такой подготовки молодые люди становились основными работниками, настоящими специалистами своего дела.

Начиная с июня 1943 года, глиноземный цех стал действующим. Несмотря на частые аварийные отключения временной электростанции и перебои в снабжении содой, продолжался рост выпуска гидрата. В августе его было выпущено 596 тонн, в сентябре 748, а в октябре 1055 тонн. Склада гидрата не было и он складировался вдоль железнодорожных путей под строящейся печью кальцинации.

В марте 1944 года был закончен монтаж печи кальцинации, а 17 апреля – выдан первый глинозем. Прокальщиком на печи был Виталий Кузьмич Гончаров (впоследствии – начальник ПТО завода). За 12-ти часовую смену было получено 6 тонн глинозема. И хотя это было значительно меньше сегодняшней даже часовой производительности, для того времени это была очередная трудовая победа. Начальником глиноземного цеха стал Олег Николаевич Захаржевский, проработавший в этой должности до октября 1948 года.

Стройка остро нуждалась в людях. И численность трудящихся неуклонно росла. Не надо напрягать воображение, чтобы понять, откуда в те военные годы бралась рабочая сила. В 1944 году в тресте Базстрой и его подрядных организациях работало более 10 тысяч человек. Неуклонно увеличивалась и численность эксплуатационников – начали работать цехи завода. Строились жилые дома и объекты соцкультбыта. Дома барачного типа строились в основном из дерева. В шестидесятые годы, в пору массовой застройки Заречного района города были снесены последние из оставшихся с тех времен бараков. А в 1941 году 1216 кв. м барачного жилья были счастливым подарком для многих десятков рабочих семей. В 1941 году началась застройка улицы Metallургов 2-х этажными кирпичными домиками. В том году было сдано 2452 кв. м, в 1943 году – 2783 кв. м, в 1944 году – 6241 кв. м

В канун Октябрьских праздников 1944 года строители сдали первую в городе двухэтажную школу.

И наступил тот день – 27 ноября 1944 года, когда Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ, в котором говорилось: «Выделить рабочий поселок Турьинские рудники из состава пригородной зоны г.Карпинска Свердловской области и преобразовать его в город областного подчинения, присвоив наименование – Краснотурьинск». Так со строительством Богословского алюминиевого завода на реке Турья появился новый уральский город.

Конечно же, смена статуса таежного поселка была не просто сменой вывесок и названий. Это был важный организационный шаг. Это была заявка на качественно новую ступень градостроительства.

У нового города и его градообразующего предприятия – Богословского алюминиевого завода в том далеком 1944 году все еще было впереди: и уникальный архитектурный проект, выполненный ленинградскими специалистами, и бурное строительство в 50-е, 60-е, 70-е годы, и выпуск первого алюминия, и награждение завода орденом Ленина.

У нашего города большая и славная история, в которую яркими нитями вплетены судьбы его жителей. История громких трудовых побед. История созидания, становления, поиска. История трудовых буден. История непростых человеческих судеб.

Часть 2. Мой северный город

Глава 1. Дни и ночи службу трудную несли – этот день мы приближали, как могли.

К концу 1944 года, хотя глиноземный цех уже работал и выдавал гидрат, а электролизный цех готовился к выливке первого металла, обстановка в целом на заводе была напряженной. В основных цехах не было складов для материалов и погрузочно-разгрузочных механизмов. И основные, и вспомогательные, и строительные материалы складировались навалом у железнодорожных путей. Погрузка-разгрузка производилась вручную. Можно себе представить, что там творилось ... Ремонтно-механический цех имел 10 станков и две вагранки, кузнечные работы велись вручную (только в апреле 1944 года появился в цехе 500-килограммовый молот). Ремонтно-строительный участок располагался в сарае и имел одну циркульную пилу и 10 верстаков. Железнодорожный цех имел два паровоза и 14 думпкар. Ни депо, ни мастерских не было.

И в таких условиях 29 апреля 1945 года были подключены на обжиг 30 электролизеров первой серии электролизного цеха. Это были ванны, привезенные с Днепропетровского алюминиевого завода вместе с подинами. Причем 12 ванн были пущены со старой футеровкой, на 36 ваннах частично заменены отдельные секции, а остальные зафутерованы вновь. Практически все они сразу же после пуска начали выходить из строя как раз из-за низкого качества футеровки.

С 4 по 6 мая эти 30 ванн были пущены. Этот исторический пуск первых ванн выполняли мастер смены И.С.Арапов, бригадир электролизников И.Д.Белецкий, под руководством главного металлурга завода Л.Ф.Киселевского – все они прибыли с соседнего, уже вставшего на ноги – Уральского алюминиевого завода. Анодным хозяйством первой серии руководил мастер Н.Ф.Ещенко, также с УАЗа. Общее руководство пуском возглавлял начальник серии Максим Семенович Попов. Этот опытейший электролизник успел не только поработать на первенцах советской алюминиевой промышленности – Ленинградском опытном и Волховском алюминиевом заводах, но и побывать на фронте Великой Отечественной войны (где он получил ранение, после которого и был направлен на Урал).

Трое суток работали электролизеры, нарабатывая металл. По графику, составленному начальником электролизного цеха Г.А.Ивановым, выливка металла из первых ванн приходилась на первую смену 9 мая 1945 года. Знал ли этот скромный инженер, что дата выливка первого БАЗовского алюминия придется на дату окончания войны? Конечно же, нет. Как и большинство советских людей, он узнал о подписании акта капитуляции фашистской Германии и установлении праздника Победы по радио утром 9 мая. И, тем не менее, день рождения первого алюминия, ставший замечательной вехой в истории Богословского алюминиевого завода, совпал с праздником Великой Победы. И кто знает, не это ли – один из знаков благоволения Высших Сил Природы к нашему заводу.

Выливку производила комсомольско-молодежная бригада И.Д.Белецкого, точно по графику – в 4 часа местного времени. Тут же в южном торце первого корпуса металл был разлит на чушки.

А утренняя смена принесла долгожданную весть о Победе. Здесь же, в торце первого корпуса, где разливался первый алюминий, был организован митинг. Все выступавшие и присутствующие на митинге с большим душевным волнением поздравляли друг друга, принимали обязательства трудиться, не жалея сил, для быстрого решения поставленных задач.

Год Великой Победы внес в жизнь нашего города заметное оживление во всех сферах его деятельности. Вот только несколько фактов, предоставленных СМИ сотрудником городского краеведческого музея Сергеем Грибакиным:

«3-4 февраля 1945 года. 116 делегатов партийной конференции избрали первый состав ГК ВКП(б). Первым секретарем горкома был избран Ф.И. Свиридов. Не замедлили и с формированием городских отделов милиции, образования, здравоохранения, культуры, прокуратуры и народного суда.

Февраль 1945 года. старые названия и нумерация меняются на новые. Так, Турьинская средняя школа №9 стала Краснотурьинской №1, Базстроевская средняя школа №8 – школой №2 имени А.С. Попова, Рудничная средняя школа №15 получила номер 3. А всего было в новом городе 14 школ (3 средние, две неполные средние и девять начальных). Молодые рабочие учились в Базстроевской и Рудничной ШРМ. До трехсот квалифицированных рабочих выпускали две школы ФЗО. В июне 1945 года был создан индустриальный техникум.

5 марта исполком принял решение об организации горпромкомбината. В то время товары народного потребления изготовляли промышленные предприятия. БРУ выпускало железные кружки, судки, шкафы, вилы, Турьинское рудоуправление – корыта, кадки, деготь, скипидар, ЮЗПУ – лапти, мочалки, бочкотару, БАЗ – мыло.

27 апреля 1945 года вышел в свет первый номер газеты «Заря Урала» - органа горкома ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся».

Да, дыхание Победы было все ощутимей. В середине марта 1945 года по городу пошел первый общественный автобус. И хотя его маршрут был весьма короток (от завода до центра города, которым в то время был район сегодняшнего городского рынка), для горожан это событие стало событием, указывающим на приближение больших перемен. Резкими темпами растет строительство жилья. Уже в первом послевоенном 1946 году строители сдали 21 000 кв. м, в 1947 году – 31 000 кв.м, а в 1949 году – 33 336 кв м.

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...

С окончанием войны генеральный подрядчик строительства завода – трест Базстрой НКВД – реорганизуется в строительный-монтажный трест Базстрой Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии. Трудармия формально ликвидируется, но спецкомендатуры еще сохраняются для перемещенных лиц немецкой национальности.

В 1945 году управляющим трестом Базстрой назначается работавший в военные годы в этом тресте в качестве начальника автотранспортной конторы Павел Дмитриевич Гиренко, главным инженером – Михаил Давидович Монастырский. Оба эти руководителя много сделали для усиления треста и развития завода в военное время и особенно в послевоенный период. Большой вклад в строительство завода

внесли Георгий Осипович Шкадинский и Исаак Натанович Штеренгард, возглавлявшие строительное управление Промстрой. Все технологическое оборудование глиноземного цеха (с начала строительства и до последних дней) монтировало Управление треста Востокметаллургмонтаж под руководством опытного инженера, до войны работавшего на Тихвинском глиноземном заводе, Александра Михайловича Петухова. Монтаж стальных конструкций зданий, изготовление крупных металлических сосудов и декомпозеров выполняло Краснотурьинское СМУ треста Уралстальконструкция, длительное время которым руководил Феофил Поликарпович Крупский.

Освоение мощностей завода велось одновременно с окончанием строительства. Но в 1945 году после пуска первой серии электролиза начался период аварийных остановок цехов.

15 мая вышел из строя один из двух, введенных в работу, мотогенератор. Пущенные 30 ванн работали до 21 мая на половинной нагрузке по току. В ваннах образовывались осадки, настыли. Уровни электролита вымерзли. Затем начались аварии на ТЭЦ. Ограничения по току были длительными и глубокими, так что к октябрю было пущено только 56 ванн.

С октября положение еще более ухудшилось. В ноябре все ванны несколько раз отключались, замораживались, снова пускались, а в декабре положение стало просто катастрофическим. По существу цех, стоял.

В то время директор завода Семен Иванович Гуркин и начальник электролизного цеха Георгий Иванович Иванов приняли решение отключить часть ванн. 20 декабря были отключены 16 ванн, а 27 декабря еще 20 ванн, на оставшихся 20 ваннах сила тока поддерживалась в нужном режиме.

В 1946 году был введен в работу новый котел на ТЭЦ и два мотор-генератора на преобразовательной подстанции. Но положение дел от этого почти не улучшилось. Удалось разморозить только 36 старых ванн и пустить ванны первой серии. Ограничения по току продолжались весь год. Нормальную нагрузку цех имел в суммарном выражении только полгода. Люди работали с максимальной отдачей сил. Начался повторный выход ванн из строя. Причем, требовался ремонт не только подин, но и корпусов ванн. Участок капитального ремонта возглавляла в то время опытный инженер Мария Никифоровна Ковтун. Сколько же нужно было иметь мужества, чтобы взвалить на себя ношу, которую отважился бы взвалить не всякий мужчина. В условиях плохо налаженного материально-технического обеспечения участок ремонтировал по 13 ванн в месяц. За год было отремонтировано почти 70 процентов действующих ванн.

В глиноземном цехе началом освоения проектной мощности можно считать апрель 1944 года. Но по ряду причин это освоение растянулось на несколько лет. Во втором и третьем квартале 1945 года возникли трудности со сбытом глинозема. Электролизный цех работал неудовлетворительно, отгрузка глинозема на другие заводы не была организована, и это сдерживало выпуск глинозема и гидрата. В 1946 – 1948 годах имели место длительные перебои со снабжением содой. Частые отключения электроэнергии и пара из-за аварий на ТЭЦ вызывали длительные остановки всего цеха. Только в 1949 году глиноземный цех заработал ритмично и вышел на мощность, превышающую проектную на 12 процентов. 1949 год стал переломным, наверное, потому, что были созданы к тому времени резервные энергетические мощности, укомплектованы опытными кадрами ТЭЦ и преобразовательная подстанция. Директором ТЭЦ был назначен видный специалист, энергичный инженер Георгий Алексеевич Зубков. Он при помощи директора завода М.К.Рюмина направил усилия на создание собственной ремонтной базы. Была построена солидная мастерская, названная Краснотурьинскими энергоремонтными мастерскими (КЭРМ).

За 1949 год на ТЭЦ было зарегистрировано уже только 8 аварий. Обеспечение завода и, в первую очередь, электролизного цеха электроэнергией стало более ровным и устойчивым. Сила тока за год была выдержана выше плановой.

Преимственность поколений

Наверное, настало время рассказать (хотя бы очень кратко) о славной истории нашей именитой Богословской ТЭЦ (Богословке, как ее любовно называют ветераны-энергетики). 28 сентября 2009 года отметившая свое 65-летие ТЭЦ прошла большой и славный путь, став современным предприятием, одним из стабильных и передовых в системе Свердловэнерго. Ее летоисчисление идет от даты пуска первого турбогенератора.

Вот рассказ Елены Николаевны Островерховой, ветерана труда БТЭЦ, о тех днях: «Я пришла работать на временную электростанцию в 1946 год. Начальником станции был Арсений Николаевич Попов, человек строгий и требовательный. На ВЭС всегда была железная дисциплина. А между тем, труд был здесь весь ручной. Вагонетку с углем тащила вверх лошадка, а наверху уголь разгружали вручную и таким же образом загружали котел».

Первую турбину пускал Виктор Николаевич Романович: «Есть такое понятие: критические обороты. Их нужно удержать при регулировании и подключении. Волновались все, кто был у турбины и на главном щите управления. Получилось не сразу. И вдруг – толчок, вращение, стрелка поднялась вверх. Турбина заработала. Сколько было радости, ликования! Этой минуты ждали сотни людей».

Салихов Хасан, который топил первый котел, тоже с волнением вспоминает те дни: «Я работал щитовым кочегаром. Связь между мной, помощником и дежурным дымососа осуществлялась через переговорную трубу. Зачастую не понимали друг друга. Бегали вверх и вниз. А для того, чтобы растопить котел, приходилось вручную через люки холодной воронки заносить 12-16 кубометров дров, складывать в штабеля, обливать мазутом и поджигать. Работали без выходовных, иногда сутками не оставляя станцию при жесткой дисциплине военного времени».

В 1955 году происходит отделение станции от БАЗа. БТЭЦ переходит в систему Свердловэнерго. В это время руководят станцией Федор Павлович Баран (директор) и ков Петрович Кравченко (главный инженер). Председателем завкома была Мария Ивановна Жгун, а неосвобожденным секретарем комсомольской организации Анатолий Александрович Овчинников, стаж которого впоследствии на БТЭЦ будет исчисляться 38 годами, 23 из которых он проработает в должности начальника цеха топливоподачи.

В 1956 году был пущен в эксплуатацию последний по счету котлоагрегат №12, а в 1960 году – последний по счету турбогенератор №9. Начало 80-х годов вошло в историю станции, как начало работ по газификации. Над разработкой схемы газификации работали ИТР под руководством главного инженера Петра Михайловича Тучковского.

Можно долго и подробно рассказывать о становлении Богословки. Но, думается, землякам будет более интересен перечень тех знаменитых имен и фамилий, которые были на слуху все годы славного существования БТЭЦ.

В 1950 году начал свой трудовой путь на Богословке Вадим Андреевич Петунин, где он и проработал почти полвека. Занимал должность начальника цеха, избирался председателем профкома. Почти 30 лет (!) работал заместителем директора. Со станцией связали свои судьбы его сын, сноха, зять и внучка.

Известна на БТЭЦ династия Викуловых.

Александр Георгиевич Викулов (работал старшим машинистом котла) начал трудовой путь с 1945 года, награжден орденом Трудового Красного Знамени, заслуженный работник Минтопэнерго.

Его двоюродный брат Станислав Мефодьевич Викулов 14 лет (1973-1987гг.) был директором БТЭЦ, награжден орденом Трудового Красного знамени, почетный энергетик.

Сестра Лидия Андреевна Ашихмина – многолетний председатель профкома станции.

Сестра Маргарита Мефодьевна Шульман – многолетний начальник отдела капитального строительства. Под ее руководством и при непосредственном участии были построены многие объекты промплощадки и соцкультбыта.

Молодое поколение семьи Викуловых: Викулов Д.В., Сухорукова Т.Г., Сухоруков В.Г.

Основателем династии Косолобовых был Евгений Евстигнеевич, который проработал начальником связи с 1951 по 1985 годы.

Сын Александр Евгеньевич Косолобов с 1983 года работал на щите управления, с 1989 года – заместителем начальника цеха, а с 1996 – начальником.

Энергичным и трудолюбивым человеком запомнился основатель династии Костриковых Павел Егорович, который пришел на станцию рабочим угольного склада, а ушел на заслуженный отдых с должности начальника ЖКО.

Его сын Владимир Павлович и невестка Ольга Васильевна трудятся на БТЭЦ сразу же после окончания института.

В далеком 1949 году молодым специалистом приехал на станцию Василий Николаевич Паначев. 30 лет отдал он предприятию, где трудился на ответственной должности начальника смены котлотурбинного цеха. Жена его, Тамара кузминична с 1951 по 1980 год работала инженером в техснабе. Стали видными энергетиками и двое его сыновей – Юрий Васильевич и Сергей Васильевич.

Известны всем на станции Лобовиковы. Константин Прохорович с 1952 года работал главным бухгалтером. Его сын Геннадий Константинович долгие годы возглавлял электроцех. Более 30 лет трудилась на станции дочь Виктория Константиновна.

Ну, а кто не знает на станции Поповых: Виктора Николаевича и Татьяну Анатольевну и их дочь Наталью Викторовну?

И это только «старые» династии. А те, что образуются сегодня, еще ждут своего часа и, ведь преемственность поколений всегда была основой успешности работы любого предприятия.

В буднях извечных строек

Сегодня можно только удивляться той кипучей энергии наших земляков, которые в послевоенные годы сделали столько, сколько мы не делаем в последние десятилетия. В мае 1946 года был открыт первый книжный магазин «КОГИЗ». 1 сентября этого же года открылась школа №19, а 1 октября – школа ФЗО №57 (впоследствии ГПТУ №41). В июне 1947 года вступил в строй вокзал станции Воронцовка, а в сентябре была открыта школа №24. В апреле 1948 года приветливо открыла двери для заводчан фабрика-кухня, приятно удивив своих посетителей богатым и вкусным ассортиментом. 5 декабря начал работать городской хлебокомбинат, продукцию которого краснотурьинцы до сих пор справедливо считают лучшей не только в регионе, но и в области, а 15 декабря начала свою работу детская спортивная школа, воспитавшая не одно поколение юных спортивных

дарований. В декабре 1949 года к радости городской творческой молодежи был торжественно открыт клуб Богословского алюминиевого завода (зрительный зал на 500 мест, малый зал для лекций, комнаты для занятий кружков и читальня). В 1950 году был пущен в строй кирпичный завод, открыт стадион БАЗа, начался прием детей в новые детские сады №1 и №2 БАЗа. В 1951 году на улице Попова началось строительство трамвайного пути методом народной стройки, открылся санаторий-профилакторий БАЗа, а осенью этого же года в коммунальные дома была подана горячая вода. В 1952 году заводчане сдали в эксплуатацию Дворец культуры (клуб уже давно стал тесен для растущего народного творчества), по праву именуя его в своих документах «культурным цехом завода». В 1953 году была образована фельдшерско-акушерская школа (впоследствии колледж), начал работать противотуберкулезный диспансер, открылись школа №9 и №4, Дом пионеров. В том же году у города появился свой парк культуры и отдыха. В 1954 году состоялся пуск первого трамвая. За десять лет своего существования в статусе города Краснотурьинск прирос на 244 тысячи кв. м жилья.

Начало перелома.

Директор завода Михаил Константинович Рюмин, сам, будучи специалистом электролиза, стал энергично вмешиваться в дела электролизного цеха. Прежде всего, по его настоянию, с марта 1949 года стали вводить в электролит добавку фтористого кальция, что позволило, наряду с общим улучшением технологии, получить высокий выход по току. Затем с Уральского алюминиевого завода была перенесена новая технология – работа электролизных ванн на высоких зеркалах металла.

В период, начиная с 1949 года по 1953 год, на площадке завода и городе строительство носит бурный характер и ведется практически повсеместно. Строятся комплекс глиноземного производства, электролизные корпуса, преобразовательные подстанции, комплекс ТЭЦ с новой углеподачей, золо- и шламоотвалы, цех анодной массы, литейно-механический цех и другое. Одновременно в городе ведется застройка кварталов 3- и 5 –этажными домами, строятся больница на 540 коек, детские сады, магазины и Дворец культуры.

Строительство глиноземного цеха №2 велось в три очереди. Первая очередь была пущена 22 августа 1951 года, вторая – 31 декабря 1951 года, третья - 27 августа 1952 года. Мощность глиноземного производства увеличилась почти в 6 раз по сравнению с первоначальной мощностью спекательного передела. Главным инженером проекта завода в эти годы работал опытейший специалист алюминиевой промышленности Марк Данилович Тульчинский. С начала проектирования почти 18 лет (до 1965 года) он был мозгом заводского строительства. После Тульчинского более десяти лет главным инженером проекта работал Вадим Сергеевич Смирнов, который тоже внес огромный вклад в реконструкцию, расширение и наращивание мощности завода.

Глиноземное производство в те годы состояло из трех технологически тесно связанных между собой, но самостоятельных цехов. Первый глиноземный цех был спекательным переделом, и начальником его был В.С.Мийченко. Второй глиноземный цех – гидрохимический передел – возглавлял Г.С.Хоменко. Цехом кальцинации руководил Л.В.Кислюк. В конце 1955 года эти три цеха были объединены в единый глиноземный цех, начальником которого стал Павел Петрович Яковлев. Заведующим производством был назначен Владимир Саввич Мийченко. Эта структура глиноземного цеха практически не изменилась до настоящего времени.

В 1952 году была пущена новая серия электролизного цеха. Пуск прошел успешно, без особых осложнений, так как к этому периоду на заводе выросли

опытные кадры рабочих и инженеров. А 31 декабря 1952 года были включены 44 ванны 6-й серии на обжиг анодов и подин. Пуск 6-й серии проходил не так гладко, как этого хотелось, из-за несвоевременного ввода компрессорной (что повлекло за собой недостаток сжатого воздуха), а также из-за плохого снабжения глиноземом, который вывозился на серию в автомашинах. Но уже в конце 1953 года 6-я серия была успешно освоена, и выход по току на ней на два процента превысил общезаводской.

В 1953 году была введена в строй первая очередь цеха анодной массы. Основное оборудование этого цеха (прокалочные печи, смесильные машины и др.) было не новое, а получено с базы особых поставок, ранее эксплуатировавшееся в других странах. Это оборудование морально устарело и требовало реконструкции, что до монтажа не было сделано. Реконструировали это оборудования только лишь в процессе освоения производства.

В это же время была пущена еще одна серия электролизного цеха. Пуск и освоение серии прошли без каких-либо осложнений. Последний корпус электролизного цеха был пущен в конце 1955 и начале 1956 годов. Таким образом, строительство электролизного цеха было закончено в полном объеме проекта.

Одновременно с окончанием строительства электролизных корпусов, на заводе начали осваивать полунепрерывное литье алюминиевых вейербарсов – нового вида продукции. Первый корпус подвергается коренной реконструкции с заменой кожухов электролизеров и катодной ошиновки. Литейщики электролизного цеха установили первый миксер, что было большим шагом вперед, так как давало возможность перейти от периодической работы литейных печей к непрерывной.

Впервые за годы работы завода появилась возможность начать технические усовершенствования, направленные на улучшения условий труда рабочих. Цех вплотную взялся за герметизацию ванн, расширение газоотсосных патрубков и установку дополнительных патрубков на ваннах второго корпуса, реконструкцию вытяжных и приточных вентиляторов, а на 6-й серии устанавливались дополнительные вентиляционные приточные камеры для подогрева воздуха.

31 декабря 1955 года Министерство цветной металлургии решением №561 утверждает проектное задание по расширению глиноземного производства с приростом мощности, в основном, за счет гидрохимического передела. Этим заданием было предусмотрено строительство двух автоклавных батарей, сгущения и промывки красного шлама, расширение участка декомпозиции, монтаж еще одной батареи автоклавного выщелачивания в действующем блоке №1. В 1960 году это строительство заканчивается. Мощность по глинозему в сравнении с первым проектом возрастает в 11,4 раза.

27 апреля 1961 года Средне-Уральский совнархоз постановлением №93 утверждает новое проектное задание по расширению глиноземного цеха. Ввод части строящихся мощностей предусматривался в 1965 году. Но коллектив завода вместе со строителями треста Базстрой сумели сократить сроки сдачи почти на год. В целом объекты, предусмотренные проектом, были закончены в 1966 году. Мощность цеха увеличилась в 17 раз.

Не все мечты сбываются, увы...

23 апреля 1971 года Министерством цветной металлургии СССР дается указание о разработке проектного задания нового глиноземного цеха по мощности примерно равного действующему. В 1972 году строительство 2-го глиноземного цеха было начато, окончание первой очереди планировалось к 1975 году. Как мы теперь знаем, этому строительству так и не суждено было завершиться.

С первых же дней на будущей стройке дирекция завода в тесном контакте с парткомом, завкомом и комсомольской организацией проводит массовые субботники по расчистке территории под строительство нового цеха и нового шламового поля. На эти субботники выходили одновременно до 300 человек. С пилой и топором работал на субботниках и директор завода Павел Леонтьевич Устич. Интенсивно начало поступать оборудование. Огромная площадка размером в три футбольных поля была сплошь уставлена ящиками, конструкциями, агрегатами. Стройка продвигалась ударными темпами. Первый секретарь ГК КПСС Николай Миронович Тишкин проводил еженедельные строительные оперативки, на которые приглашались директор БАЗа Устич П.Л., заместитель директора завода по капитальному строительству Петунин Ю.А. и управляющий трестом «Базстрой» Устинов А.И. Одновременно начал строиться микрорайон «Заречный».

Но строящемуся газопроводу Уренгой – Ужгород и нефтепроводу «Дружба» нужны были трубы, поставку которых прекратила Германия. Деньги со строительства БАЗ-2 по указанию Совета Министров были сняты и направлены на строительство нового прокатного стана в г.Первоуральске.

На партийно-хозяйственном активе по итогам работы за 1975 год и за девятую пятилетку в целом директор завода Устич П.Л. с болью и возмущением говорил:

«В 1975 году основное внимание уделялось ускорению строительства второго глиноземного цеха. Это позволило освоить 8972 тыс.рублей при плане 5510 тыс. рублей. И вот впервые за много лет мы в этом году не имеем пускового комплекса. Позиция, занятая Главком в данном вопросе нам совершенно непонятна... На 1976 год на строительство нового цеха нам выделяется всего 9 млн.рублей, что составляет около 10 процентов стоимости пускового комплекса. Учитывая, что к данному времени на новом цехе освоено около 28 млн.рублей, пуск второго цеха может быть осуществлен только в 1981 году... Каждому понятно, что законсервировать строительство с капвложениями в 28 млн.рублей никто не позволит, но и растягивать на долгие годы это столь же нерационально, не по-хозяйски, почти, как и консервация...»

Сейчас уже, наверное, не найти имен тех высоких чиновников, которые нанесли стране немислимый, даже по нынешним представлениям, ущерб. А сколько же еще было воздвигнуто по стране грандиознейших памятников преступного головоуотпяства, на которые были затрачены кровные наши миллионы и миллионы рублей.

Хотя, не стоит забывать, что в названных Павлом Леонтьевичем цифрах были спрятаны и цифры строительства инфраструктуры, другими словами – строительства жилья и соцкультбыта в Заречном районе. Хитрый директор, сумел убедить высоких чиновников Главка, что эти объекты имеют приоритетное значение. И кто знает, имели бы мы наш красивый Заречный район, если бы не тогдашняя дальновидность Павла Леонтьевича.

Хроника буден рабочих.

Однако действующее производство постоянно развивается и совершенствуется. В 1973 году завод совместно с институтом ВАМИ вышел с предложением об увеличении мощности действующего глиноземного цеха за счет использования на отдельных переделах цеха резервов. В 1975 году эти предложения были откорректированы и утверждены Министерством цветной металлургии. Реконструкции и модернизации подверглись и отдельные агрегаты, и целые участки цеха.

Одновременно с развитием основных цехов – глиноземного, электролизного и цеха анодной массы – получили развитие вспомогательные цехи, обеспечивающие четкую работу завода. Литейно-механический цех расширился, оснастился современными металлорежущими станками. Был реконструирован литейный участок, построен участок капитальных ремонтов. Получили развитие ремонтно-строительный, электрический, железнодорожный цехи, цех теплоэнергоснабжения и др. Значительный объем работ по ремонту и реконструкции оборудования выполняло в те годы ремонтно-строительное специализированное управление треста «Уралцветметремонт» объединения «Союзцветметремонт». Это управление (до февраля 1974 года участок) было создано в 1948 году, в основном, для ремонта котлов и турбин ТЭЦ. Но после перехода ТЭЦ в 1952 году в ведение Министерства электрификации СССР, участок полностью перешел на работу по ремонту батарей и трубопроводов, а позже и другого оборудования.

С началом эксплуатации основных цехов завода была создана и развивалась исследовательская группа, выросшая затем в опытно-экспериментальный цех. В 1943-48 годах основная задача, которую выполнял малочисленный научно-исследовательский сектор, состояла в составлении материальных балансов глиноземного производства и выдачи рекомендаций по достижению более высоких технико-экономических показателей. В 1949 году были образованы две группы – по глиноземному и электролизному производству. Глиноземный сектор возглавила инженер М.С.Гамалева, а руководство электролизной группы осуществлял Н.С.Матвеев (позже ставший главным инженером Братского алюминиевого завода).

Исследователи направляли свои усилия на ликвидацию «узких» мест производства. По глиноземному это было выщелачивание спека. Электролизный сектор занимался подбором состава электролита и технологией обработки электролизеров. Качественный скачок в организации научно-исследовательских работ произошел в 1956 году, когда был создан опытно-экспериментальный цех. Первым начальником цеха и его организатором был старейший работник алюминиевой промышленности СССР Даниил Андреевич Герасимов.

Мятежный дух соперничества.

Сегодня, с высоты прожитых лет, бутафорски помпезными и наивно-неуклюжими кажутся словосочетания «победитель социалистического соревнования», «коллектив коммунистического труда», «переходящее красное знамя»... Но ведь, как говорится, из песни слов не выкинешь. Да и, если по большому счету, моральное удовлетворение от сознания того, что твой труд оценен по достоинству – это немаловажный фактор стабильной работы и полной самоотдачи. Помнится, в одном из своих выступлений Анатолий Васильевич Сысоев, рассказывая о своей поездке в Канаду, с явным удовлетворением поведал об организации трудовых соревнований в частных промышленных компаниях. Он не скрывал и своего удивления, отмечая, что капиталистами были, что называется, один к одному - скопированы все наши атрибуты социалистического соревнования (и те же вымпелы, и флажки на рабочих местах, и почетные звания, и грамоты, и премии). Но самое главное, что эти трудовые соревнования объединяли людей мыслью, что все они – одна команда, все они – лицо фирмы, ее престиж.

Ну, а в те доперестроечные годы социалистическое соревнование ставилось во главу угла всей партийной работы в промышленном секторе советской экономики. Во всем своем многообразии развернуто было оно и на БАЗе. Еще в военные, и особенно в первые послевоенные годы, на заводе инициаторами и победителями

социалистического соревнования были комсомольско-молодежные смены глиноземного цеха, руководимые мастерами И.А.Опатыко, Ю.А.Ивашовым, А.Д.Подкопаевым, Л.М.Поповым. В августе 1959 года первой из коллективов электролизного цеха звание бригады коммунистического труда было присвоено бригаде С.Ф.Кононова. Опыт работы бригады был предметом внимания Центрального Комитета партии, где бригадир выступал с докладом о своей работе. Первой сменой коммунистического труда стала смена мастера И.А.Опатыко в глиноземном цехе. А 25 апреля 1964 года «за высокие производственные показатели и достигнутые успехи...» звание «предприятие коммунистического труда» было присвоено самому Богословскому алюминиевому заводу. 14 мая 1966 года указом Президиума Верховного Совета СССР за досрочное выполнение заданий семилетнего плана по увеличению производства алюминия, вводу в действие новых мощностей по выпуску глинозема и внедрению передовых технологий завод награждается орденом Ленина.

Кто помнит те времена, наверняка вновь испытает те чувства гордости, что переполняли краснотурьинцев за столь высокую оценку руководителями страны труда своих земляков. Орденами и медалями Родина отметила 71 металлурга. Ордена Ленина были удостоены электролизники А.А. Гильмтдинов и А.Н. Левченко, глиноземщик А.Н. Запасчиков, начальник участка спекания Ю.А. Ивашов и начальник цеха В.С. Мийченко.

Высокие награды получили и представители других профессий. Кавалерами ордена Ленина стали бригадир ТМР Н.Г. Савченко, драгер ЮЗП Д.Н. Яровиков, бригадир СУ «Отделстрой» А.Н. Леонов, начальник СУ «Жилстрой» А.С. Голубев, бригадир шахты «Новая» М.И. Красулин. Партия отметила и труд работников просвещения, здравоохранения, культуры. Были награждены учителя В.А. Путилов, В.А. Антукова, О.П. Панькова, медики З.Ф. Бегунова, С.П. Макарова и другие.

Не обойдены были строители и горняки города. Более 70 трудящихся треста «Базстрой» и более 40 горняков Богословского рудоуправления получили за свой труд ордена и медали.

Это с «легкой руки» журналистики «лихих» девяностых годов «хрущевские», а затем и «брежневские» годы советского периода нашей страны были несправедливо названы застойными. Ничего себе застойные! Вот только перечень пусковых объектов тех лет: январь 1965 года – сдача в эксплуатацию Краснотурьинской птицефабрики и пуск второго глиноземного комплекса; 1966 год – создание Краснотурьинского линейного производственного управления магистральных трубопроводов, открытие бульвара Мира, введение в эксплуатацию городской автоматической телефонной станции; 1967 год – вступление в действие шахты «Капитальная» Турьинского рудоуправления и газокompрессорная станция КЛПУ, сдача в эксплуатацию моста через Турью; 1968 год – создание Краснотурьинского ремонтного участка «Тюментрансгазремонт», сдача в эксплуатацию первой очереди шахты «Северопесчаная», переезд в новое здание ОТФ УПИ, открытие Дома спорта БАЗа; 1969 год – пуск в эксплуатацию шахты «Северопесчанская» и ДОФ, 1971 год – открытие музыкального училища, начало газификации жилых домов города; 1972 год – торжественное открытие Дворца пионеров и школьников и детской художественной школы; 1973 год – начало застройки Заречного района города; 1974 год – организация Краснотурьинского ремонтно-строительного специализированного управления треста «красцветметремонт», сдача в эксплуатацию плавательного бассейна.

Город на глазах хорошел, расстраивался, приобретал те черточки своего облика, которые по сей день радуют нас. Все эти годы он прирастал социальными и жилищными объектами. Пускай нелепым и смешным выглядит сегодня тезис одного из руководителей страны, сказанный им однажды с высокой трибуны: «...мы

добьемся, чтобы к 1980 году каждая советская семья имела благоустроенное жилье», но именно в те годы жилищное строительство переживало настоящий бум. Я помню, как на регулярно проводимых горкомом партии «советах директоров» жестко ставился вопрос о строительстве жилья всеми (!!!) предприятиями города методом «хозспособа». Это означало, что руководители предприятий должны были так верстать свои планы, чтобы ежемесячно часть средств от прибыли могла бы быть «отщипнута» на строительство жилья. Я помню, как попал однажды от КВТК на такое совещание был жестко «выкручен» А.П. Измайловым (тогдашним первым секретарем горкома партии) за слабые темпы строительства. И ведь построили мы тогда в Заречном районе (на Заречной улице) два своих благоустроенных дома!

А что сейчас? Мало того, что жилье прирастает только за счет коттеджей, так еще и в массовом порядке идет перевод жилых помещений в нежилые. Сегодня практически все первые этажи многоквартирных домов переоборудованы либо под магазины, либо под офисы. Стоимость жилья растет. А это неизбежно ведет к ухудшению качества жизни многих горожан, к оттоку из города молодежи. Городские молодежные программы неизменно сводятся только к досуговому мероприятиям. А ведь молодежи для полноценной жизни требуются прежде всего работа с достойным заработком и благоустроенное жилье.

Как об этом ни печально говорить, но в так называемые «застойные времена» эти проблемы успешно решались.

Гвозди бы делать из этих людей!

А что за люди жили в те годы! Как говаривал классик советской поэзии В.В. Маяковский «гвозди бы делать из этих людей – не было б в мире надежней гвоздей!». Работая (какое-то время в качестве рабочего корреспондента, а какое-то в качестве – штатного сотрудника) в городской журналистике, мне привелось столкнуться с таким множеством людей с удивительными и непростыми судьбами, руками которых вершилась (прошу извинить за невольный пафос) история города, что рамки этой книжки будет явно недостаточно написать о них обо всех. Из довольного пухлого архива моих газетных публикаций за более чем сорокалетнюю деятельность я отобрал шесть жизненных историй.

Понимаю, что не все поймут мой критерий отбора, ведь я писал и о героях труда, и о Почетных гражданах города, и вообще об очень многих уважаемых людях. Но выбранные мною для книжки герои дороги мне тем, что все они были для меня не просто героями публикаций, а людьми, которых я хорошо знал и с которыми меня связывала долгая и искренняя дружба (за исключением, пожалуй только О. Гофмана, о котором я писал со слов его дочери Инны).

Архитектор собственной судьбы

Нет, не обстоятельства ломают судьбы людей. Безволие и душевная лень приводит людей к депрессиям и крушениям устоев. Какими бы ни были жестокими правила игры, определяемые судьбой, непозволительная роскошь – предаваться отчаянию и опускать руки, повинясь воле обстоятельств.

Тойво Арвовича Ниеминена судьба словно специально, проверяла его характер на прочность.

Старожилы БАЗа хорошо помнят этого всегда (даже в рабочей одежде) аккуратно выглядевшего, интеллигентного, общительного и доброжелательного человека, работавшего в 50-е и 60-е годы начальником ремонтно-строительного цеха, а с 1970 по 1987 годы – главным архитектором завода. Начальником цеха его назначил М.К. Рюмин, главным архитектором – А.Я. Кабанов. Годы его работы в службе архнадзора совпали с годами директорствования П.Л. Устича, приказ о его уходе на пенсию подписал Ю.Н. Чернабук, а спустя четыре года на время строительства финскими специалистами пивзавода «Золотой петух» (то есть, на два года) А.В. Сысоев приглашал Тойво Арвовича на работу ...переводчиком (с русского – на финский).

Давным-давно еще с «петровских» времен, на территории нынешней Ленинградской области на землях, сохранивших шведское название – Ингерия, жил древний с финскими корнями народ – ингерманландцы. Никто теперь не узнает, к кому из финских семей пришла беда сразу после октябрьского переворота. Но одним из первых документов, регламентирующих новые правила жизненного обустройства, было специальное постановление ОГПУ от 1924 года о порядке помещении лиц в лагерь, концлагерь, ссылку и на спецпоселения кулаков, их пособников и «прочего нежелательного элемента».

С 1931 по 1935 год от ингерманландцев, причисленных к числу «нежелательных элементов» было «очищено» все южное побережье Финского залива. И там, где когда-то стояли крепкие хозяйства – от Большой Ижоры почти до границы с Эстонией, – сейчас заброшенные, пустующие земли. Финнов выселяли на восток бывшей Ленинградской области, в Вологодскую, Архангельскую области и в Карелию. На семью давали одну телегу. Что можешь увезти – твое. Дома, скотина, все нажитое дедами и прадедами хозяйство оставалось за незапертыми калитками.

Подводы ехали к железнодорожной станции – там проходила погрузка в эшелоны. Одни успевали записать часть своего добра в вагон, другие – нет. Большие двери закрывались на засов. Люди в эшелонах плакали, а на платформах, мимо которых они проезжали, играл оркестр: переселенцы едут осваивать новые земли...

В августе 1941 года, когда возникла угроза захвата немцами европейского севера страны, появилось два решения Военного совета Северного фронта: об очистке прифронтовой полосы от социально-опасного элемента и о принудительной эвакуации из Ленинграда и области финского и немецкого населения. Маленький Тойво, конечно же, не понимал причин этих постоянных переездов. Он только в 1935 году (ему в это время шел уже девятый год) наконец-то смог пойти в школу. Жили они тогда всем своим семейством в деревне Бегунцы Ленинградской области. Отец столярничал (он на всю жизнь сохранил любовь к своей с детства выбранной профессии столяра-краснодеревщика), мать управлялась по хозяйству. А в 1941 году их эвакуировали вначале в Вологду, а потом – в глухое местечко, богом забытый леспромхоз Молотовской (ныне Пермской) области.

О тех годах остались лишь скупые строчки автобиографии, которую Тойво Арвович писал, устраиваясь на Богословский алюминиевый завод: «...в 1942 году поступил столяром в Сивинский леспромхоз, в 1947 году переехал в Казахстан, в 1949 году переехал в Краснотурьинск, к брату».

Двадцатилетним парнишкой поступил Тойво в ремонтно-строительный цех БАЗа. Столяром пятого разряда. И, надо сказать, столяр подразделения, напрямую участвовавшего в создании алюминиевого гиганта, был в этом деле далеко не последним человеком.

Мог ли мечтать в то время Тойво, имея за плечами всего 6 классов образования о том, что когда-то он станет одним из руководителей этого завода. Но вот где пригодилось его природное честолюбие, умение добиваться всего своим умом и терпеливостью, трудолюбие и высокая самодисциплина.

В 1951 году он заканчивает 7-й класс школы рабочей молодежи, а в 1955 году (с отрывом от производства) – строительное отделение Краснотурьинского индустриального техникума.. И тут же начинается карьерный рост: мастер, старший прораб, начальник цеха. И все это в течение одного года!

О том, что строительство завода велось в те годы ускоренными темпами, можно судить хотя бы по тому, что не было случая, чтобы не перекрывались установленные сроки по пуску и освоению новых мощностей. Причем, это опережение исчислялось не днями, а месяцами. Большая часть объема строительных и монтажных работ выполнялась непосредственно силами рабочих и ИТР завода.

Строительство новых объектов и реконструкция старых велись в условиях действующих производств без остановок и замедлений технологических процессов. И это накладывало свой отпечаток на характер и специфику работы строителей. Завод мужал и рос на глазах: ведь годы-то были какие – 1955 – 1965... Справедливости ради следует заметить, что ремонтно-строительный цех участвовал не во всех проектах строительства завода. Большие и затратные работы финансировались Министерством цветной металлургии и строились силами специально созданного для этих целей треста «Базстрой». Но все остальные (порой не менее значимые) работы ложились на плечи работников заводских подразделений – ремонтно-строительного цеха и ремблока.

В 1970 году Тойво Арвович Ниеминен становится главным архитектором – заместителем главного инженера завода. Теперь в круг его обязанностей, помимо ответственности за работу РСЦ и цеха благоустройства, входит контроль за техническим состоянием всех объектов недвижимости, стоющих на балансе завода. А это были не только здания и сооружения на территории завода, но весь жилой фонд, все объекты соцкультбыта и природоохранных сооружений.

Он возглавил работу по архитектурному надзору как раз тогда, когда начали проявляться те пренебрежения к нормам и требованиям проектов, которые допускались в авральные горячки первых лет строительства завода. И если за время работы Тойво Арвовича не произошло ни одной аварии, связанной со строительными упущениями (это уже спустя более, чем десять лет произошло крупное обрушение кровли над одним из корпусов электролизного цеха), то это, безусловно, его личная заслуга.

...Он ушел на пенсию в 1987 году. Ушел скромно, без пышных проводов. Его трудовой путь не был увенчан лаврами. Он не был удостоен правительственных наград. Его имя не упоминается ни в одной, посвященной заводу и заводчанам, книге. Но это ничуть не мешает всем, кто с ним знаком, считать его человеком удачливым и счастливым.

Он и сам не может считать себя несчастливым. У него была дружная семья (жена Валентина Петровна работала учительницей школы №2 и несколько лет назад умерла), а сейчас он богат внуками, которых воспитывают два его сына, выбравших, как и отец, профессию строителя. Старший Сергей живет в Финляндии и трудится менеджером по продажам в строительной фирме. Младший Вадим живет в Санкт-Петербурге и работает строительным мастером.

Ну, а сам Тойво Арвович, избрав местом жительства родину предков – Финляндию, почти ежегодно приезжает в те места, где его хорошо знают и любят. Наш маленький северный городок стал частью его души.

Вся жизнь, как хорошая песня

...Мелькают весны, будто сны.
Цветут каштаны, зреют сливы.

Далекий Киев...нет войны...
Еще отец и мама живы...

Феликс Давыдович Демидов-Полякман родился в далеком довоенном 1932 году. Детские годы прошли в славном граде Киеве, в самом сердце его – на Крещатике. Счастливое, беззаботное время, когда тебя любят и понимают, когда жизнь с ее безоблачными горизонтами еще вся впереди. Отец работал главным инженером Суконого треста (уже много позже Феликс Давыдович узнал, что такое вот «деревенское» название маскировало целую отрасль оборонной промышленности Украины). Мать была преподавателем русского и украинского языков и литературы. Феликс ходил уже во второй класс, когда Киев начали бомбить. А день его девятилетия пришелся на день, когда семья перебираясь из Киева в Харьков, заночевала в придорожных кустах под Полтавой.

- Это самые яркие по своему ужасающему трагизму страницы моей жизни, - вспоминал он. – Все рушилось, коверкалось, умирало. Харьков был весь в противотанковых надолбах и руинах. По городу ходили трамваи и танки. Бомбежка шла с методичной арийской педантичностью: с 9 вечера до 5 утра. Семья жила ожиданием эвакуации. Отец руководил огромным комплексом работ, связанных с демонтажом нескольких десятков военных заводов. Выехали мы из Харькова одним из последних эшелонов спецназначения за неделю до взятия города фашистами...».

Алма-Ата встретила маленького Феликса непривычными умиротворенностью и тишиной. Жизнь потихоньку входила в свою колею. После окончания школы колебаний не было – только горно-металлургический институт. Энергия юноши била через край, и он выплескивал ее и в спортивных баталиях, и в занятиях хоровым пением, и в комсомольской работе. Там, в Алма-Ате, он встретил необыкновенную девушку – Машу, Машеньку, Марию Григорьевну, с которой шел по жизни 25 лет, которая все годы до его ухода из жизни светлым счастьем жила в его памяти.

У Машеньки была такая трагическая судьба, что даже многое успевший повидать Феликс не понимал, откуда столько душевных сил у хрупкой, молоденькой девушки. Она пережила в Ленинграде всю блокаду. Потеряла отца и братьев. Десятерых родных братьев и отца, сложивших свои головы в боях под Ленинградом.

В Алма-Ате родился его первенец Женя, у которого впоследствии обнаружился задатки талантливого инженера.

Мария Григорьевна умерла в 1978 году, а в 1994 году в возрасте сорока лет, в расцвете сил, умер Женя.

* * *

Все было: споры, всплеск идей
И юный пыл решений скорых.
Ну и конечно, был тот день,
Далекий день рожденья Хора.

Он вынес удары судьбы. Он не сломался, хотя были, что скрывать, моменты, когда жизнь теряла свой смысл. Он жил, потому что остались рядом с ним его дочь Раечка и сноха с двумя малолетними мальчиками. Он жил, потому что на нем замыкались технологические хитросплетения основного цеха завода, которые он бесконечно отлаживал, доводя до совершенства.

Феликс Давыдович стоял у истоков внедрения в производство автоматизированной системы управления электролизными процессами «Алюминий». Это была задача, решение которой требовало не только специальных глубоких знаний в технологии и электронике, но и умения нешаблонного использования этих знаний. Сколько бессонных ночей провел он вместе с теми, кто занимался системой. И кто теперь знает о том, что капризную и неустойчивую технологию электролиза,

работающую ныне в состоянии устойчивого динамического равновесия (это в конечном счете сказалось на существенном росте объемов алюминия и на его качестве) сумел обуздать небольшой творческий коллектив, руководил которым Феликс Давыдович.

Он жил еще и потому, что на нем висели взваленные когда-то однажды заботы, связанные с любимым детищем – мужским цеховым хором.

- первые попытки создания хора предпринимались в 1956 году. Но только с 1960 года в цехе стал работать постоянный смешанный хор, в котором пели девушки из ОТК и РПП, - вспоминал Феликс Давыдович. – В марте 1961 года из него выделился чисто мужской хор... Я тогда был секретарем комсомола электролизного цеха.

Ф.Д. Демидов-Полякман не любил выпячивать свою роль в деле созидания хора. Но заводчане знают, что только благодаря его настойчивости хор состоялся. И не одобрявший вначале его идею начальник цеха В.С. Киселев (сказавший тогда свою крылатую фразу: «Вот хора нам только и не хватало!») сдался под напором деятельного комсомольского вожака, и сам стал его сторонником.

Первым дирижером и хударком хора был Александр Иосифович Лесухин. Не получивший музыкального образования, он имел начальные навыки хорового пения, полученные в церковном хоре.

- Первой нашей песней была разудалая «Почта сарафанная», - вспоминал Феликс Давыдович. А первое выступление, которое проходило в нашем Дворце культуры, началось с конфуза. Вышли мы на сцену. Взгромоздились на помост – сотня дюжих электролизников. Вышли перед хором наш «Ляксанро» Иосифович и баянист Вася Саянок. И только занавес раздвинулся, помост затрещал и поехал... Все мы повалились на пол. В зале хохот и шуточные возгласы... А мы деловито встали и, как ни в чем ни бывало, начали петь... Тут гаснет свет... Но и это не выбило нас из колеи – мы свою программу под одобрительный гул зала допели до конца.

Много внимания хору уделял заступивший на должность начальника цеха П.Л. Устич. Именно по его инициативе был создан художественный совет цеха, который возглавил всю культурно-массовую работу и взял на себя обязанности по опеке над хором.

Руководители всех рангов не считали зазорным петь в хоре. Так, его участниками в разные годы были П.Л. Устич, П.П. Бастрикин, Н.Д. Бахтин, А.Н. Успенский (который пел даже после выхода на пенсию), И.С. Кондрашкин, Г.М. Мануйлов, А.П. Измайлов, Ю.И. Двинин, А.Г. Бисеров, Н.М. Марков. Пел в хоре и нынешний директор завода Ю.В. Моисеев. А первыми хористами были молодые рабочие В. Теребеж, И. Огоньков, Л. Ерофеев, А. Потеруха, М. Сердюк, Ю. Гарицкий, В. Смирнов, Л. Иванов и большая семья Лесухиных.

* * *

И с детством неразрывна связь.
И жизнь – как яркое мгновенье.
В нем физик с лириком, родясь,
Сошлись в счастливом единеньи.

Хор, получив поддержку со стороны руководства завода, как-то буднично и незаметно становился профессиональным. Сменив самодеятельных самоучек, его учителями и наставниками стали профессионалы.

В 1975 году хору было присвоено звание «Народного коллектива». А в декабре 1976 года хор стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся. Дважды (в 1995 и 2000 годах) хор становился лауреатом областного смотра «Салют Победы». За все свои годы существования хор электролизного цеха

был награжден десятками грамот, дипломами лауреатов заводских и городских смотров, многочисленными призами и вымпелами.

Сорок шесть лучших лет своей жизни отдал Феликс Давыдович Богословскому алюминиевому заводу. Хотя почему отдал? Не отдал, а разделил, потому что и завод сделал прожитую им жизнь наполненной смыслом, свел его с огромным количеством людей, оставивших добрый след в его сердце.

- Я как-то подсчитал, сколько заводчан помню настолько, что могу рассказать о них, - сказал он однажды во время одной из наших бесед. Получилось 1200...

И, заразительно рассмеявшись, в ответ на мой недоуменный взгляд добавил: «Конечно не всех – по именам. Но по фамилиям – точно помню. Особенно бригадиров. Вы знаете, вот много их было. Кто-то пошел на повышение, кто-то на пенсии: как говорится, иных уж нет, а те далече...И ни одного, вы понимаете, ни одного...среди них не было случайного человека. Каждый был с яркой судьбой, с редким и самобытным талантом постижения тайн электролиза...

Его редко можно было застать дома, но когда он принимал гостей в своей гостиной от пола до потолка заложеной книгами, его искренней радости не было предела. И у него постоянно были гости. Забегали «на огонек» и руководители электролизного пароизводства, и рядовые электролизники. Кипел на кухне выдавший виды старенький чайник, звенели рюмки под неизменные тосты «За наш завод и электролиз!». И было что-то более важное, чем просто общение, в этих встречах. Другим, просветленным взглядом смотрел на мир каждый из его гостей после этих встреч. И не потому ли дружбой с этим человеком можно было гордиться и считать ее большой жизненной удачей.

Энергия рабочих сердец

Когда мы говорим о теплоэнергетиках завода, то, конечно же, имеем в виду людей, которые строили и эксплуатировали не только заводские объекты теплоэнергетики, но и практически все объекты города. Скажите, все ли города нашей необъятной Родины имеют такие надежные сети питьевого водоснабжения? Знаете ли вы, уважаемые краснотурьинцы, что мы с вами все последние годы, включая «лихие девяностые» пили воду, отвечающую всем требованиям ГОСТов? Наша вода наполовину состоит из чистой артезианской воды (которая качается из скважин на водяном пласте в районе пос.М.Лимка), а другая половина, берущаяся из пруда, проходит фильтрацию и осветление на заводских специально построенных для этого объектах. Знаете ли вы, что такое достижение цивилизации, как ванная и туалет, немыслимы без надежно работающих систем канализации и очистных сооружений? А строили эти системы заводчане. А горячая вода и центральное отопление? И эти системы строились и долгое время эксплуатировались заводчанами.

Нашему заводу повезло в том, что все годы существования теплоэнергетической базы ведущие посты ее служб и подразделений занимали не просто грамотные – талантливые специалисты с высокой степенью ответственности и хорошими организаторскими способностями.

Об одном из них – наш следующий рассказ.

Юрий Александрович Урванцев родился в 1925 году в Свердловске. В 1941 году закончил 7 классов и поступил учиться в турбостроительный техникум. Но всвязи с «особыми обстоятельствами» техникум вскоре был закрыт и Юрий был направлен учеником токаря в один из цехов Верх-Исетского металлургического завода. Только после войны он смог уволиться с завода и поступить в Уральский политехникум по специальности «Промводоснабжение и канализация металлургических заводов».

Пролетели быстрокрылые годы учения, и в 1949 году Юрий получает направление на Богословский алюминиевый завод мастером в цех пароводоснабжение. «Поселили меня вначале в красный уголок рабочего общежития, - вспоминает он, а потом подселили в квартиру к молодым специалистам, таким же, как я выпускникам политехникума, но приехавшим раньше: В.Польгалову, В. Паначеву, В. Позднякову, Г.Андронову, М. Дуракову».

Цех пароводоснабжения в те годы занимался подачей воды из пруда на завод и БТЭЦ, обеспечивал подачу пара в основные цеха завода и бойлерную города, транспортировал «хвосты» глиноземного производства в отвал. В ведении цеха были канализационные сети завода и города. Мастерские цеха были размещены в деревянном бараке, а контора – в недостроенном здании газогенераторной станции. Многие объект, вошедшие впоследствии в состав цеха находились в то время в стадии строительства.

В 1950 году были пущены в работу очистные сооружения хозяйственной канализации и канализация от ул.Сталина (ныне К.Маркса) до очистных сооружений. В 1951 году заработала очистная станция водопровода и тепловая сеть города.

Принимая во внимание бурный ввод объектов теплэнергетики, в 1953 году директор завода М.К. Рюмин принял решение о разделении цеха пароводоснабжения на цех пароснабжения и цех водоснабжения. Начальником цеха водоснабжения был назначен Юрий Александрович Урванцев.

«На годы с 1953 по 1956 пришлось время реконструкций и «доведения до ума» действующих объектов. - вспоминает он, - Были уложены в траншеи километры трубопроводов, завершены десятки сложных строек...Моими помощниками по той непростой работе были мастер насосных станций Д.П. Евенков, мастер сетей водопровода Д.И. Киселев, мастер очистной станции водопровода Е.Д. Назаренко, мастер очистных сооружений канализации В.К. Холодкова, старший мастер электрик Б.С. Кульчумов, мастер электрик Л.А. Круг, мастер городских водопроводных сетей и канализации Я.К. Гутман».

А в 1956 году все теплоэнергетические службы завода снова были объединены в один цех – теплоэнергоснабжения. Начальником цеха был назначен очень опытный специалист В.М. Власов. С 1961 года (с момента его перевода заместителем главного энергетика завода по теплотехнике) руководителем цеха стал Ю.А. Урванцев.

Он проработал в этой должности до 1985 года, то есть до выхода на пенсию. Его заместителями все эти годы были К.А. Баранов (по водоснабжению), В.С. Андронов (по теплоснабжению), Л.А. Ермолаев (по газоснабжению). Компрессорным хозяйством командовал опытный специалист С.К. Паршуков.

Уже один тот факт, что практически все теплоэнергетики при невероятных трудностях своей работы годами честно, творчески, с высоким чувством служебного долга трудились на однажды выбранном ими производственном участке, вызывает чувство искреннего восхищения. Я, проработав непродолжительное время старшим механиком литейно-механического цеха, хорошо помню всех этих людей, о профессионализме которых на заводе ходили легенды. Любой «теплотехнический» руководитель пользовался на заводе таким авторитетом, что их компетентность была абсолютно непререкаема.

Юрий Александрович Урванцев был очень демократичен. Общительный, удивительно коммуникабельный, он всегда находил правильную линию поведения в отношениях со своими подчиненными. И они платили ему за это честностью и полной самоотдачей.

Да, наш следующий герой носил ту же фамилию, что и знаменитый сказочник, и тоже был немцем по крови. Но судьба послала ему такие неслыханные испытания, что всю жизнь ему было не до сказок. Хотя его тяга к прекрасному проявилась в другом виде искусства – в музыке.

Родился Отто Августович в 1919 году. Детские годы провел в Северном Казахстане. Он уже с детства проявлял интерес к музыкальным инструментам: мог часами сидеть с гармошкой, пробовал играть на струнных инструментах. После окончания школы-семилетки он поступает в Омское музыкальное училище.

Потом, как и у всех ребят его возраста, была армия и война.

Война стала поворотным событием в судьбе молодого Отто. Комсомолец, с открытым, веселым характером, он попал в списки неблагонадежных только из-за свое принадлежности к немецкой нации. Прямо из действующей армии он направляется в другую – трудовую армию, а практически за колючую проволоку.

...Осень 1941 года была дождливой и холодной. Уже в сентябре выпал снег. Подули промозглые северные ветра. Первых трудармейцев привезли в чистое, заснеженное поле. Это потом уже станет известно, что перед их прибытием местные органы НКВД должны были освободить бараки, занятые политзаключенными, но пока приказы спускались сверху вниз, исполнять их оказалось некогда. Что делать? Велели поставить палатки. А люди были одеты легко: ведь ехали издалека, теплую одежду кто променял на еду, а кто и просто не успел взять. Грелись у костров. Здесь же готовили пищу: жиденькую похлебку да неопределенного цвета и вкуса чай. Стролительный материал для бараков – бревна из ближайшего леса носили на себе. Голод, холод, инфекции косили людей. Умирили в день десятками.

Труднее всех было первопрходцам. Практически все они сгнули в стылой хмари неприветливой таежной глухомани. Уже весной 1942 года на месте строящегося завода стали появляться теплушки, временки. Жизнь понемногу обустроивалась, но трудармейцы продолжали находиться на правах осужденных. Все они во время мобилизации были разлучен с близкими родственниками, и почти никто не имел с ними переписки. Так Отто потерял свою первую семью.

А завод рос на глазах. Отто Августович работал в 14 отряде, где были собраны строители. Именно этот отряд заложил все основные объекты завода. Именно этот отрядпрославился слаженным дружным трудом и стал первой школой заводских строителей. Отсюда комплектовались кадры образовавшегося впоследствии треста «Базстрой».

Отто Августович выжил не только благодаря своему природному здоровью, его спасла музыка. Даже в то трудное время стройке оказались нужны музыканты (а как же: ударный пролетарский труд да без оркестра? Да и на праздничных торжествах оркестр, конечно же, был необходим для поддержания всенародной радости). Организацию оркестра ему и поручили. Вначале музыкальный коллектив существовал на общественных началах. Но уже вскоре партийные вожаки стройки берут его «под свое крыло». Именно с этого небольшого самодеятельного оркестрика и берет свое начало симфоничнский оркестр Дворца культуры БАЗа.

В 1958 году руководители города задумывают открыть музыкальную школу. Отто Августович вместе с профессиональным музыкантом Л.С. Безуглой набирают учителей и первых учеников (в первом выпуске их было всего 10 человек). Сам он преподавал в школе игру на скрипке. Здесь-то и открылся дремавший в нем талант педагога. Он жил музыкой и свою любовь к ней передавал воспитанникам.

* * *

...Миле Бурдаковой, шустрой и скорой на подъем лаборантке химической лаборатории завода, было всего 19 лет, когда она познакомилась с Отто. Несмотря на

свой юный возраст, она уже успела прославиться тем, что в ночь на 9 мая 1945 года ей было доверено сделать анализ той памятной первой плавки, с которой начинается летоисчисление завода. Именно ее рукой заполненная справка о химическом составе алюминия была зачитана на следующий день на многолюдном митинге.

Отец Миля был человеком известным – он с 1942 года возглавлял заводской железнодорожный цех. В 1943 году пришла на завод и Миля.

Ну и как отцу, входившему в руководящий состав завода, было воспринимать признание дочери о желании связать свою судьбу с немцем? А Миля оказалась девушкой с твердым характером. Она положила на стол комсомольский билет, когда ее на собрании прямо в лоб спросили: «Ты с кем? С нами или с врагом?».

Она ушла из семьи и стала жить с Отто, не регистрируясь, потому что немцы и члены их семей не получали продуктовых карточек.

А однажды на одном из концертов симфонического оркестра во Дворце культуры вдруг встал со своего места человек из первого ряда, где сидело заводское руководство, и, указывая рукой на дирижера, на весь зал громко сказал: «Аплодируйте! Этот человек заслуживает аплодисментов». Это был Милин отец.

* * *

На свои постоянные репетиции Отто Августович частенько брал с собой свою маленькую дочку (она родилась в 1963 году). С детских лет Инна жила в мире красивой музыки и нескончаемых разговоров о специфике музыкальных инструментов. В 16 лет Инна уезжает в г.Петропавловск (Северный Казахстан), где и оканчивает музыкальное училище. Это какая-то судьба: в Казахстане родился Отто Августович, познал азы музыкальной культуры. Инне Кравцовой довелось пройти этим же маршрутом. В Краснотурьинск она вернулась музыкальным специалистом и много лет проработала во Дворце культуры, где когда-то работал ее отец.

...Отто Августович до конца жизни искал и первую свою семью. Он очень переживал за судьбу первой своей дочурки Регины. Но поиски были тщетны. Отовсюду приходили черствые, скупые отписки. Лишь после смерти Отто Августовича в 1993 году Регина нашлась. Она сама разыскала Инну и назначила ей встречу. Так две родные сестры встретились спустя многие-многие годы. Все это время Регина прожила в Таллинне (поэтому Отто Августович, наверное, и не мог ее найти). Когда Инна спросила сестру, а что, если бы она нашла отца не таким, каким она себе его представляла, Регина ответила: «Я не сомневалась, что мой отец хороший, что он – личность».

Характер рода Гориных

Он мне запомнился седым, худощавым, опиравшемся на палочку, но крепким, с веселым и живым блеском в глазах мужчиной. Он был одним из тех, кто прошагав дорогами войны, выжил и отдал все свои силы восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

Николай Васильевич Горин родился в ноябре 1918 года в рабочем лесном поселочке Верхние Серги. Отец работал на лесозаготовках – рубил строевой лес для бурно развивающихся строек Уральской тяжелой индустрии, а мать хлопотала по дому, где кроме Николая росли еще два сорванца-погодка, Виктор и Василий. Как и всякий сельский житель, Николай с малолетства хлебнул деревенской трудной долишки. Но именно с тех лет он пристрастился к слесарному и столярному ремеслу, какими неплохо владел отец. И кто знает, не эта ли заветная страсть оторвала его от

земли и понесла по широкому, необъятному, манящему своей новизной жизненному полю.

В 1932 году четырнадцатилетним пареньком Николай оканчивает поселковую семилетку и самостоятельно переезжает в Ревду, чтобы учиться дальше. Его берут в ФЗУ при медеплавильном заводе. Мало того, что здесь учили слесарному делу, так еще кормили и одевали в красивую ремесленную форму: гимнастерку с широким кожаным ремнем и фуражку с блестящим околышем. Юные годы летели, как птицы. Строгие учителя-наставники, первые самостоятельные задания, первая наивная любовь... После ФЗУ он три года успел поработать на заводе, а в 1938 году, когда ему стукнуло 20, его призвали в армию.

После строгих собеседований и тщательного медосмотра его вместе с небольшой группой таких же фабрично-заводских ребят направляют в 236-й полк НКВД, что был расквартирован под Москвой, в районе с. Богородское. Осенью 1941 года он должен был демобилизоваться.

Война ворвалась в их мир усленным дежрством и ожиданием немедленной отправки на место боевых действий. Но их часть была брошена на охрану общественного порядка города. И надо сказать, это решение руководства НКВД было не напрасным: сотни диверсантов и вражеских лазутчиков наводняли в те дни столицу. А осенью 41-го враг неожиданно оказался у Москвы. В октябре фашистов от окраин столицы отделяли всего 25 километров. В жернова человеческой мясорубки был брошен и их чекистский полк.

«Это страшное дело, что творилось на позициях, которые мы обороняли, - рассказывал мне Николай Васильевич, - каждый божий день с утра вначале на нас сыпались авиабомбы, потом шел основательный артобстрел, а потом противным воем завывали танковые моторы. Все кругом рушилось, корежилось, горело...». Лишь горстка людей, а с ними пулеметчик Горин, осталась от боевого полка. В боях под Москвой по официальным источникам мы потеряли в те дни 750 тысяч человек.

В декабре пополнившиеся сибиряками и уральцами наши части прорвали оборону врага и погнали его в обратном направлении. В одном из таких ожесточенных боев Николая тяжело ранило. Противопехотная мина взорвалась в двух шагах от него, разметав на куски его закадычного фронтового друга.

А после госпиталя в роте выздоравливающих бойцов его снова нашли представители НКВД. Незнакомый майор в новеньком обмундировании, вызвав Николая на собеседование, предложил ему пойти в школу разведчиков. Три месяца пролетели, как один день. Все воспитанники школы получили направления в боевые части. Получил направление и он. Но не на передовую, а в автобазу Генерального штаба. Это ж надо было попасться на глаза вышестоящим чинам НКВД строчкам его характеристик о блестящих слесарных способностях. Так и прослужил Николай Горин автомехаником в правительственных войсках, подчиненных лично Л. Берия, до января 1946 года.

А уже в феврале демобилизованный сержант с бравой фронтовой выправкой стоял в кабинете секретаря горкома партии Ревды на предмет трудоустройства по гражданской специальности. Моложавый секретарь полистал документ и, весело глядя на Николая, вдруг предложил: Пойдешь директором ремесленного училища на Дегтярку? А что? Ты дело рабочее знаешь, а руководить учебным хозяйством – не боги горшки обжигают...».

Николай Васильевич возражать не стал, он привык братья за то дело, какое ему предлагали, считая, что там он нужнее. Потянулись хлопотливые, заполненные хозяйственными заботами, будни. А в 1949 году, когда училище, руководимое им вышло в число передовых, его «настойчиво попросили» (на уровне обкома партии) поехать директором ФЗО № 22 в наш Краснотурьинск.

Наверное, никто теперь не объяснит: почему именно его направили открывать школу рабочих ремесел в нашем городе. Скорее всего, не было времени у ответственных товарищей на поиски нужной кандидатуры из числа местных производителей. А там, в Дегтярке, учебно-воспитательная база была вполне сформирована... Но факт остается фактом – новое учебное заведение начинать с нуля направили Николая Васильевича.

Он безумно скучал по своей жене Зоеньке, которая из-за отсутствия жилья с двумя малолетними сыновьями Володей и Леней переехала в Свердловск к своей родне. Он был требовательным и внимательным к подчиненным, но беспомощно бесхитростным в обустройстве собственной жизни. Два года Николай Васильевич жил в рабочем кабинете, отгородив по-солдатски скромно убранную кровать книжным шкафом. И только после вмешательства его областного начальства городские власти выделили ему долгожданное жилье.

С 1949 по 1962 год проработал Николай Васильевич Горин в ФЗО №22, которое впоследствии было переименовано в ТУ №14. Сколько за это время рабочих кадров подготовил педагогический коллектив для Богословского алюминиевого завода, треста «Базстрой и для города!

А все же неугомонный «горинский» характер не давал ему сидеть на одном, пусть хлопотном, но насиженном месте. После окончания вечернего отделения индустриального техникума, Николай Васильевич идет на прием к самому М.К. Рюмину, и тот его направляет на один из ответственных участков глиноземного производства – производственным мастером участка спекания. Он и здесь выделяется своим непоседливым характером: уже через месяц становится партийным секретарем участка, ему поручают работу председателя общества «Знание» сначала участка, потом цеха, а потом до самой пенсии – всего завода.

Он, даже уйдя на пенсию в 1975 году, не смог долго усидеть дома. Почти до 70-летнего возраста Николай Васильевич трудился механиком в тресте «Краснотурьинскмежрайгаз». И это несмотря на то, что любимыми увлечениями его были требующие огромного терпения и немалых физических затрат садоводство, автолюбительство и столярничество.

Он ушел из жизни вскоре после того, как отметил в кругу родных и друзей свое 85-летие. Но род Гориных продолжают его сын Леонид, известный на БАЗе специалист в области автоматизации производства (сын Владимир, тоже большой специалист по автоматике, умер за год до смерти отца), внук Сергей.

Лебединая верность

Его жизнь была, как яркая вспышка молнии: короткая и поразительно красивая. Участие в прославленной заводской «Шуровке», в которую, как мы теперь понимаем, он вкладывал всю свою большую и чистую душу, было его лебединой песней. А его любовь, которую он бережно пронес до последних дней своих – лебединой верностью.

Владислава Чулочникова не стало в сентябре 1980 года, когда ему было всего 43 года. Но до сих пор при упоминании его имени перед глазами встает высокий, худощавый, светловолосый, итelligentного вида, с удивительно добрыми и какими-то по-детски наивными глазами, мужчина. Он остался для всех, кто его знал, Владиком, хотя в то время был старше многих из нас, друживших с ним, знавших и любивших его.

В семье Чулочниковых очень любили музыку. Длинными зимними вечерами все вместе – отец, мама, Владик, его брат Александр и Юрий – брали в руки музыкальные инструменты и пели. Чаще всего звучали народные и фронтовые песни.

...Эти люди сблизились, чтобы появился удивительный сплав энергии и обаяния, ума и неукротимого напора, целеустремленности и трудолюбия. Владислав Чулочников и Александр Бельский., сценарист и режиссер, познакомились в далеком 1962 году, объединенные почти одним возрастом и огромной, всепоглощающей тягой к искусству. Всю жизнь они бережно хранили эту верную мужскую дружбу, ни разу не дав друг другу повода усомниться в искренности своих отношений.

Александр, окончивший к тому времени Ленинградскую высшую профсоюзную школу, работал художественным руководителем в заводском Дворце культуры, а значит, отвечал за работу по организации досуга трудящихся на предприятии. Кроме того, Бельский был назначен шефом глиноземного цеха по культурно-массовой работе. С первых дней знакомства с цеховыми талантами Александр обратил внимание на нескладного высокого паренька, работавшего аппаратчиком-гидрометаллургом на участке выщелачивания-4. Когда Бельский и Чулочников познакомились, оказалось, что оба одинаково одержимы идеей организации в цехе творческого коллектива.

17 апреля 1962 года считается днем рождения агитбригады «Шуровка». Именно в этот день впервые вышла на сцену цеховая команда. Правда, называлась она тогда «Фильтр». В ее состав, кроме создателей, вошли Юрий Чулочников, сестры Эля и Лиля Шмидт, Эля Ромадова, Боря Могильников, Женя Сердцев.

Выступления агитбригад сразу были приняты зрителями на ура. Но ее участники продолжали искать новые темы, жанры и формы воплощения придуманной идеи. В 60-е год на заводе было необычайно популярно движение КВН. Команды появлялись во многих цехах. Активисты глиноземного цеха тоже создают свою команду «Колобок», которая становится сильнейшей на заводе. В нее входили новые талантливые ребята: Женя Базарный, Семен Шмелев, Юра Огладков, Клава Шевченко, Саша Воробьев, Саша Аношкин, Лида Вейнмастер. Усиленная отдельными участниками, команда выступала за город и завод, участвовала в областном финальном туре. В 1971 году была приглашена на Центральное телевидение. Но именно в том же году КВНовское движение было неожиданно и повсеместно закрыто.

А команда осталась. Ее участники настойчиво искали новые пути применения своей творческой энергии. Решили выступать как агитбригада, придумали новое название – «Шуровка». В 1972 году неожиданно для всех «Шуровка» победила на областном смотре агитбригад. А потом стала лауреатом многих областных, всероссийских и всесоюзных фестивалей.

Я бывал у Владика дома (наши жены были близкими подругами) и видел, как он писал. Перед включенным телевизором – табуретка. Скрестив ноги, он писал на ней, готовые листы клал на пол. Рядом пепельница, доверху набитая окурками. Он писал, разговаривая с женой и гостями, искоса поглядывая на экран телевизора, и, казалось, относился к своей работе легковесно. Но какие остроумные и сатирически точные выходили из-под его пера тексты! Обыгранные самодеятельными артистами «Шуровки» они заставляли зрителей просто покатываться со смеху.

А Бельский, вспоминая Владика как-то добавил к портрету друга такие штришки: «Он, как всякий творческий человек, вечно все время что-то терял, забывал, путал. В большом городе частенько отбивался от группы. Хорошо, что был высоким – быстро находился. Был неприхотлив в еде, одежде, хотя жена Люда зорко следила за его внешним видом. Его не интересовали деньги (иногда складывалось ощущение, что он их попросту не понимал), а потому был необычайно щедрым. И всегда страшно стеснялся своей популярности.

Со своей женой он познакомился на репетиции одного из спектаклей. Это была удивительная пара. Прожив годы совместной жизни, они не смогли скрыть (да, наверное, и не скрывали) своей светлой и нежной любви друг к другу.

Они все делали вместе. Поступили на вечернее отделение УПИ, ходили на занятия, готовились к сессиям. Одно омрачало их жизнь – у них не было детей. И хотя Люда к тому времени была тяжело больна, они с Владом решились на отчаянный, по мнению многих, поступок.

...Когда они вошли в коридор Дома ребенка, на шею Владу с пронзительным криком: «Папочка!» вдруг бросился маленький светловолосый мальчишка. Так и появился в их семье Севочка – внешне очень похожий на своих приемных родителей.

А беда приближалась. Люда писала дипломный проект, лежа в городской больнице. Чуть ли не каждый месяц ездила в Москву. Ей сделали уникальную по тем временам операцию по пересадке почки. Диплом она защитила, но работать уже не смогла. Люда изо всех сил боролась за жизнь, но болезнь брала свое. В июле 1980 года ее не стало.

...Мы с женой встретили Влада две недели спустя. Он держал за руку повзрослевшего, серьезного и худенького Севочку. Глаза Влада были потухшими, а голос – хриплым. Он так и не смог пережить потери любимой жены и через 40 дней после смерти Люды умер от воспаления легких.

Осиротевшего Севочку взял на воспитание брат Владислава Юрий. Теперь Сева живет в Севастополе. После окончания мореходки он плавал на гражданских судах. Иногда приезжал в Красноурьинск. Все знавшие его люди находили еще более обозначившуюся внешнюю его схожесть с Владиком: такие же добрые и веселые глаза, такой же высокий рост, такие же светлые волосы. Он приезжал для того, чтобы навестить могилу приемных родителей и положить цветы, как знак любви к родным людям, прожившим короткую и красивую жизнь.

PS. Как-то незаметно утихла и прекратила свое существование «Шуровка». После смерти В. Чулочникова штатным сценаристом стал не менее известный в городе артист (как сейчас говорят – шоумен) Семен Шмелев. Но потом умер и он. Некоторое время с коллективом сотрудничал местный поэт Александр Рудт, а для двух последних выступлений «Шуровки» по просьбе А. Бельского сценарии писать довелось мне. Сегодня из тех ветеранов прославленной агитбригады в живых остались всего 2-3 человека. А новых артистов никто не поддержал. Появившийся новый формат реанимированного КВНа посчитал более «продвинутыми» шутки «ниже пояса», с какими выходит на публику, например, небезывестный Комеди Клуб. Как говорится, иные времена – иные нравы.

Директорский корпус.

«Отделу кадров НКМЦ в трехдневный срок представить мне на утверждение кандидатуру на должность директора Богословского алюминиевого завода...»

Народный комиссар Цветной металлургии СССР
П.Ломако»

Из приказа НК ЦМ СССР №202 от 21 августа 1942 года.

Исчадьем тягот будни спектрово,
Где каждый день, как спор с судьбой.
Ведь званье «красного» директора –
Как знамя части боевой.

Для них фортуна не советчица.
И доля, ох как непроста
Тех, кто историю Отечества
Писал с начального листа.

Краткая справка.

Список директоров Богословского алюминиевого завода:

Алексеев Николай Васильевич – ноябрь 1942 г. – март 1943 г.
Мовшович Соломон Давидович – апрель 1943 г. – март 1945 г.
Гуркин Семен Иванович – март 1945 г. – декабрь 1945 г.
Фальский (Горелик) Федор Григорьевич – январь 1946 г. – май 1948 г.
Рюмин Михаил Константинович – май 1948 г. – сентябрь 1962 г.
Кабанов Анатолий Яковлевич – сентябрь 1962 г. – май 1971 г.
Устич Павел Леонтьевич – май 1971 г. – март 1987 г.
Сысоев Анатолий Васильевич – сентябрь 1987 г. – 2005 г.

Если не считать временно исполняющих обязанности, то директоров на БАЗе до критического 2005 года (когда последний собственник – РУСАЛ – затеял административно-кадровую чехарду) было восемь. Дольше всех – 18 лет возглавлял завод А.В. Сысоев. 16 лет – у руля завода стоял П.Л.Устич, 14 лет. – М.К.Рюмин.

Разные судьбы и разные характеры. Совершенно разные люди, жившие и работавшие в непохожих условиях. Но всех их объединяло одно: высочайший профессионализм и редкая самодисциплина. Все они безусловно были личностями харизматическими, а потому, каждый из них при всех своих человеческих слабостях и недостатках остались в нашей памяти. Труднее всех, конечно, было первым. Попробуем же, хотя бы конспективно, рассказать о тех, кто начинал...

Алексеев Николай Васильевич

Его карьера была типичной карьерой «красного» директора:

1917 год. Мальчик-курьер при городском народном доме. Поселок Ижевский завод.

1920 год. Лаборант-исследователь. Ижевский оружейный завод.

1925 год. Закончил рабфак и направлен на учебу в Ленинградский политехнический институт.

1931 год. 25 лет Главный инженер Всесоюзного проектного института Гипроалюминий и одновременно главный инженер проекта ленинградского алюминиевого комбината – первенца советской алюминиевой промышленности.

1932 год. Учеба во Франции на алюминиевых заводах Гардони.

1936 год. Главный инженер Тихвинского глиноземного завода.

1941 год. Начальник строительства второго глиноземного цеха УАЗа.

1942 год. Директор Богословского алюминиевого завода.

Из воспоминаний Надежды Николаевны, жены Н.В.Алексеева:

«Вечером Колю привозили разбитого, с температурой. Но утром он снова вставал, ехал... Было это в Каменске-Уральском... Пришел Коля как-то в конце октября поздней ночью. Я смерила температуру. Почти 38, как всегда. А он радостный. Ну, как, спрашивает, товарищи женщины, устроились на новом месте? Отлично устроились?.. А зря. Переезжать придется. Перед вами директор Богословского

алюминиевого завода!.. А я в слезы: опять стройка. Опять – муки! Мы никогда с ним не ссорились. Никогда. А тут я пошла на ссору: «Никуда я с тобой не поеду! Мне живой муж нужен!..» Обнял он меня: «Пойми,- говорит, - не могу я отказаться: война! После победы лечиться будем...». И поехали мы на север... После его смерти, когда я сама пришла на завод, поняла, какую ношу он на себя взвалил. Надо глиноземный пускать, а ничего не было. Весь заводской транспорт, например, состоял из одной грузовой полуторки и двух кляч, и то арендованных у Базстроля... Но были люди. А Коля удивительно быстро сближался с ними. Уже через неделю всех знал наперечет: и рабочих, и инженеров: «С такими людьми да не пустить завод! Обязательно пустим!»

От него остались всего две фотографии. И то случайные, любительские: позировать ему было некогда. Фотографии тихвинской поры. Худолицый, большеглазый, он стоит в своем кабинете у стола, зажав пальцами левой руки папиросу, а правой рукой – телефонную трубку. Он внимательно слушает, но левая рука уже поднялась, знаменуя пришедшее решение.

Мовшович Соломон Давидович.

Соломон Давидович, как и первый директор БАЗа, тоже считался крупнейшим специалистом глиноземного производства. Он был направлен на БАЗ с Волховского алюминиевого завода. Талантливый организатор, он сразу же начал с ревизии проделанной его предшественником работы. Рабочий день его, как и у Н.В.Алексеева, был расписан по минутам:

В 7.00 – подъем, зарядка, завтрак.

В 8.00 – заводоуправление. Начинал свой рабочий день с кабинета главного бухгалтера М.И.Радугина, старого друга, с которым приехал из Москвы.

В 8.05 – встреча с руководителями цехов.

В 9.00 – в сопровождении руководителей производств выходил из кабинета и, немного картавя, бросал на ходу секретарю-машинистке: «На многострадальную ТЭЦ...».

9.00 – 17.00 – обход и объезд завода.

В 17.00 собирал расширенное совещание.

В 24.00 совещание заканчивалось, руководители разъезжались по...цехам, а директор садился за бумаги.

В 4.00 вызывал дежурную машину и ехал домой.

Соломон Давидович, как и все руководители того времени, одевался неброско, но со вкусом, отдавая предпочтение «военному» стилю. Он неизменно появлялся в добротных суконных брюках защитного цвета, во френче без ремня, в коричневом кожаном пальто. И хотя был он щупл и маленького роста, выглядел солидно, а обладая «левитанским» командирским голосом, производил впечатление волевого, уверенного в себе человека.

С.Д.Мовшович проработал директором на БАЗе около двух лет. Кроме первого гидрата, при нем были получены и первые тонны глинозема, была подготовлена к пуску ТЭЦ, практически было закончено строительство электролизного цеха.

По некоторым сведениям в 1945 году Соломон Давидович вернулся на Днепропетровский алюминиевый завод, где он начинал свою трудовую деятельность. С 1951 по 1955 год возглавлял бюро Гипроалюминия. Затем работал заместителем директора ДАЗа по капитальному строительству. При его непосредственном участии были вновь построены глиноземный и электролизный цеха, ТЭЦ, КИПиА.

Умер С.Д.Мовшович в 1989 году в возрасте 90 лет.

Гуркин Семен Иванович

Новый директор, пришедший на БАЗ в канун запуска в работу электролизного производства, имел в этом производстве богатейший опыт. Окончив в 1936 году индустриальный институт, он был направлен на Уральский алюминиевый завод, где работал инженером-технологом, прорабом монтажа электролизного цеха, старшим инженером технического отдела, начальником электролизного цеха. В 1939 году Семен Иванович принимал активное участие в пуске первой серии электролизного цеха УАЗа.

На краткий, но очень ответственный период пребывания Семена Ивановича Гуркина на директорском посту выпали счастливые минуты двойной Победы – победы советского народа в Великой Отечественной войне и пуска первой очереди электролиза.

Видимо, он был великолепным организатором пуска и наладки электролизных производств. Иначе чем иным объяснить тот факт, что и дальнейшая его судьба связана с пусковыми объектами алюминиевой промышленности.

Уже в 1946 году С.И.Гуркин по заданию правительства едет вначале в Маньчжурию, затем в Югославию, а потом в Венгрию. В 1950-51 годах он – генеральный директор завода в Венгрии (г.Будапешт)

В 1951 году в качестве главного инженера Сталинского (Новокузнецкого) алюминиевого завода Семен Иванович участвует в пуске преобразовательной подстанции и корпусов электролиза №№ 3,4,5,6.

В 1963 году С.И.Гуркин был направлен на строящийся Братский алюминиевый завод.

Трудовая биография Семена Ивановича Гуркина была по-своему счастливой. Ему выпали звездные часы пуска многих объектов металлургии. И, наверное, самый яркий и памятный: выдача первого алюминия на Богословском алюминиевом заводе 9 мая 1945 года.

Фальский (Горелик) Федор Григорьевич.

До получения диплома инженера-электрохимика Федор Григорьевич активно занимался партийной работой: был специальным порученцем в качестве уполномоченного Коминтерна в Западной Монголии, уполномоченным Наркоминдела в Туве, работником партаппаратов в г.Сарапуле и г.Перми.

В 1932 году, возрасте 35 лет он назначается заместителем начальника строительства Уральского алюминиевого завода. До марта 1937 года, пока шло возведение корпусов глиноземного цеха УАЗа, Фальский руководил строившимся цехом. В том же 1937 году его неожиданно переводят директором Полевского криолитового завода. Причину такой поспешности он узнает по приезду на место работы: буквально накануне были арестованы один за другим два его предшественника. Не избежал ареста и Федор Григорьевич – его обвинили в связях с врагами народа и пособничестве им. Однако вскоре дело закрывают (как ни «копали» чекисты, а оголять важный участок производства было себе дороже), Фальского в должности восстанавливают.

В мае 1942 года Федора Григорьевича назначают директором Соликамского магниевого завода, в июле 1944 года – директором Минцветметзолото.

На Богословском алюминиевом заводе Федор Григорьевич свою деятельность в качестве директора начал с января 1946 года. Это был тяжелейший период как для всего коллектива, так и для вновь назначенного директора. Перебои с поставкой соды и пара в глиноземном цехе, аварии на ТЭЦ, высокая аварийность электролизных ванн.

В 1948 году Ф.Г.Фальский уволился с БАЗа, уже в феврале 1949 года был назначен директором Пикалевского объединения «Глинозем», где он проработал до 1955 года.

И это называется – будни...

Именно к этому времени, к весне 1948 года, завод начал выходить из критического состояния. Стали эпизодическим явлением перебои тепла и электроэнергии. Стала крепнуть технологическая дисциплина. Резко улучшились экономические показатели.

Именно в этот переломный момент директором назначается проработавший уже год на БАЗе главным инженером Михаил Константинович Рюмин. Кто-то скажет, мол, повезло. Покрутился бы он, скажем, года три назад в этой нескончаемой круговерти проблем. Наверняка, сломался бы. Но История, как говорится, дама капризная. Так уж судьбе было угодно, что Новая История Богословского алюминиевого завода началась с даты начала директорства Михаила Константиновича.

Его популярность поражает, а иногда настораживает. Уж в чем-чем, а во всенародной любви к власти предрасположены у нас достаточно богатый опыт. И ведь секреты популизма ни для кого у нас не являются откровением, а гляди-ка ж: то мы без ума от «творца перестройки», то заморожены смелой демократичностью «уральского реформатора», то хлопаем в ладоши от эксцентричных выходов «главного либерал-демократа страны». Но когда я пытался дознаться у современников М.К.Рюмина, в чем секрет его популярности, то всякий раз убеждался в том, что природа людской любви – это единство душевного настроения. Можно принародно сплясать вприсядку, выпить залихватски стакан водки с казацкой сабли, выстоять со свечой в руках церковный молебен, дать кому-то чего-то взаймы...Но когда душа твоя пуста, она не найдет отклика в другой душе.

Михаил Константинович Рюмин родился в 1900 году. Он был ровесником века, а потому его судьба – это судьба отгремевшего, отшумевшего века. Века дерзновенных открытий и века неслыханных войн. Века расцвета цивилизации и века общественных катаклизмов. Его родина – Петроград, родители: отец – служащий, мать – фельдшерница-акушерка. С 1919 по 1922 год он проходил службу в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Он никогда не вспоминал об этом периоде времени, как не вспоминал о преподавательстве на Выборгских районно-механических курсах и в политпросветшколе. Он очень скупно рассказывал о том, что целый год (1926-1927) был зимовщиком на Новой Земле.

В 1927 году Рюмин поступил учиться в Ленинградский горный институт. В 1931 году он был направлен на Волховский алюминиевый завод, где трудился сменным инженером, заведующим производством, а затем начальником электролизного цеха.

В 1939 году его направили на пуск Уральского алюминиевого завода – начальником цеха электролиза, затем М.К.Рюмин стал начальником производственного отдела завода.

С 1942 по 1947 год Рюмин участвовал в строительстве и пуске Новокузнецкого алюминиевого завода, работая начальником электролизного цеха, позже заместителем главного инженера.

В 1947 году он – главный инженер Богословского алюминиевого завода. Михаил Константинович был, без преувеличения, легендарной личностью в городе. О нем из

уст в уста передаются истории – как о Директоре с большой буквы. Он мог запросто приехать на свадьбу к известному футболисту, поздравить, сделать подарок. Мог дать деньги взаймы. С рабочими здоровался за руку, ездил с ними на рыбалку – об этом всем рассказывают люди и сегодня. Как-то, когда не было наличности в кассе, а рабочие должны были получить зарплату, просто выложил на стол все свои деньги, чтобы кассир раздала понемногу всем, стоящим у кассы.

Он, как пишет в своих воспоминаниях сын Рюмина – Виктор Михайлович, всегда помогал слабым, мог простить ошибку, но не переносил невежества, лени и лжи.

Михаил Константинович единственный из бывших директоров завода, чьим именем названа одна из улиц города. «С уходом Бати, - писал в конце 70-х годов автор книги «Вставший на крыло» Борис Путилов, - ушла потихоньку из Краснотурьинска его громкая спортивная и художественная слава». Забегая вперед, можно сказать, что эта слава вернется. Значительно позже. В другое время и при другом директоре завода...Хотя – тоже ненадолго.

«...Надейся только на себя...»

Когда Батя умер, его хоронил весь город. Электролизники несли гроб на руках от квартиры, где жил Рюмин, до самого кладбища. Но жизнь не стояла на месте. И через небольшой промежуток времени, в том же 1962 году, на пост директора БАЗа назначается Анатолий Яковлевич Кабанов.

Конечно же, ему было нелегко ощущать на себе пристальные оценивающие взгляды окружающих его людей: слишком высоко была поднята планка организаторского искусства его предшественником. Он старался, как мог.

А мог он очень многое. Он был совсем не прост, как казался внешне. У него было нелегкое детство. Анатолий Яковлевич родился в 1914 году в г.Златоусте в семье служащего. В 1932 году закончил ФЗУ по профессии электромонтажника, решил поступать в Уральский индустриальный институт (УПИ). Отца к тому времени уже не было в живых, мать тяжело болела. Помощи ждать было неоткуда, и мать ему сказала: «Учить тебя некому, надейся только на себя...»

Он никому не рассказывал, как ему далась учеба. Но можно только догадываться, как можно было в одиночку пробыть и выжить. А он не просто выжил – он закончил институт с отличием и был направлен на Магнитогорский металлургический комбинат. С 1940 по 1962 год Анатолий Яковлевич трудился на Уральском алюминиевом заводе. Свою карьеру он начинал с должности механика электролизного цеха. Затем он – инженер, начальник бюро отдела главного механика, заместитель, а затем с 1951 по 1953 год – главный механик.

В 1954 году Анатолию Яковлевичу доверяют руководство Уральским алюминиевым заводом. На заводе были опытные технологи, но директором назначили все же специалиста-механика. Ни дня, ни часа не понадобилось вновь назначенному директору на изучение проблем завода. Он их знал досконально. Знал коллектив, специалистов, так же, как и они хорошо знали и уважали его.

На УАЗе Анатолий Яковлевич прошел хорошую школу жизни. Здесь обзавелся друзьями. Здесь пережил личную драму, оставшись один с тремя дочками-подростками. Забегая вперед, можно сказать, что с главной своей ролью – ролью отца Анатолий Яковлевич справился прекрасно: дети получили хорошее образование, стали прекрасными специалистами.

Он стал директором БАЗа, имея за плечами восьмилетний опыт директорства на УАЗе. А потому сразу же включился в работу, на ходу вникая в особенности производства. Механик по образованию, он питал слабость к механизации и

автоматизации производства. Большое внимание уделял подбору и обучению кадров. Как отзывались об Анатолии Яковлевиче сослуживцы, у него было особое чутье на людей, на профессионалов. И если уж он доверял, то доверял во всем. Был человеком выдержанным. Никогда не повышал голос, не любил отзываться о людях плохо за глаза.

В 1971 году А.Я.Кабанов соглашается на предложение из Москвы возглавить «Вторцветмет». Умер Анатолий Яковлевич 25 июля 1978 года от инфаркта.

Целеустремленность. Напористость. Эмоции.

Его характер уже в юношеские годы давал знать о себе. «25-летний инженер становится вершителем технической политики в богословском электролизе. Именно в эти годы значительно отстававший даже от отечественных электролизных цехов, он выйдет на уровень мировых стандартов – и по производительности, и по культуре труда», так пишет о Павле Леонтьевиче Устиче уральский писатель Борис Путилов в книге «Вставший на крыло».

Павел Леонтьевич родился в 1928 году в городе, сегодня ставшим известным в связи с трагическими событиями недавнего времени – г.Буденовске. Детство его кончилось рано: восьмилетним мальчонкой он потерял отца, который погиб, спасая колхозную отару. Несмотря на материальные невзгоды, в школе он учился на «отлично». Легко поступил в Северо-Кавказский горно-металлургический институт и в 1949 году окончил его по специальности «инженер-металлург».

Когда молодой специалист Павел Устич приехал по распределению в Краснотурьинск на Богословский алюминиевый завод, он не мог представить себе, что уже никогда не захочет уезжать отсюда и что вся его трудовая биография будет связана с этим заводом.

Первая должность Устича на БАЗе было – инженер ПТО по глинозему. Но он считал, что настоящий мужчина должен находиться у огня и настойчиво просился в электролизный цех. И начал свою работу в этом цехе...с простого рабочего! Теория – теорией, а настоящей школой своей трудовой жизни, он всегда считал, стали те полгода тяжкого труда электролизником.

Уже через год, в 1950 году, молодого инженера поставили начальником смены на 1-м корпусе. Характерно, что в характеристике на Устича начальник цеха Г.А.Иванов наряду с положительными эпитетами пишет: «...имеет очень большое мнение о себе». И, видимо, это здоровое самолюбие и заставляло энергичного юношу настойчиво постигать премудрости электролизного производства. Заставляло заявлять о себе, как о грамотном специалисте, рационализаторе и изобретателе.

С января 1962 года П.Л.Устич был назначен начальником первого электролизного цеха, а в 1963 году после объединения двух цехов в один он становится начальником этого цеха. Под его руководством электролизный цех одним из первых на заводе получил звание «Цех коммунистического труда». Работая вначале заведующим производством, а затем начальником цеха, П.Л.Устич очень серьезно относился к сохранению добрых традиций коллектива. Памятуя о том, что лучший аргумент – это личный пример, он долгие годы был участником хора электролизного цеха, которому в 1975 году было присвоено звание «Народный».

В 1967 году по рекомендации А.Я.Кабанова Союзалюминий утверждает П.Л.Устича в должности главного инженера Богословского алюминиевого завода. В этот период завод развивает тесное сотрудничество с наукой. Создавая благоприятные условия для работы ученых на заводе, Павел Леонтьевич сам был автором или соавтором 29 изобретений по электролизу и 38 рацпредложений. Устич не боялся

рисковать, но этот риск всегда был обоснован глубокими инженерными знаниями и практикой. Авторитет П.Л.Устича как специалиста и руководителя ценили не только заводчане, но и ученые, с которыми он долгие годы работал в тесном контакте.

После отъезда А.Я.Кабанова в Москву в 1971 году приказом Минцветмета П.Л.Устич был назначен директором Богословского алюминиевого завода. В должности директора завода он продолжает политику расширения и совершенствования глиноземного производства, освоения нового оборудования, механизации и автоматизации производства. И конечно, главной его заботой остаются проблемы электролизного цеха, где не прекращается процесс реконструкции и совершенствования электролизеров, осваивается выпуск новых видов продукции.

Все, кто близко знал Устича-директора, отмечают его самое сильное качество – производственник до мозга костей. И еще: «грязный и вспыльчивый, но совершенно не злопамятный; в любых сложных ситуациях ему помогал юмор».

Я, работая в годы его директорства старшим механиком литейно-механического цеха, не раз присутствовал на совещаниях, оперативках, собраниях, которые проводились с его участием. Отчетливо помню ощущение школяра, не выучившего урок. Он был максималистом, не делая поблажек ни себе, ни своим подчиненным. При нем завод был сплошной стройплощадкой. Буквально все подразделения треста «Базстрой» трудились на реконструкции или ремонте цехов БАЗа. Любопытны были взаимоотношения Павла Леонтьевича с руководителями треста. При всем его уважении к ним, он всегда не выдерживал их постоянной необязательности и буквально взрывался на их доводы. Его эмоции выплескивались столь бурно и в такой форме, что становилось искренне жаль его оппонентов. Это Павел Леонтьевич ввел «воспитательные» оперативки, четверговские «дни охраны труда», ежемесячные «дни мастера», пятничные дни уборки территорий. Помню, как он выговаривал начальнику цеха за то, что тот оторван от коллектива, чурается коллективных поездок на «Шихан» или в лес за грибами и ягодами.

Многое может сказать о характере Павла Леонтьевича такая черта, как любовь к детям и животным. То, что он обожал дочь Лену и своих первенцев-двойняшек Владимира и Сергея, не удивительно. Но у него была дружба и понимание и с детьми своих друзей, он заботился о детях-сиротах из школы-интерната и Дома ребенка. При нем помощь этим учреждениям была постоянной.

Ну а вообще-то домом и детьми всю жизнь занималась его добрая и верная подруга и жена Вера Михайловна, тоже всю жизнь проработавшая на заводе, мастером ЦПП. Нелегкую долю жены директора, большую часть суток находящегося на заводе, она несла как должное, понимая, что главное для Павла Леонтьевича – его Дело.

Большое внимание П.Л.Устич уделял строительству жилья, развитию сельского хозяйства, улучшению быта и культурного досуга трудящихся завода и города. По его инициативе был построен для работников завода дом отдыха «Металлург», а также профсоюзная и техническая библиотеки.

Издержки плановой экономики привели к тому, что завод в 1986 году впервые за много лет не выполнил государственный план по глинозему. В те годы это приравнивалось к ЧП всесоюзного масштаба. Павел Леонтьевич тяжело заболел, а в марте 1987 года ушел на пенсию по состоянию здоровья.

Павел Леонтьевич умер в 1995 году в возрасте 67 лет.

Будем хорошо работать – будем хорошо жить?

С именем этого человека связана вся новейшая история Богословского алюминиевого завода. История непростого времени. История, где есть покуда свои «белые пятна», связанные с приватизацией БАЗа. История, где взлеты и громкие победы перемежаются с досадными неудачами.

Анатолий Васильевич Сысоев родился в 1935 году в г.Златоусте Челябинской области в семье рабочего металлургического завода.

В школе он мечтал стать моряком. Незаурядные способности, здоровье и характер этого молодого человека позволяли выбрать любую профессию. И как знать, каких высот достиг бы он в морской карьере, но он сделал другой выбор. В 1953 году Анатолий Васильевич поступил учиться в Каменск-Уральский алюминиевый техникум по специальности «Металлургия легких металлов». И в школе, и в техникуме (позже – в армии) он активно занимался спортом – футболом, лыжами. После окончания техникума в 1956 году Анатолий Сысоев был направлен на Новокузнецкий алюминиевый завод. Работал электролизником, затем механиком, мастером смены, старшим мастером. С 1957 по 1960 год – служба в Советской Армии.

В 1967 году Анатолий Васильевич заканчивает Красноярский институт цветных металлов и надолго связывает свою судьбу с Красноярским алюминиевым заводом. С 1968 по 1982 год он работает здесь старшим мастером корпуса, заведующим производством, начальником электролизного цеха, начальником технического отдела, заместителем главного инженера, заместителем директора.

В 1982 году А.В.Сысоев, как специалист, имеющий богатый производственный и научный опыт, был приглашен на должность главного инженера Таджикского алюминиевого завода. В 1987 году в Министерстве цветной металлургии Анатолию Васильевичу предложили возглавить Богословский алюминиевый завод. (приказ о назначении был подписан 5 августа 1987 года).

Новый директор начал свою работу с ежедневного делового обсуждения результатов предпринимаемых действий. Одновременно с решением производственных задач, с выводом из прорыва глиноземного цеха он с присущей ему настойчивостью решает проблемы соцкультбыта и жилья. Перед заводчанами директор поставил простую и конкретную задачу: «Будем хорошо работать – будем хорошо жить».

В новых условиях хозяйствования не устояли многие промышленные гиганты. А Богословский алюминиевый завод выжил, расширив производство не только основной продукции, но и товаров народного потребления, создав многие вспомогательные производства. Огромное внимание Генеральный директор уделял капитальному строительству. Своевременно созданная им собственная база по производству основных строительных материалов, изделий и конструкций, позволила на 90% комплектовать потребность заводских новостроек.

Трудно переоценить личный вклад Анатолия Васильевича в развитие нашего города, в строительство жилья, соцобъектов и объектов культуры, в реконструкцию дорог и городской площади. Он лично инициировал проекты озеленения и дизайнерско-архитектурных решений.

Он не дал развалиться убыточным предприятиям города (трест «Базстрой, ПТЦ «ЯСА», кирпичный завод, ЗЖБИиК, подсобное хозяйство), став их собственником. И можно сейчас много спорить по этому поводу, но всем очевидно, что только благодаря ему эти предприятия выжили. Анатолий Васильевич их «взял под свое крыло» не для сиюминутной выгоды (как это делают сплошь и рядом нивесты откуда взявшиеся новые собственники), а для того, чтобы вдохнуть в старые технологии и в износившиеся основные фонды новое содержание. И никто до сих пор не может объяснить: а для чего это ему надо было? Для чего ему на склоне лет (Анатолию Васильевичу в те времена было уже под 70) нужны были все эти треволнения и головные боли?

Его понимали только очень немногие. Он был чрезвычайно амбициозен. Анатолий Васильевич за долгие годы руководящего труда выработал в себе характер – при высочайшем аскетизме необычайная трудоспособность. И если бы не эта нелепая, так глубоко всколыхнувшая городскую общественность история с полуразрушенными зданиями бывших детских садилов, которые Анатолий Васильевич так и не передал муниципалитету, если бы не чрезмерно большие траты на женские шахматные турниры и разные прочие помпезности, то его так бы и поминали краснотурьинцы только хорошими словами.

Но критерии оценки личностного вклада А.В.Сысоева в судьбу БАЗа, думается, должны быть иными, чем те, что применялись в отношении прежних директоров. Ведь именно он стоял, как тот рыцарь, на распутье у камня с надписями, казывающими направление пути. И надо было очень крепко подумать, прежде, чем решиться, потому что от того решения зависело будущее не только завода, но и города... Куда он повернул – Бог ему судья...

Добрый свет большой души

Я понимаю, как сложно в нынешнее время делового прагматизма и размытых нравственных ориентиров убедить молодое поколение в том, что практически вся долперестроечная эпоха (кроме, возможно, восьмидесятых годов), которую идеологи «неодемократии» красят только в черные тона, была эпохой энтузиазма, эпохой созидания. Понять ли нынешним молодым, что люди, занятые в те годы в сфере идеологии, чувствуя свою сопричастность к большому, общему делу, жили настолько активно, что вся хозяйственная и культурная деятельность страны и каждого насеоенного пункта была подчинена ими заданному ритму? Но это быдо именно так, и к таким людям относится человек, о котором я хочу рассказать.

Человек этот известен практически каждому взрослому краснотурьинцу. С его именем связаны многие замечательные, а порою просто знаковые явления в жизни нашего города. Он Почетный гражданин Краснотурьинска. Сменив в 1971 году прописку на екатеринбургскую, он, несмотря ни на какие обстоятельства, приезжал в наш город на все праздники, потому что душа его была прописана здесь. Здесь прошла его комсомольская юность, здесь он прошел школу мужания, здесь он нашел применение своему неумному темпераменту, отдав свои лучшие годы строительству хозяйственной и культурной сфер Краснотурьинска. Этот человек – Николай Миронович Тишкин.

Он родился 10 июня 1928 года в селе Рождествено Скопинского района, что раскинулось в живописной луговой пойме местной речушки, в 200 километрах от Рязани. Отец, Мирон Иванович, крепкий и рачительный хозяин, имел большой добротный дом, неоглядное угодье и полное подворье скота. Имелись даже пчел, за которыми полный, персональный пригляд был с раннего детства поручен почему-то Николаю.

По разному сложилась судьба его братьев и сестер. Николаю после окончания семилетки разрешили уехать из отчего дома в районный город Ступино на учебу в местном горном техникуме. Так судьба делает первый крутой поворот в жизни молодого рязанского парня, так она ставит его на первую ступеньку лестницы, ведущей к будущему делу всей жизни.

В 1949 году Николай по распределению направляется в трест «Волчанскуголь», где его назначают мастером-электромехаником.

Он сразу со свойственной ему энергией включается в рабочую и общественную жизнь предприятия, и, спустя совсем короткое время, избирается на должность

освобожденного комсомольского секретаря треста. В те годы комсомолия треста входила в состав Краснотурьинской городской организации. Николай становится заметен во всех еделах и мероприятиях, и в 1954 году судьба ставит его не новую, уже вторую ступеньку жизненной лестницы – его избирают первым секретарем ГК ВЛКСМ.

«Какие это были замечательные годы, - поделилась с автором воспоминаниями работавшая с 1950 по 1956 годы вторм секретарем ГК ВЛКСМ Александра Васильевна Рожкова, - Николай Миронович, худощавый, симпатичный и необычайно подвижный, быстро стал душой комсомольского актива...какими только делами не занимались комсомольцы тех лет...мы шефствовали над пионерией, проводили субботники с воскресниками, объявляли важные строительные объекты комсомольскими стройками и в свободное от основной работы время работали там.

С нашим немалым участием были построены трамвайные пути, завод ЖБИК, стадионы на Рудничном и Волчанске, кинотеатр «Россия». Мы организовывали всевозможные концерты и фестивали, устраивали карнавалы и факельные шествия...Помню, на водной сколачивали большущие плоты, садили туда духовой оркестр, и вся площадка перед Дворцом была заполнена танцующей и поющей молодежью. Мы проводили различные спортивные соревнования...

Николай был настолько непоседлив, что даже на городских комсомольских конференциях перед их началом при первах тактах плясовой начинал свою «цыганочку с выходом». Он был открыт, честен и скромен. Мы знали, что у него всего один костюм, который уже давно просил замены. Так вот, мы с девчонками из актива скинулись и попросили знакомую портниху сшить ему брюки...Как он был смущен и тронут...».

«Ой, конечно же, в него были влюблены многие девчонки...- вспоминает член городского комитета комсомола тех лет Полина Николаевна Захарова, - но он никогда и никому не давал повода подозревать его в недостойных вольностях.. Понимете, врем было такое...Сколько персональных дел приходилось рассматривать в связи с «аморальным» поведением того или иного комсомольца. Конечно, порой перегибали палку, но идеал «чистой» любви были для большинства из нас свты...

В 1954 году Николай простудилс и серьезно заболел. Его, едва оправившегося после тяжелой болезни, по настоянию областного комсомольского руководства, направили в один из санаториев Перми. Уехал он долечиваться усталым и похудевшим, а вернулся бодрым и не один – с худенькой, миловидной девушкой по имени Лия, врачом того санатория, где отыхал».

Поселились молодые в доме по улице 8 Марта в скромно обставленной квартирке (Николай Миронович с семьей так и прожил в ней до самого отъезда из Краснотурьинска – это ли не пример скромности для всех нынешних маломальски прорезавшихся городских чиновников?). И постоянно там теснились гости. Шли с работы после бурного заседани – всей комсомольской гурьбой запросто заваливались к Тишкиным. Пили чай, заедаая нехитрой снедью, выставленной на стол улыбчивой и доброжелательной хозяйкой. А потом пели под гитару веселые комсомольские песни.

Современный архитектурный облик нашего города был сформирован в 60-70-е годы, когда Н.М. Тишкин был первм секретарем ГК КПСС. Кто помнит атмосферу тех лет, тот знает, что это такое – ощущение массового строительного бума. То там, то тут возникали строительные площадки. Возводились восточная часть города и Заречье.

В 1972 году бл сдан в эксплуатацию Дворец пионеров, в финансировании которого помог «паренек с Рудничного», а тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Тяжелников. Еще раньше сдавались художественная школа, музыкальное училище, краеведческий музей, центральная библиотека, ОТФ УПИ и

железнодорожный вокзал. Появились новый памятник Ленину, мемориальный комплекс на бульваре Мира.

Рабочий день, по воспоминаниям очевидцев, у Николая Мироновича начинался в 6 часов утра с объезда всех без исключения новостроек и бесед с рабочими и прорабами. Не удивительно, что текщей информацией по любой стройке он владел порою лучше, чем руководители строительных управлений. Он всегда был недоволен объемами и темпами работ, он выжимал из строителей все возможное и невозможное. И город хорошо шел на глазах.

«Конечно, - скажет сегодня иной из нас, - в те годы строить было проще, ведь все капитальное строительство финансировалось централизованно – из Москвы. И деньги на эти цели отпускались немалые». Отчасти, да. Но надо знать, что и в те годы финансовые потоки в какой-то степени реагировали на так называемый «человеческий фактор». И, к примеру, финансирование таких объектов, как краеведческий музей, железнодорожный вокзал и мемориальный комплекс на бульваре мира – это отдельные, весьма занятные истории, подробности которых пусть так и останутся только в памяти их фигурантов. Победителей, как говорится, не судят.

Именно в сфере городского строительства организаторский талант Николая Мироновича проявился в полной мере.

Ушел Н.М. Тишкин на заслуженный отдых в 1998 году в возрасте 70 лет.

Сейчас уже его нет в живых. Остались дочь Татьяна и сын Андрей (они связали свои судьбы с Екатеринбургом) и внучки Наталья и Полина. И еще остались мы, благодарные жители Краснотурьинска, которым Николай Миронович оставил в наследство свою добрую душу.

Он не мог жить без людей

А многие ли сейчас вспомнят о другом нашем земляке, много сил и здоровья отдавшего процветанию родного города – Нечкине Леониде Ивановиче? Наверное, только те, кому за 40 лет. И то не все из них. Кто-то назовет его последнее место работы – директором профессионально-технического училища №103. И лишь немногие вспомнят ту его должность, работая на которой он оставил след в истории градостроительства нашего родного Краснотурьинска – должность заместителя председателя городского Совета народных депутатов.

Он прожил яркую, красивую и честную жизнь. Жил азартно, работал влеченно. Был неудержимо горяч, энергичен, целеустремлен. Он был душой любой компании. Его любили (не то слово – обожали) женщины, а он до конца жизни оставался примерным семьянином. Он ушел из жизни на 78-м году жизни, из которых на пенсии пробыл всего 6 лет – и то после того, как жестокая болезнь окончательно свалила его в постель.

Я смотрю на его фотографию, которая сопровождала мою о нем публикацию в местной газете. Он стоит на ней молодой (22-летний), в военной, ладно подогнанной форме, удивительно похожий на Владимира Высоцкого. И вспоминаю неторопливый рассказ о нем его мудрой и по-домашнему доброй жены Клавдии Васильевны, которой, к сожалению уже тоже нет в живых.

Леонид Иванович Нечкин родился в 1923 году в поселке Ис, известном поселении золотодобытчиков, что под Нижней Турой. Семья Нечкиных, потомков известных в поселке коренных старателей, жила в добротном и ухоженном доме, где и быт, и уклад соответствовали мнению окрестных жителей о его обитателях. Жила, особого достатка не испытывая, но и не беднее других. Дети (а кроме Леонида в семье росли два брата и сестра) всегда были сыты и обуты. С малолетства были приучены к труду. Шустрый и любознательный Леонид учился легко, а энергии хватало и на детские

игры, и на спорт, и на выполнение общественных поручений. Он уже с детских лет не мыслил себя вне общественной работы, активно участвуя и в пионерских мероприятиях, и в комсомольских делах. Когда в поселке открылся СТЮЗ (самодельный театр юного зрителя), то он сразу же стал и душой его, и одним из художественных руководителей.

Десятилетку Леонид закончил в 1939 году. А осенью 1940 года его призвали в армию. И разве он мог знать тогда, молодой и самонадеянный, что жизнь ему готовит суровые испытания, бросив в самые первые месяцы жестокой и кровавой войны на один из самых тяжелых участков Западного фронта? Разве мог он предположить, что пройдя краткосрочные курсы, молоденьким лейтенантом будет командовать взводом, отражая яростные атаки превосходившего по силам противника в 1942 году на позициях Донского фронта? Разве мог он предугадать, что его энергичного, смелого и нетерпеливого, судьба в конце концов пощадит, сохранив ему жизнь и позволив зацепить его всего лишь двум пулям?

В 1945 году, отпраздновав Победу, он получит краткосрочный отпуск, чтобы съездить домой и повидаться с родными. А потом – снова армейские будни. Он хотел связать свою жизнь с армией, он очень гордился своей офицерской формой и характером, казалось, был создан для суровой армейской службы... Но судьбе было угодно распорядиться его жизнью иначе. Полученные на фронте ранения дали вдруг знать о себе сильными болями, и в 1948 году он вынужден был уйти в отставку и начать новую – гражданскую жизнь.

А эта новая жизнь уже требовала скорейшего решения всех бытовых проблем, потому что тогда во время краткосрочного отпуска он успел обзавестись семьей.

... Уже в зрелом возрасте Леонид Иванович как-то в кругу своих друзей признался: « Всем, что я имею, чего добился и чем живу, я обязан моей Клавочке... ». Он сказал это при ней, и она до конца своей жизни помнила его добрую, бесхитростную улыбку и лукавый взгляд в ее сторону.

Ей шел девятый год, когда она с родителями переехала в поселок Ис. А соседскому мальчишке Лене, что жил в доме напротив, шел десятый. Конечно она выделяла его из других мальчишек, которых знала, за веселый и заводной характер, за его бойкость и независимость, была благодарна за его о ней заботу (он в конце каждого учебного года бережно складывал в стопку и приносил ей специально для нее сохраненные учебники), но... только и всего. Ей нравились и другие мальчишки, с которыми она играла в популярные тогда лапту, казаки-разбойники, пряталки. В СТЮЗ, куда затащил ее Леня, она узнала своего вихрастого соседа уже с другой стороны. Он был прирожденным артистом! Как он бесподобно играл старика в спектакле «Василиса Прекрасная!» Как зрители ему аплодировали! А Клаву, которой досталась тогда роль кота, он терпеливо и деликатно обучал правильному и естественному мяуканью.

Все мальчишки с ТЮЗа уходили в армию почти в одно и то же время. Девчонки их дружно провожали, организовали прощальный концерт. Смеялись, шутили, балагурили... Не обошлось, конечно, без слез. Шел 1940-й год...

Всю войну Клава получала письма от ребят, друзей по бывшему СТЮЗу. И во всех тех письмах звчала тихая грусть по дому, по веселому детству, по оставшимся дома родным и друзьям. И во всех письмах проскальзывали непривычные, нежные и ласковые слова взрослеющих мальчишек, прозрачные намеки на проснувшиеся чувства.

В 1945 году Клава училась в техникуме. Никуда не ходила, замкнулась в четырех стенах. И почему-то расстроилась та постоянная переписка с друзьями-мальчишками. Кто-то навсегда остался на полх отшумевшей войны, а кто-то был на пути к родному дому... Только однажды на пороге ее дома вдруг появился он, тот, кого она стала видеть во всех своих последних девичьих снах – возмужалый, щеголеватый и красивый лейтенант Леня. Он был, как всегда, собран и деловит. И после

трогательного объяснения в чувствах, после милого щебетанья о прожитых годах разлуки он по-военному четко изложил план их дальнейшей жизни:

- Значит так, сейчас я в краткосрочном отпуске. Завтра идем в ЗАГС и переезжаем к моей матери: у нее места побольше. А окончишь техникум, заберу тебя к себе в Брест.

А на ее вопрос про обещанность такой спешки со свадьбой ответил с наивной откровенностью:

- Боюсь, как бы другие ребята не перехватили...

В Брест он ее увез в 1947 году. Там у них и родилась дочка Лариса. А в 1948 году Леня демобилизовался по болезни. Так они оказались в далеком северном уральском городке Ивделе.

Здесь, на Северном Урале, молодому фронтовику сразу предложили партийную работу. Леонид Иванович, по натуре человек энергичный и общительный, сразу окунулся с головой в хозяйственно-бытовую жизнь города, работая в горкоме партии на должности инструктора. Жена его тоже пошла работать. Имея за плечами горный техникум, она устроилась на один из участков Южно-Заозерского прииска. Здесь, в Ивделе, у них родился сын Юра, любимец и баловень семьи.

В 1953 году Леонид Иванович переезжает в Красноуральск. И устраивается на Турьинский медный рудник начальником смены. А Клавдию Васильевну берут в горисполком на должность ответственного секретаря. Она проработала в этой должности именно в те годы, на какие приходится расцвет и становление Красноуральска. Она переживет смену шести (!) председателей горисполкома. И во всех постановлениях городского органа исполнительной власти тех лет будет стоять и ее подпись.

А Леонид Иванович, окончив Уральский политехнический институт, в 1964 году становится начальником инспекции Госгортехнадзора и работает в этой должности до 1971 года. До того момента, когда на сессии городского Совета народных депутатов его не изберут заместителем председателя горисполкома.

Вот, где в полной мере проявилась неукротимая его энергия, бьющая ключом, его вечная заряженность на поиск новых идей, его потрясающая работоспособность. Он как-то сразу сблизился с тогдашним первым секретарем городского комитета партии Николаем Мироновичем Тишкиным, найдя в нем единомышленника и близкого ему по духу человека. Они потом всю жизнь будут дружить семьями, находя друг в друге опору, поддержку и душевное понимание. А работа, за которую взялся, засучив рукава, Леонид Иванович, оказалась именно той, к какой стремилась его деятельная натура: среди прочих его обязанностей, главной стала ответственность за гражданское строительство в городе. Именно в эти годы начинается массовая застройка микрорайонов, строится вокзал, художественное училище, школа №1, начинается строительство городского рынка.

Было много вопросов со сторон руководителей города по поводу выбора площадки под рынок

- На кой черт ты там строишь рынок, - со свойственной ему прямоотой спросил его как-то директор БАЗа П.Л. Устич, - кто туда будет ходить?

- Вот ты туда и пойдешь, - ответил ему, улыбаясь, тем же тоном Нечкин. - И все остальные пойдут...Зато места хватит там не только на павильоны для овощей и фруктов.

Леонид Иванович лично ездил в Ленинград с заказом на новый памятник Ленину: старый разваливался, и его уже устали латать. Сам пробивал и строительство новой АТС, ради оформления предпроектной документации на которую пожертвовал даже своим отпуском.

Но годы и болячки, доставшиеся ему как последствия фронтовых ранений, брали свое. В 1977 году Леонид Иванович переходит на должность директора ПТУ №103.

Но разве с его характером он мог не зажечь живой искрой инициативы дел своих новых сослуживцев? Жизнь этого уважаемого учебного заведения за период директорства Л.И. Нечкина (1977-1994 годы) стала яркой страницей в его богатой на события истории.

А в 2001 году Леонида Ивановича не стало...

Я вспоминаю нашу последнюю встречу с Клавдией Васильевной в ее уютной, скромно меблированной комнатке дома по улице Базстроевской. Листая семейный альбом, она задумчиво сказала:

- Вы знаете, фотография была одним из главных увлечений мужа... Он не любил рыбалку с охотой, не был болельщиком... А любил нашу дачу на Медной Шахте и старушку-машину – жигулевскую «копейку», в которой вечно что-то латал. На даче все делал своими руками. Вот только домик ему помогал стоять... Тишкин. Да-да, Николай Миронович. Он своего сада не имел, а у нас готов был работать до позднего времени.

Я смотрел на фотографии, где Леонид Иванович, в молодости очень мужественный и красивый, весело смотрит в объектив фотоаппарата, и, явно ощущая влияние его огромной, доброй, жизненной силы, помню, не удержался от вопроса:

- Клавдия Васильевна, а женщинам он нравился?

Она грустно улыбнулась в ответ:

- А как же? Такой мужчина не мог не нравиться...

- А он...

- Ну кто ж его знает? Думаю, что и он влюблялся, наверное. Бывало порой такое предчувствие... Но он никогда не давал мне повода подозревать его в измене. Он был очень домашним. Я всегда ощущала его заботу обо мне... Мы ни одного отпуска не провели порознь друг от друга.

Помню, она, задумчиво разгладив старую фотографию, еще сказала:

- Он очень любил людей. Жил работой и вечными рабочими хлопотами, забывая о себе и не приветствуя разговоров о материальном благополучии. Вы не поверите, ведь даже вот эту квартиру получил не он, а я.

И когда мы с ней прощались, Клавдия Васильевна очень настойчиво попросила:

- Только, ради бога, ничего не пишите про меня...

Не получилось, уважаемая Клавдия Васильевна, выполнить Вашу просьбу (и, я надеюсь, Вы меня великодушно простите). Как мог я рассказать о Вашем муже, не упомянув Вас? Ведь не случайно же в огромном количестве семейных фотографий, любовно сделанных руками Леонида Ивановича, преобладают Ваши снимки.

Необычные факты, догадки и предположения.

Российский алюминий. XXI век.

Алюминий по сравнению с другими конструкционными материалами характеризуется значительно меньшей плотностью, высокой коррозионной стойкостью, легкостью формования и обработки, способностью к стопроцентной вторичной переработке, огнестойкостью, высокой электропроводностью, стойкостью к низким температурам.

Мировые подтвержденные запасы бокситов – основного сырья в алюминиевой промышленности – составляют около 27 миллиардов тонн, в 1999 году было добыто 127,6 миллионов тонн

Конструкции из алюминия требуют более низких затрат в течение срока службы и практически не нуждаются в ремонте. Обладая хорошей гибкостью, алюминиевые конструкции эффективно несут нагрузки и значительно снижают затраты на

сооружение фундаментов и опор. Это позволяет в сжатые сроки производить модернизацию строительных сооружений, мостов, путепроводов и т.п.

Во всех видах транспорта присутствие алюминия обеспечивает повышение скорости и безопасности движения, экономию энергии.

Применение алюминия в транспорте, упаковке, быту и т.п. и практически полная возможность его рециркуляции способствуют улучшению экологии.

Безусловно, расширение потребления алюминия будет зависеть от глобальных мировых процессов развития экономики и покупательского спроса, в то же время уникальные качества легкого металла делают его конструкционным материалом для высоких технологий, следовательно – металлом для будущих поколений.

Примеров тому предостаточно. Самолеты, высокоскоростные средства транспорта, алюминиевая посуда, упаковка пищевых и медицинских продуктов, напитков, современные здания и сооружения – все это не просто употребление алюминия в традиционных конструкциях и технологиях, это, прежде всего, новые технологии, радикально изменяющие условия жизнеобеспечения человека и технического прогресса.

Как же развивалась алюминиевая промышленность России в течение последних десяти лет? Эти годы можно считать первым этапом развития в новых экономических условиях, когда основной целью была задача максимального извлечения прибыли, главным образом, на базе производства первичного алюминия. Положительное значение этого этапа подтверждено позитивными результатами работы алюминиевой подотрасли в течение всех лет реформы. Она не только выстояла, но и нарастила свое производство, превысив показатели, достигнутые в годы плановой экономики.

Вертикальная интеграция алюминиевой промышленности России – новый качественный этап в ее развитии. Вот что в связи с этим пишет авторитетный международный журнал *Aluminium International Today*, выходящий в Великобритании:

«Новая глобальная Компания UC RUSAL стала крупнейшим в мире производителем алюминия и глинозема и присутствует в 17 странах мира, имеет активы в России, Китае, Нигерии, Гайане, Гвинее, Швеции, Ирландии, Италии, Ямайке, Австралии. 14 алюминиевых заводов, 4 бокситовых и 10 глиноземных предприятий, входящих в состав Компании, ежегодно производят 3,9 млн тонн алюминия и 10,6 млн тонн глинозема, что составляет соответственно 12,5% мирового рынка первичного алюминия и 16% всего ежегодно производимого в мире объема глинозема. Компания стала не только монополистом в алюминиевой индустрии РФ, но и заняла доминирующее положение во всей мировой экономике».

Начало конца?

Мог ли кто-нибудь из тех, кто связал свою судьбу (да что там судьбу – саму жизнь!) с Богословским алюминиевым заводом, кто строил в чудовищно сложных условиях объекты предприятия, кто отлаживал технологию, кто радовался трудовым победам и гордился званием «металлург», что однажды этот алюминиевый гигант, имевший статус градообразующего, окажется на грани закрытия.

Можно назвать несколько причин, повлиявших на судьбу завода. Но одно ясно: стратегическая линия развития экономики и технологии (в первую очередь – электролиза) были ошибочными. Погоня за наращиванием объемов производства алюминия, конечно, приносила ощутимый прирост средств, которые вкладывались и в инвестиционные проекты (например, в 1998-1999гг. было инвестировано 67,4 млн.рублей, в том числе – на разработку и внедрение системы автоматического

управления технологическим процессом АСУТП «Электра-160» в электролизном производстве) и в социальную сферу. Но все усовершенствования преследовали только одну цель: выжать из имеющихся мощностей максимум возможного. Почему на заводе не велись работы по реконструкции электролизеров? Почему зашли в тупик разговоры о строительстве новой ТЭЦ? Неужели никто не догадывался, что рано или поздно электролизное производство с устаревшими электролизерами перестанет быть конкурентноспособным и что существующие источники поставки электроэнергии не способствуют его развитию? Почему наши соседи – УАЗ – занимались этими проблемами (порой в ущерб экономике), а мы в это время трубили в фанфары и устраивали проаздничные фейерверки?

Повлияло ли на принятие (или наоборот – непринятие?) судьбоносных решений то обстоятельство, что БАЗ с 1991 года стал акционерным обществом, а с 2001 года вошел в состав компании ОАО «СУАЛ-Холдинг»? Наверное, нет. И теперь трудно гадать то ли это была элементарная недалёковидность, то ли наша обычная вера в «быструю езду после медленного запрягания».

И случилось то, что случилось. Сейчас БАЗ стал разменной картой в колоде искушенного на мировом рынке алюминия игрока – Компании РУСАЛ. Зачем этому игроку знать о проблемах предприятия, которое строилось и пускалось в условиях жесточайшего цейтнота и которому практически за все время существования не давалось передышки? У этого игрока другие козыри: строительство новых современных алюминиевых производств в Восточной Сибири – Тайшетского (проектная мощность – 750 тыс.тонн в год), Хакасского (проектная мощность – 300 тыс.тонн в год) и Богучанского (проектная мощность – 600 тыс.тонн в год) алюминиевых заводов. Причем, этим стройкам всячески (вплоть до субсидирования бюджетных средств) способствуют региональные власти.

Нет, завод нынешние хозяева не закроют. Они просто не дадут ему необходимых средств для развития и капитальных ремонтов.

Но это, в конце концов, личное предположение автора, и кто знает, может быть он ошибается.

Добрая роль «человеческого фактора»

Совсем недавно по долгу службы мне довелось проехать по городам нашей области. Сердце обливалось кровью от общей картины обветшания. Здания с почерневшей от времени штукатуркой, «дырявые» дороги и тротуары, неухоженные деревья и кустарники, мусор и грязь...И главное: озабоченные, неулыбчивые люди на улицах. Эти города несравнимо старше нашего Краснотурьинска и названия их тесно переплетены с историей нашего края. Я бывал там не раз до начала общероссийского беспрецедентного реформирования экономики. Какие же злые силы так враз разрушили сложившуюся, основательную жизнь этих городов? Почему благополучные предприятия, выпускавшие востребованную во все времена продукцию, вдруг начали пробуксовывать и останавливаться? Вопросы, вопросы...А ответы на них просты: человеческий фактор. Корень зла – в нас самих. Мы сами, наша политическая близорукость и попросту лень позволили занять «хлебные» места людям с нечистой совестью. Новые хозяева построенных нашими дедами и отцами в голодные и холодные годы предприятий озабочены только тем, чтобы выжать сиюминутную прибыль. Им по большому счету нет никакого дела до социума ни своих предприятий, ни местности, где живут их работники.

Нам, по-видимому, просто повезло. Долгое время контрольный пакет акций Богословского алюминиевого завода был в руках группы ОАО «СУАЛ-Холдинг». И,

как теперь мы знаем, первоочередными задачами этой группы были все же производственные вопросы. Но тем не менее, человеческий фактор тоже имел место в их далеко идущих планах.

Думается, не последнюю роль в такой политике руководства алюминиевым холдингом сыграла личная позиция Генерального директора БАЗа А.В.Сысоева. Его непререкаемый авторитет, его умение убедить в своей правоте любого оппонента, сделали то, чего не могли сделать менеджеры других мощных и авторитетных производств.

Наш город успешно развивался последние годы благодаря мудрой и дальновидной программе действий руководства администрации города, главой которой на протяжении многих лет был Виктор Егорович Михель. Именно ему досталась нелегкая доля ответственности за городские хозяйственно-экономические дела в сложных условиях реформирования. Пусть злые языки утверждают, что не будь сильного градообразующего предприятия в городе, экономика города была бы другой, Виктор Егорович доказал своим отношением к делу несостоятельность этих разговоров. Есть объекты в городе, которые были построены только благодаря его твердой настойчивости. Это, к примеру, ремонт кровель и фасадов домов, ремонт улицы Попова или строительство родильного дома. Вспоминается, как в далеком доперестроечном 1987 году обещание о финансировании строительства нового роддома с трибуны на собрании хозактива города давал Б.Н. Ельцын, будучи в то время первым секретарем Свердловского обкома КПСС. Он тогда, между прочим, как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, взял добровольно на себя три наказа от жителей нашего города: помимо строительства роддома, строительство в черте нашего города аэродрома для тяжелых самолетов и возобновление строительных работ на объекте нового глиноземного цеха с переориентацией объекта на извлечение полиметаллов из алюминиевых шламов. Как мы видим теперь, ни одному из наказов не суждено было сбыться. И только Виктор Егорович, используя удачно свое назначение доверенным лицом первого Президента России, смог во время очередной предвыборной кампании добиться включения финансирования роддома из федерального бюджета. Не забывал глава городской администрации и поселки, входящие в состав нашего города.

Я ни в коем случае не хочу сейчас выглядеть неким благодушным летописцем деяний бывшего главы. Но и не замечать того, что он сделал для города, я просто не имею права.

Подвижники древней и мудрой игры

Наш город известен своей культурой и интеллектуальностью. И это никакое не преувеличение достоинств наших жителей. Я хочу убедить в этом своего читателя на примере развития в нашем городе шахмат.

Магическая, притягательная сила шахмат неодолима и делает фанатом любого, кто постигает глубину их логики. Забывая о жизненных неурядицах и не замечая времени, переносятся в свой мир – фантастический, гармоничный полный небывалых страстей и азарта – склонившиеся над шахматными фигурками соперники. Такими шахматными фанатами всегда была богата и наша Краснотурьинская сторона.

Впервые шахматисты стали собираться вместе в 1952 году. Надо сказать, что и в те годы любителей шахмат в Краснотурьинске было немало. Но заметнее всех и организованнее были шахматисты Богословского алюминиевого завода. И хотя работа физически очень изматывала, они и после работ, и в выходные дни всегда улучали момент расставить на картонной доске неказистенькие свои шахматные

фигурки. Официальные турниры не проводились, но постепенно люди стали объединяться. Настоящий шахматный бум возник в 1953-54 год, когда свой интерес к этой мудрой игре неожиданно проявил сам «дядя Миша» – директор Михаил Константинович Рюмин. Профкомом завода был закуплен весь необходимый инвентарь – комплекты шахмат и дефицитные в то время шахматные часы. Играли вначале в технической библиотеке завода (она была в клубе БАЗа), потом в подвале техникума. А когда появился Дворец культуры, частенько стали предоставлять его фойе. Первое постоянное шахматное помещение по распоряжению М.К. Рюмина было выделено на том месте, где сейчас находится магазин «Планета вин», что по улице Базстроевской (интересные исторические параллели, не правда ли?). Потом клуб перемещался на улицу Чкалова, потом – в очень уютное здание на улице Серова (около бывшей лодочной станции). Там, кстати, по личному указанию А.В. Сысоева он был капитально отремонтирован. Ну а потом...его постигла та же участь, что и все объекты соцкультбыта БАЗа – клуб был закрыт, «как непрофильный объект». Сейчас стараниями энтузиастов (в первую очередь Б.Г. Канаша) любители шахмат получили все же (спасибо городским властям) уголок в городском Дворце культуры.

В 1959 году, когда клуб обрел постоянное помещение, усилиями председателя профкома завода Владимира Ивановича Пономарева принимается решение о создании заводской шахматной секции, возглавить которую предложили Р.Х. Хамзину, машинисту грейферного крана ПШ-2 глиноземного цеха. С тех пор и до 1972 года, не оставляя своей основной работы, Рафгат Хайруллович занимался организацией шахматной жизни на заводе (а значит, и в городе, поскольку городского клуба тогда не было).

Я хорошо помню этого энергичного пожилого человека до конца своих дней, остававшегося навсегда клубом. Именно с него началась организованная жизнь краснотурьинских шахмат: стали регулярно проводиться цеховые турниры, личные и командные первенства завода (и города), квалификационные турниры, блицтурниры и праздничные турниры, сеансы одновременной игры. Стали выезжать на областные, отраслевые и союзные соревнования, что, несомненно, способствовало росту уровня игры. Наш шахматный Краснотурьинск стал на равных конкурировать с такими традиционно сильными шахматными городами Среднего Урала, как Свердловск и Нижний Тагил. Росту активности шахмат способствовало и то, что азартными любителями этой игры были многие руководители производства завода. Очень сильно играл в шахматы начальник глиноземного цеха В.С. Мийченко, а его заместитель В.К. Мурашов вообще был неоднократным победителем заводских турниров. Завсегдатаем секции был и директор завода М.К. Рюмин. Он не играл в турнирах, но, судя по его игре, имел квалификацию не ниже первой категории. С тех пор и все последующие годы шахматами всерьез увлекались люди, занимающие руководящие должности на других предприятиях города и даже работающие в аппарате управления города: В.А. Щупов В.В. Зверев, А.П. Сломчинский, Е.Н. Реймер, П.М. Тучковский, И.В. Базанков.

После того, как Р.Х. Хамзин, перейдя на постоянную работу руководителем спортивного клуба, ушел из шахматной секции, ее возглавил П.А. Койнов. В разное время работой шахматного клуба (так была по инициативе Р.Х.Хамзина переименована секция в 1972 году) руководили Е.П. Малогриценко, И.В. Базанков, В.А. Красильников. Последние, очень непростые годы клуб возглавляет Борис Канах. При клубе работала детская секция. Здесь практически ежедневно встречались за шахматными столиками 30-40 человек (а по официальной статистике здесь ежегодно фиксировалось до 4000 человеко-посещений). Естественно, для того, чтобы достичь вершин спортивного мастерства, одного энтузиазма недостаточно – нужны немалые денежные средства. И хотя краснотурьинские шахматы во все годы существования не были в фаворе, как скажем, русский хоккей, они вплоть до ухода с завода А.В. Сысоева не были обделены вниманием со стороны руководства завода.

В разные годы фамилии наших шахматистов были на слуху и мелькали в списках победителей соревнований регионального, областного и даже всесоюзного масштаба. В 1954 году инженер электролизного цеха Владилен Яковлевич Зурахов стал третьим призером первенства РСФСР, выполнив норму мастера спорта. Переехав в Киев, он стал неоднократным чемпионом Украины, в 1957 и 1959 годах побеждал в первенстве Киева, а в 1958 году был чемпионом ДСО «Авангард». Занимала призовые места в 70-е годы на всесоюзных соревнованиях международный мастер Ирина Пастухова. Она впоследствии закончила институт физкультуры, уехала в Израиль, работала шахматным тренером. В шахматной жизни города в последнее время активно участвовали мастер ФИДЭ Николай Волков, кандидаты в мастера Владислав Логинов, Евгений Бельтюгов, Владимир Платунов, Анатолий Ожгибцев, Валерий Таныгин, Максим Соломенцев, Александр Гроо, Константин Новоселов, Григорий Никитин, Венера Шакирова, Ирина Манакова. В разные годы активными шахматистами были кандидаты в мастера Владимир Лашкевич, Вячеслав Беккер, Светлана Беккер, Алексей Бурбах, Вячеслав Устинов, Галина Никулина. Привносили азарт и творческую живинку такие сильные перворазрядники, как Владимир Тренихин, Валерий Беккер, Валентин Истомина, Михаил Уланов, Иван Шиль, Роберт Штейнерт, Евгений Юнге, Яков Шефер, Петр Койнов, Виктор Губкин, Виктор Горчаев, Игорь Базанков, Евгений Углицких, Игорь Таныгин.

Целая эпоха шахматной жизни города связана с именем Романа Андреевича Эстрина. Он был одним из первых организаторов шахматного образования детей. С начала 70-х годов, как только открылся новый Дворец пионеров и школьников, он организовал и возглавил вначале кружок, а потом – большую шахматную секцию. Практически все значимые результаты в шахматах, достигнутые нашими шахматистами в 70-е – 90е годы – это плоды его титанической, подвижнической работы. После того, как его не стало, заниматься с одаренными детьми продолжили Валерий Таныгин (сам в прошлом ученик Р.А. Эстрина), Владимир Платунов и Борис Канаш. Удивительно, но секцию В. Таныгина вот уже несколько лет посещают даже дошколята. И не только посещают, а даже участвуют во всех проводимых для детей городских и региональных турнирах. А первоначальные навыки этим детям тоже уже много лет прививает очень увлеченный и творческий человек – бывшая заведующая детского сада №22 Людмила Николаевна Папушина.

Нас в городе всегда были традиционно сильны женские шахматы. И это тоже заслуга Валерия Таныгина. Его воспитанницы Наталья Боровикова, Венера Шакирова и Ирина Манакова – неоднократные победительницы областных чемпионатов в своих возрастных группах. Галина Никулина становилась чемпионкой Тюментрансгаза, а Татьяна Чекунова – бронзовым призером чемпионата области среди девушек.

Наш город дал путевку в большую шахматную жизнь Андрею Владимировичу Селиванову, почетному президенту Российской шахматной федерации, вице-президенту Международной шахматной федерации (ФИДЭ), международному гроссмейстеру по шахматной композиции. Здесь он делал первые шаги в шахматах и шахматной композиции, здесь остались его друзья и единомышленники, с которыми он не прерывает творческих связей. Именно благодаря усилиям Андрея Владимировича в наш город приезжали с творческими визитами экс-чемпионы мира Гарри Каспаров (во время визита которого была достигнута договоренность о проведении в регионе ежегодного турнира «Кубка Г.Каспарова»), Борис Спасский, Кира Зворыкина и Майя Чибурданидзе. Трижды при материальной поддержке БАЗа (которая была обусловлена личным участием в проекте директора А.В. Сысоева) проводились Международные женские турниры с участием сильнейших шахматисток планеты.

Русский хоккей – это наша игра!

Я очень сожалею о том, что мне не пришлось вплотную соприкоснуться со священными реликвиями краснотурьинского большого спорта. Я по долгу журналистской профессии делал эпизодически репортажи со спортивных мероприятий, писал о спортсменах. Но как-то мимо меня прошли те великие мастера, которые вписали яркие страницы в летопись городского спорта и о которых до обидного мало знает сегодняшнее молодое поколение. Именно поэтому меня очень порадовала книга нашего земляка, талантливый инженер и изобретатель, неординарный, яркий человек Геннадия Копытова «Вечное и временное», которая была отпечатана на средства автора типографией «ЯСА» в 2007 году в количестве 70 экземпляров.

Вот о чем приходится горько сожалеть: великолепным, живым и эмоциональным языком написанная книга осталась незамеченной теми, ради кого она и была задумана. Почти половина этой книги – подробные воспоминания о краснотурьинском спорте: о ярких победах, о выдающихся спортсменах, о всех тех милых и памятных околоспортивных подробностях, какие со временем становятся местным фольклором.

Учитывая, что лучше Геннадия об истории городского спорта мне не написать, позволю себе процитировать несколько страничек его книги... ну, хотя бы о русском хоккее.

«...Любовь к этой исконно русской забаве подвигла в 1947 году городской комитет по физической культуре и спорту на базе четырех самых крупных предприятий – БАЗа, треста «Базстрой», ЮЗП и ТМР – создать первую городскую команду. В нее вошли Эдуард Эйрих, капитан и тренер, Евгений Жилин, Александр Кооль, Николай Морозов, Виктор Гугин, Виктор Гофман, Иван Фаллер, Степан Миков, Ленид Киселев, Иван Гейне, Максим Покровенко. Затем в ее состав вошли Гергий Кочнев, Максим Леоньев, Иван Оротких, Василий Аржанов, Владимир Сапаров, Анатолий Черепенин, Леонид Поносов.

Регулярные соревнования на первенство Богословского алюминиевого завода начались с 1949 года, отсюда и дата рождения нашего хоккея с мячом. В течение семи лет, вплоть до 1956 года, первыми в чемпионате предприятия были спортсмены БТЭЦ, входившей тогда в состав БАЗа.

Вскоре пришел и первый крупный успех в соревнованиях рангом повыше. В сезоне 1951-52 годов в чемпионате областного Совета ДСО «Труд» наша команда заняла второе место вслед за опытным коллективом из Первоуральска.

...За время выступлений в разных соревнованиях хоккейная команда города и завода меняла только названия – «Труд», «Алюминщик», «Маяк», но не свое лицо. В начальной стадии своих выступлений краснотурьинцы трижды становились чемпионами области – в 1959, 1963 и 1971 годах.

«Маяк» в 60-80-е годы провел множество сезонов в первой лиге отечественного хоккея с мячом. В 1965 году краснотурьинцы были включены в восточную зону чемпионата СССР среди команд второго дивизиона...и уже на следующий сезон...получила путевку в высшую лигу всесоюзного первенства.

...Счастливы те болельщики, которым пришлось пожить в эпоху оригиналов, личностей в спорте. А их в советской спортивной жизни было много даже на провинциальном уровне. Без преувеличения можно сказать, что спорт в нашем городе не зря определяют эпитетом «заводской», а самыми «заводскими» всегда считались футбол и хоккей с мячом.

...Нет такой командной игры, где разыгрывающий игрок не назывался иначе, как «мозг команды». Если начать отсчет с официального хоккея, то первым таким игроком, несомненно, будет Эдуард Айрих.

Удивительно смотрелся он на поле. Все играли в гетрах, одеваемых до колен поверх штанов, а он – без них, в широченных шароварах – вылитый казак-запорожец. Но, конечно, главным отличием был не внешний вид, не форма, как говорят, а содержание содержание игры, заключающееся в ее организации за сет мения видеть поле и дать пас в нужное время и в нужную точку. Здесь он отличался в высшей степени от всех. Была такая иллюзия в его игре, что он не имеет отношения к тому, что происходит на поле. И надо было по-настоящему понимать хоккей, чтобы видеть: главная фигура Айрих. Может быть, именно такое его своеобразие помогло стать ему прекрасным тренером и педагогом...Какая титаническая работа была им проделана, когда по рекомендации его друга В.З. Бикмулина к нему уезжали молодые перспективные игроки из Краснотурьинска, и он делал из них мастеров. Феномен Э.Ф. Айриха ждет своего исследователя. Удивительно, что еще никто такой работой не занялся.

...Кроме Э.Айриха, яркими мастерами паса были А. Голодннев, Ю. Блохин, А. Лошков, Солзинов, Маркин, Маряшин.

...Разыгрывающий игрок – самый трудный вид амплуа. Он должен уметь вести мяч без зрительного контроля, хорошо при этом видеть поле, обладать интуицией, то есть чувствовать атаку как свою, так и чужую, уметь отдать пас, должен уметь и пробить по воротам. И, конечно же, не должен быть «жадным» до мяча, то есть быть «демократом», если можно так сказать. Его игра часто бывает незаметна, так как голы забивают другие, которые и становятся героями.

...Хоккей с мячом – такая игра, в которой точный и сильный удар по мячу имеет большое значение.

Последним из могижан, владеющим хлестским ударом из статики был Станислав Любченков. Перед ним были Карпов, Вальдемар Май, Виктор Серденко. Список невелик.

...Вспоминается В. Май. Как часто его можно было видеть вместе с Маратом Литвиновым. Один – в воротах, другой – бьет. Уже все ушли, вечер, каток открывают для массового катания, а они все тренируются.

После него наиболее ярко талант в этом амплуа в нашей команде проявился у Станислава Любченкова.

Станислав, играя защитником, забивал голов больше нападающих. Однажды силу его удара удалось измерить. Рассказывает один из лучших в прошлом нападающих «Маяка» В. Чернышов: «Мы подавали угловой. Стас, как всегда, тщательно изготовился для удара, но мяч был послан не совсем точно, и он по воротам промахнулся. Мяч пролетел выше ворот, перелетел через забор и ударился в жилой дом между вторым и третьим этажами». Это был «хороший» промах.

...В Краснотурьинске всегда были хорошие вратари. И если бы можно было им присваивать звание мастера спорта отдельно от команды, то таковыми бы стали Марат Литвинов, Леонид Соколов, Николай Горбунов, Василий Таскаев, Валерий Загребельный. Любая команда не отказалась бы от их услуг.

...При Э.Айрихе из недр ДЮСШ вышел, наверное, самый талантливый вратарь – Николай горбунов, единственный из наших вратарей, игравший за сборную СССР (за юношеские сборные играли Иордан, Куйвашев и Хвалько). К сожалению, спортивная карьера его была самой короткой. Сильно простудился, стоя в воротах, затем осложнение, трудное лечение. Выздоровел, но обратную дорогу в спорт врачи закрыли. Место же в воротах заводчан пустым никогда не оставалось, и всегда находился талант. Не было случая за всю историю, начиная от Марата Васильевича, чтобы кто-то сказал: «У нас в воротах дыра».

...Кстати, о М. Литвинове...Хочется ответить на многочисленные вопросы любителей хоккея с мячом: «Откуда у него такое редкое для русского человека имя – Марат?». Дело в том, что его отец, так говорит, назвал двух своих сыновей и дочь:

Маратом, Олегом и Авророй, в честь крейсеров Балтийского флота, где ему довелось служить.

...С конца 50-х до окончания 60-х годов метеоритами промелькнули на небосклоне тренеры и игроки: В. Щелконогов, Арефьев, Б.Лихутин, В. Потаскуев, И. Мейлахштейн, В. Голубев, В. Кожевников, В. Кочегаров, Р. Макаров, В. Хохлов, Дерябин, Ю. Ентальцев, М. Тер-Эмануэльянц, Д. Кожевников, Рукомойкин, Л. Волков, О.Литвинов, А. Кораблев, А. Тупицын, Л. Цейтлин, Харишман, Ю.Повстаный, Е.Лошков, Загребельный, братья Семиколенные, Л. Смолин, А. Коробейников, А. Шварев, братья Алексеевы, Ю.Блохин, А.Кулев, дементьев, В. Май, Я. Апельганец, В. Серденко, А. Голоднев, Полюндра, Нуйкин, А. Скобелев, А. Куземчик, Авельяров, Б. Третьяков, А. Шулепов, В. Черемных, Б. Чехлыстов, всех невозможно вспомнить, да и скучное, как видите, это перечисление. Гораздо интереснее что-либо неординарное из их жизни».

И этого неординарного так много в книге Г. Копытова, что читается она «на одном дыхании». Кроме хоккея с мячом, нашлось в книге место и для других видов спорта: хоккея с шайбой, футбола, волейбола, баскетбола, настольного тенниса и легкой атлетике. С любовью выписаны портреты таких замечательных спортсменов, как Т.Ю. Бунап, В.З. Бикмулин, А.Ф. Айрих, И.И. Эльман. Автор с сожалением сетует на то, что его воспоминания фрагментарны. Его целью было поговорить о спорте вообще (с описанием ярких моментов), а совсем не детальное историческое исследование. И хочется думать, что о нашем краснотурьинском спорте эта книга не станет последней.

Строить – значит, верить в будущее

Красив наш город в любое время года. И главное, что бросается в глаза приезжим сюда людям – это удачное архитектурное решение его застройки. Известно, что основой ее был Генеральный план, который в 40-60-е годы разрабатывала архитектурная мастерская №2 Ленинградского отделения Госстройпроекта. Площадка под строительство города была идеальна для творческих фантазий ленинградских авторов: центр города оказался на возвышенности в излучине реки Турьи, омывающей его с трех сторон, а с юга и востока холмы делают панораму города полностью охватываемой взглядом.

Было сразу решено принять радиально-лучевой вариант композиции центра города. Центральная площадь оказывалась в центре прямолинейной улицы Ленина, пронизывающей город с запада на восток (надо сказать, что в дальнейшем архитекторы несколько отошли от плана, «посадив» на проекцию улицы Ленина здание филиала УПИ). От центра были спроектированы улицы-лучи Базстроевская и Молодежная. Перпендикулярно центру, в юго-западном направлении предусматривалось строительство Бульвара Мира. С самого начала авторов несколько смущало то обстоятельство, что на месте будущего бульвара располагалось городское кладбище, но власти заверили архитекторов, что к моменту строительства захоронение будет перенесено в другое место. И в самом деле через некоторое время кладбище было закрыто, а жители оповещены о переносе останков в другое место. Кто должен был переносить? Ну, конечно, сами жители. Прошло еще какое-то время и на место захоронений приехала строительно-дорожная техника. И никого не смущало, что большинство захоронений так и остались нетронутыми. Кстати, не менее циничным было отношение городских властей и к месту массовых захоронений трудармейцев, что находилось на 42 квартале. Там тоже сперва разравнивали пустырь, на котором никто не догадался поставить какого-либо памятного знака, а потом разрешили работникам газпрома строить коттеджный поселок. И долго потом

поселковые собаки бегали по строительным развалам с человеческими костями в зубах.

Ну да ладно, что теперь спросить с тех чиновников, с ведома которых творились неслыханные акты вандализма, а потом исподволь выдергивались нежелательные странички из летописи города? Бог им судья.

А ведь особенностью Краснотурьинска как раз и было то, что профессиональные архитекторы, занимавшиеся проектом застройки города, и были теми самыми жителями «БОГОСЛОВЛАГа», филиала гигантского сталинско-бериевского «архипелага ГУЛАГа». Первоначально проектная группа состояла только из специалистов зэка, потом постепенно в нее влились вольнонаемные специалисты. Архитекторам-градостроителям выпала сложная миссия в короткие сроки решить сложнейшие вопросы строительства завода и города, привязывая проекты к особенностям рельефа. Именно эта группа была преобразована впоследствии в филиал института «Свердловскгражданпроект», который в свою очередь стал базой для крупнейшей на северном Урале архитектурно-проектной мастерской «Градар».

Началом застройки были кварталы набережной городского пруда. От них невысокими двух-трех-четырёхэтажными домами началась застраиваться кварталами улица Ленина. Авторы проекта жилой застройки набережной пруда (В.А. Баранский, Н.И. Гринев, В.И. Кирцидели, В.И. Зильбергер) в 1950 году были отмечены второй премией на конкурсе лучших строений по РСФСР. А сама набережная! Какая же она была красивая по воспоминаниям старожилов: балюстрады белоснежных лестниц и спусков к воде, с фонтанами и гипсовыми скульптурами, с соснами и скамейками. Талантливые архитекторы Н.И. Гринев и Н.И. Бочаров, казалось, всю душу вложили в этот проект.

В середине 50-х годов активно застраивался центральный квартал города (между улицами Базстроевской, Молодежной и Попова). Здесь решено было построить более комфортные для того времени жилые дома (с повышенной высотой этажа, с расширенным составом подсобных помещений и более продуманной планировкой квартир). В центре квартала расположили сквер с фонтаном. И счастливицы, которые вселились в дома этого района, по достоинству оценили старания строителей, окрестив квартал «дворянским гнездом».

Ну а когда объемы строительства возросли, наш город, как и вся страна, вынужден был перейти на индустриальные методы проектирования и строительства жилья. Естественно, архитектура фасадов домов стала менее привлекательной и только их цветовая окраска хоть как-то разнообразила внешний вид строений.

В 1972 году началось проектирование Заречного района. И хотя здесь тоже было запланировано использование типовых домов, авторам проекта В. Синеву и Б. Барашкову удалось вдохнуть гармонию в общий силуэт застройки.

Вплоть до 90-х годов развивался город в восточной его части. И было ощущение, что этому нет предела. А собственно, почему бы и не расти было городу дальше, ведь у нас под ногами, если верить геологам, так и остались еще нетронутыми огромные запасы минерало-рудных богатств.

Послесловие

Историю Краснотурьинска можно писать бесконечно. Если бы моя книжка претендовала на детальное историческое исследование, то, конечно же, я должен был бы приводить гораздо более длинный ряд фактов по каждой рассматриваемой теме. Да и самих тем должно быть больше. Но я отбирал те факты, какие мне самому казались интересными. Я сдерживал себя, когда пересказывал официальные

материалы, потому что понимал, что когда даже интересного много, то это вызывает резонное читательское раздражение.

Каюсь: я упустил такие важные темы, как развитие в нашем городе горнодобывающих отраслей (железнодорожной и медной), становление газокompрессорных станций. Да и о других предприятиях города, кроме Богословского алюминиевого завода, я почти ничего не написал.

Но, может быть, это была бы и другая книга. Я увидел наш город с той стороны, какой он чаще всего и был передо мной. Я хотел передать эмоции от пережитых встреч с городом и его людьми, а потому меня то и дело несколько «уводило в сторону».

Немного жаль, что очень многое осталось «за скобками». Как сказал мне один крупный городской руководитель: «Ну как сейчас писать мемуары, если все фигуранты живы?». По роду журналистской деятельности мне довелось встречаться практически со всеми руководителями предприятий и учреждений города. Я бы мог рассказать о таких закрытых учреждениях, как детская и взрослая колонии (потому что я там проработал большую часть своей трудовой жизни). Я изнутри знал и БАЗ, и птицефабрику, и малый строительный бизнес, так как довелось поработать и там. Но получилось то, что получилось. Ведь не даром я предупредил в предисловии, что «нельзя объять необъятное».

Я здесь живу.

Поэма.

1.

Я вырос в тех местах, где с улицы
Таежный лес глядит в дома,
Где постоянно небо хмурится,
Где нескончаема зима.

Где ночью в дебрях берендеевых
Горят горняцкие огни,
Где вся таблица Менделеева
В земле, где только ни копни.

Свердловской области окраина...
На сотни верст тайга окрест...
Тревожит сердце в память вкрапленный
Смолистый дух родимых мест.

Лукавы росписи наличников
Подобьем вьющихся дымов
На молчаливо чинных личиках
Седых прадедовских домов.

Внезапный гром над далью зыбкою
С надрывом лопнувшей струны...
И ключик, плещущийся рыбкою
В сетях еловой тишины.

Встает над сонной далью солнышко.

Журчит по камушкам вода.
...Милей тебя, моя сторонущка,
Нет и не будет никогда.

2.

...вот мост на Песчанку, вокзальчик глазастый,
Своротка дороги, ведущей домой.
Ну, здравствуй, мой город, хороший мой, здравствуй.
Ну, как ты тут жил без меня, дорогой?
А я не спешу. И автобус помятый
Стоит, ожидая покорно меня.
И запахом терпких грибных ароматов
Из ближнего леса потянет, пьяня.
Потом в запыленной автобусной раме
Пойдут потихоньку, друг друга тесня,
Сарайчик, тепличка, бабуля в панаме,
Рядочки картошки, «Жигуль» у плетня.
Смотрю и смотрю. Не могу наглядеться
На лес, обступивший дорогу стеной.
Смотрю и смотрю. И колотится сердце
От встречи с родимой моей стороной.
А шустрый автобус, бренча беззаботно,
Шлифует резиной шершавый бетон.
И ты вдруг замрешь: «...вон, за тем поворотом...
Вон там, где дорога пойдет под уклон...»
И вот он – простор распахнувшейся далью
В рассвети чуть желтый от солнечных брызг.
Во весь горизонт панорамой бескрайной –
Мой город-красавец, мой Краснотурьинск.
Прямыми углами – заречья высоты,
Домишки, строения, мост над Турьей.
Классически строгий, в орнаментах четких
Больничного комплекса праздничный строй.
И фоном всей этой бескрайней картины –
Окутанный дымом извечных забот,
Спокойный, уверенный, невозмутимый
Упершийся трубами в небо завод.
...С тех пор, если вдруг далеко улечу я,
Ночами угрюмой, ненастной поры
Мне снится, душевные раны врачуя,
Вид города с той Воронцовской горы.

3.

Как отзвук былой психологии бесей
Вдруг начал на свет потихонечку вновь
Вопрос выползает в разговорах ли, в прессе:
Какого народа течет в тебе кровь?
Причем, разговор не о том, что к примеру,
Ты чтешь свой язык, свой обычай любя,
А грубо: о нравах, привычках, манерах,
Которые делают шутком тебя.
И что еще хуже: не пряча цинизма,

Публично, подобьем солидных программ,
Кой-кто, доходя до свинячьего визга,
Нас всех начинает делить по сортам.
Какая ж беда разразилась меж нами?
Какие ж причины у злобы слепой?
Что делать, уж если хохлы с москалями
Граничный барьер возвели меж собой?
А город – он нашей страны отражение.
Мы все неразрывны единой судьбой.
Но вот вопреки устоявшимся мненьям,
Народ здесь на Севере все же иной.
Наследством трудармий, а попросту ссылок,
Последствием сталинских зон-лагерей –
Причина того, что у нас не остыло
Священное чувство к единству людей.
Башкиры, армяне, татары, чеченцы,
Одною бедою сродненные тут,
И русские, и украинцы, и немцы
Семьею единой, как прежде, живут.

4.

Мы с ним уже, кажется, вечность знакомы.
Высокий, улыбчивый, сутуловатый,
Одетый всегда и опрятно, и скромно,
Он жил от меня по соседству когда-то.
Встречался я с ним по работе в газете,
Когда об известных писал богословах.
А чаще всего мы с ним виделись летом
На наших «плантациях» дачно-садовых.
Хоть все его звали по-русски – Васильич,
Но все ж непривычно для русского слуха
По паспорту был он записан Карл Вильевич.
И немцем по крови он был и по духу.
... Да, кто приезжает в наш город впервые,
Всегда удивляется, встретив такое
Большое число иностранных фамилий
В различных слоях наших местных сословий.
И разве приезжий поймет, бедлолага,
Читая на стенах музейные доски,
Что был филиалом «большого ГУЛАГа»
Наш северный маленький «лаг» - Богословский.
И нынче немногие помнят, наверно,
Что в смуте тревог и под гнетом условий
Вдруг стало считаться гнуснейшей изменой
Уж даже лишь то, что ты немец по крови.
Вся Русь на врага вышла силой одною,
Одели шинели российские парни.
А их - на Урал, как бандюг, под конвоем,
А их – за колючку чекистских трудармий.
И голод жестокий сломать их пытался,
И холод пронзал полуголые спины,
Но зримо завод на скале поднимался

И камни упрямо ложились в плотину.
... Что было, то было... а дни неустанно
Сменяют друг друга: то утро, то вечер.
И время, как лекарь, душевные раны
Бинтами забот пеленает и лечит.
Но, видимо, что-то в душе надломилось,
Нет-нет и занает болячка надлома,
Раз едут, как только граница открылась,
Немецкие семьи из отчего дома.
Раз едут, оставив добро нажитое,
Друзей покидая и близких знакомых
И лес, и поля, и туман над рекою,
И эту тропинку, ведущую к дому.
...И вот он при встече меня крепко обнял,
Слезинку смахнул из-под глаз своих строгих.

- Ну что ж, Алексеич, плохого не помни...
- Ну что же, Васильич, счастливой дороги...
- Вот так вот, - сказал и пожал мою руку

И, верно поняв мой вопрос в моем взгляде,
Добавил: «Я ж ради детей, ради внуков.
А мне ничего уже больше не надо.
Я жизнь здесь прожил. С этим краем сроднился,
К нему мои чувства такие ж, как прежде.
Россию люблю, как на свет появился,
Хоть нету давно на взаимность надежды.
Конечно, когда-нибудь люди проснутся
И твердо решат: «Этак жить не годится».
И все ж даже внуки, боюсь, не дождутся,
Пока баламуть до конца отстоится.
Я чувствую, как будет там нелегко мне,
Ведь люди и там, к сожаленью, не боги...

- Ну, что ж, Алексеич, плохого не помни...
- Ну, что же Васильич, счастливой дороги...

...Я видел, как он повернул с Молодежной –
Нескладный, высокий и сутуловатый.
И шел я в смятеньи с душою тревожной
И чувствовал в чем-то себя виноватым.

5.
Я здесь живу. Здесь лето своенравно.
Уральский климат, что ни говори.
Но ты вдохни, настоенный на травах
Осенний запах песенной Турьи,
Пройди по полю, где трава по пояс,
Войди в седые строгие леса,
И ты увидишь, что это такое –
Уральская неброская краса.
Я здесь живу.
Здесь небо держат трубы.
И этот дым чрез толщу зим и лет
Плывет, как вестник таинства и чуда
Явленья алюминия на свет.

Пусть в этом мире все не так уж просто,
Но будет жить своею головой
Завод, по меркам Вечности – подросток,
По меркам доблести – старейшина седой.
Я здесь живу. Здесь трепетно вниманье
К тем, кто дошел из грозových годов.
Здесь на бульваре – золотом по камню
Фамилии погибших земляков.
Ни одного из них мы не забыли,
Всех поименно помня и любя,
Мы каждый день несем цветы живые
К священным плитам Вечного огня.
Я здесь живу.
Здесь белыми ночами
Под гомон, смех, бречанье магнитол
В большую жизнь вступленья отмечают
Выпускники со всех окрестных школ.
Росисты травы узенькой тропинки,
А на воде лукавы и легки
Всю ночь, мигая, плавают кувшинки –
Заречного района огоньки.

Список использованной литературы

1. Авторский коллектив. Путеводитель по городу. Красноурьинск – завод и город. Красноурьинск, 2003.
2. «Алюминщик» (еженедельная газета Богословского алюминиевого завода). Серебряный меридиан (краеведческое приложение). Публикации 1999 – 2001 годов.
3. Анимица Е.А. Города Среднего Урала. Свердловск, 1975.
4. Ауэрбах А.А. Исторический очерк развития горного дела в Богословском горном округе. СПб., 1882.
5. Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.-Л., 1935.
6. Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.
7. Болотов А.Т. Памятник протекших времен. М., 1875.
8. Буранов Ю.А. К вопросу о правительственной поддержке уральских заводчиков в конце XIX – начале XX вв. Вопросы истории Урала. Сб. 10. Свердловск, 1970.
9. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., 1982.
10. Вологдин И.И. Максим Максимович Походяшин. Пермские губернские ведомости, 1878. №49.
11. Воронов Г.И., Каета Г.М. Красноурьинск. Свердловск, 1978.
12. Гиндин И.Ф. Особенности развития Богословского горного округа в конце XIX – начале XX вв. Вопросы истории, 1983. №2.
13. Громько М.М. Верхотурские купцы Походяшины. Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
14. Жлудов В.И. Некоторые штрихи из истории прииска. Рукопись, 2002.
15. Историко-производственный музей. Богословский алюминиевый завод. Путеводитель. Красноурьинск, 2000.
16. Каржавин Н.А. Красная шапочка. М., 1975.

- 17.Кашинцев Д.И. История металлургии Урала. Т.1. Первобытная эпоха XVII в XVIII веков. М. –Л., 1939.
- 18.Копытов Г.Г. Вечное и временное. Красноурьинск, 2007.
- 19.Мостовенко В.И. Медные рудники Богословского округа. Горный журнал.Т.1. №1., 1868.
- 20.Никлаус Г.И., Луцкая Л.П. Богословский алюминиевый завод. Годы. События. Люди. Красноурьинск, 2000.
- 21.Очерки и воспоминания о развитии золото-платиновой промышленности Северного Урала. Рукопись, 1984.
- 22.Паэгле Н.М. Богословская ТЭЦ – 55 лет. Очерк-буклет. Красноурьинск, 1999.
- 23.Сорокин А.К. Богословское горнозаводское общество. Отечественная история. Энциклопедия. Т.1. М., 1998.
- 24.Чалая З.А. Анатолий Серов. Свердловск, 1970.
- 25.Шувалов Е.Л. Красноурьинск, Карпинск, Североуральск, Волчанск. Свердловск, 1957.

